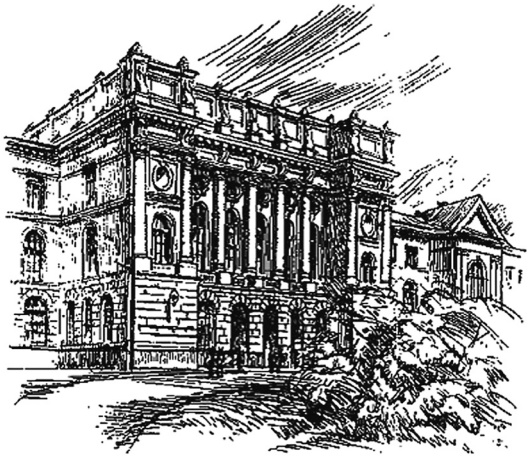
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ



НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные и общественные науки

Том 9, № 1, 2018

Издательство Политехнического университета
Санкт-Петербург
2018

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Председатель – ***Казанский Н.Н.***, академик РАН.
Бордовская Н.В., академик РАО;
Бордовский Г.А., академик РАО;
Дудник С.И., д-р филос. наук, профессор СПбГУ;
Поршнева О.С., д-р ист. наук, профессор УрФУ (Екатеринбург);
Тряпицына А.П., чл.-кор. РАО.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор – ***Кузнецов Д.И.***, д-р филос. наук, профессор.
Зам. главного редактора – ***Шипунова О.Д.***, д-р филос. наук, профессор.
Алексеев Т.В., д-р ист. наук, профессор Военно-космической академии им. А.Ф. Можайского;
Алмазова Н.И., д-р пед. наук, профессор;
Ван Ци, профессор Университета Цинхуа, PhD (КНР);
Гогоберидзе А.Г., д-р пед. наук, профессор РГПУ;
Даринская Л.А., д-р пед. наук, доцент СПбГУ;
Дианова В.М., д-р филос. наук, профессор СПбГУ;
Кулик С.В., д-р ист. наук, профессор;
Марков Б.В., д-р филос. наук, профессор СПбГУ;
Михайлов А.А., д-р ист. наук, профессор Военной академии Генерального штаба ВС РФ;
Осокина Е., д-р ист. наук, профессор Университета Южной Каролины (США);
Погодин С.Н., д-р ист. наук, профессор;
Попова Н.В., д-р пед. наук, профессор;
Порохня В.С., д-р ист. наук, профессор МАИ;
Романенко И.Б., д-р филос. наук, профессор РГПУ;
Савчук В.В., д-р филос. наук, профессор СПбГУ;
Стрельченко В.И., д-р филос. наук, профессор РГПУ;
Сурыгин А.И., д-р пед. наук, профессор;
Ульянова С.Б., д-р ист. наук, профессор;
Халяпина Л.П., д-р пед. наук, профессор;
Юсупова Т.И., д-р ист. наук, профессор Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (Санкт-Петербургский филиал).

Журнал издается под научно-методическим руководством Российской академии наук.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

С 2010 года журнал выпускался в составе сериального периодического издания «Научно-технические ведомости СПбГПУ» (ISSN 1994-2354), в 2012 году он был зарегистрирован как самостоятельное периодическое издание Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Тематические разделы издания соответствуют отраслям науки согласно Номенклатуре специальностей научных работников (утв. приказом Минобрнауки РФ от 25.02.2009 г. № 59, в ред. приказов Минобрнауки РФ от 11.08.2009 г. № 294, от 16.11.2009 г. № 603, от 10.01.2012 г. № 5, от 20.02.2015 г. № 114), по которым присуждаются ученые степени: 07.00.00 — Исторические науки и археология, 09.00.00 — Философские науки, 13.00.00 — Педагогические науки.

Подписной индекс **80634** в объединенном каталоге «Пресса России».

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенную на платформе Научной электронной библиотеки на сайте http://www.elibrary.ru.

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

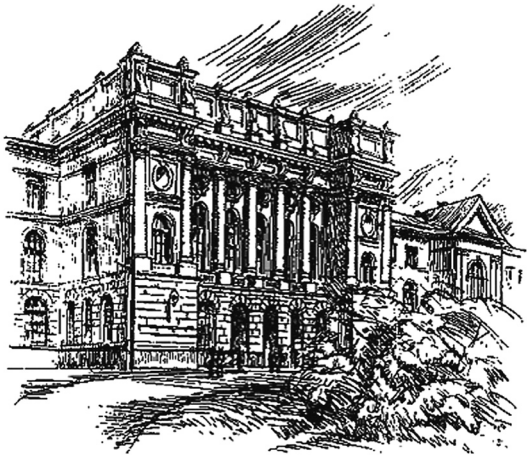
Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Адрес редакции и издательства: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

Тел. редакции (812) 552-62-16.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2018

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION



ST. PETERSBURG STATE POLYTECHNICAL UNIVERSITY JOURNAL

Humanities and Social Sciences

Vol. 9, no. 1, 2018

Polytechnical University Publishing House
Saint Petersburg
2018

ST. PETERSBURG STATE POLYTECHNICAL UNIVERSITY JOURNAL

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

EDITORIAL COUNCIL

Kazansky N.N., Dr.Sc. (philol.), academician of the Russian Academy of Sciences – chairman of the board;
Bordovskaya N.V., Dr.Sc. (ped.), prof. of the St. Petersburg State University, academician of the Russian Academy of Education;
Bordovsky G.A., academician of the Russian Academy of Education;
Dudnik S.I., Dr.Sc. (philos.), prof. of the St. Petersburg State University;
Porshneva O.S., Dr.Sc. (history), prof. of the Ural Federal University (Ekaterinburg);
Tryapitsyna A.P., Dr.Sc. (ped.), prof., corresponding member ofthe Russian Academy of Education.

EDITORIAL BOARD

Kuznetsov D.I., Dr.Sc. (philos.), prof. – editor-in-chief;
Shipunova O.D., Dr.Sc. (philos.), prof. – deputy editor-in-chief;
Alekseev T.V., Dr.Sc. (history), prof. of the Mozhaisky Military Space Academy;
Almazova N.I., Dr.Sc. (ped.), prof. of the SPbPU;
Darinskaya L.A., Dr.Sc. (ped.), associate prof. of the St. Petersburg State University;
Dianova V.M., Dr.Sc. (philos.), prof. of the St. Petersburg State University;
Gogoberidze A.G., Dr.Sc. (ped.), prof. of the Herzen State Pedagogical University of Russia;
Khalyapina L.P., Dr.Sc. (ped.), prof.;
Kulik S.V., Dr.Sc. (history), prof.;
Markov B.V., Dr.Sc. (philos.), prof. of the St. Petersburg State University;
Mikhailov A.A., Dr.Sc. (history), prof. at the Military Academy of the Russian Armed Forces General Staff;
Osokina E., Dr.Sc. (history), prof. of the University of South Carolina (USA);
Pogodin S.N., Dr.Sc. (history), prof.;
Popova N.V., Dr.Sc. (ped.), prof.;
Porokhnya V.S., Dr.Sc. (history), prof. of the Moscow Aviation Institute;
Romanenko I.B., Dr.Sc. (philos.), prof. of the Herzen State Pedagogical University of Russia;
Savchuk V.V., Dr.Sc. (philos.), prof. of the St. Petersburg State University;
Strelchenko V.I., Dr.Sc. (philos.), prof. of the Herzen State Pedagogical University of Russia;
Surygin A.I., Dr.Sc. (ped.), prof.;
Ulyanova S.B., Dr.Sc. (history), prof.;
Wang Qi, prof. of the Tsinghua University, Ph.D. (China);
Yusupova T.I., Dr.Sc. (history), prof. of the St. Petersburg Branch of the Institute of History of Science and Technology.

The journal is published under scientific and methodical guidance of the Russian Academy of Sciences.

The journal is included in the List of Leading Peer-Reviewed Scientific Journals and other editions to publish major findings of Ph.D theses for the research degrees of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences.

This journal has been published as a part of the St. Petersburg State Polytechnic University Journal serial publication since 2010. It is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR) in 2012. Certificate ПИ № ФС77-52145 issued December 11, 2012.

The journal is divided into thematic sections that correspond to the fields of study in which postgraduates gain science degrees. The nomenclature of scientific specialties has been approved by order No. 59 dated 25/02/2009 of the Russian Ministry of Education and Science, and amended by order No. 294 dated 11/08/2009, No. 603 dated 16/11/2009, No. 5 dated 10/01/2012, and No. 114 dated 20/02/2015: 07.00.00 — historical sciences and archeology, 09.00.00 — Philosophical sciences, 13.00.00 — Pedagogical sciences.

Subscription index **80634** in the “Press of Russia” Joint Catalogue.

The journal is on the Russian Science Citation Index (RSCI) data base

© Scientific Electronic Library (http://elibrary.ru/).

No part of this publication may be reproduced without clear reference to the source.

The views of the authors can contradict the views of the Editorial Board.

The address: Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia.

© Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2018

Содержание

История

Исторические науки и археология

Колесников Д.Е. Феннофильское культурное течение как идейный исток фенномании..... 7

История российского социума

Кашеваров А.Н. Поместный собор Русской православной церкви и советская власть в ноябре — декабре 1917 года..... 14

Красноженова Е.Е., Кулик С.В. Продовольственные проблемы Юга России в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) 22

Международные отношения

Ахмадеева Я.М. Развитие внешнеполитических концепций Китайской Народной Республики с 1949 года по начало XXI века 33

Гулякин С.С. Двойной нейтралитет Швеции в 1940—1970 годах 45

Ли Цзинчэн. Русская духовная миссия в Пекине в работах Сяо Юйцю..... 54

Философия

Проблемы XXI века

Быльева Д.С. Информационно-коммуникативные технологии и религия: от коммуникации к виртуализации 63

Саакян А.Г., Серкова В.А. Национальные культуры и проблемы национальной идентичности в эпоху глобализма 72

Петров П.А. Концепции глобализации в социальной философии 80

Педагогика

Образование и педагогические науки

Танова А.Г., Евсеева Л.И., Поздеева Е.Г., Тростинская И.Р. Субъектные аспекты мониторинга удовлетворенности студентов качеством образования (по материалам Центра социологических исследований СПбПУ) 90

Туана Е.Н., Смелкова И.Ю. Комплексный подход как современное требование к созданию учебника и учебного пособия по научному стилю речи для иностранных студентов неязыковых специальностей 102

Хроника

Березовская И.П. IX Международная научно-теоретическая конференция «Коммуникативные стратегии информационного общества» 112

Contents

History

Historical Sciences and Archeology

Kolesnikov D.E. The Fennophile cultural movement as an ideological source of the Fennoman movement 7

History of Russian Society

Kashevarov A.N. The Local Council of the Russian Orthodox Church and the Soviet government in November — December 1917 14

Krasnozhenova E.E., Kulik S.V. The food problem of the South of Russia during the Great Patriotic war (1941—1945) 22

International Relationships

Akhmadeeva Ya.M. Development of foreign policy concepts of the People's Republic of China from 1949 to the beginning of the 21st century 33

Gulyakin S.S. Sweden's double neutrality in 1940—1970 45

Li Jingcheng. Russian ecclesiastical mission in Beijing in the works of Xiao Yuqiu 54

Philosophy

Problems of the XXI Century

Bylieva D.S. Information and communication technologies and religion: from communication to virtualization 63

Saakyan A.G., Serkova V.A. National cultures and problems of national identity in the epoch of globalism 72

Petrov P.A. Concepts of globalization in social philosophy 80

Pedagogy

Education and Pedagogical Sciences

Tanova A.G., Evseeva L.I., Pozdeeva E.G., Trostinskaya I.R. Subjective aspects of monitoring the quality of educational services (based on the materials of the SPbPU Center for sociological research) 90

Tuana E.N., Smelkova I.Yu. The complex approach as a modern requirement to writing a textbook on scientific language style for foreign students of non-linguistic courses 102

Chronicle

Berezovskaya I.P. 9th International scientific and theoretical conference "Communicative strategies of the information society" 112

История

Исторические науки и археология

DOI: 10.18721/JHSS.9101
УДК 94

ФЕННОФИЛЬСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ТЕЧЕНИЕ КАК ИДЕЙНЫЙ ИСТОК ФЕННОМАНИИ

Д.Е. Колесников
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассматривается феннофильское культурное течение на рубеже XVII–XVIII вв., представляющее собой один из идейных истоков фенномании – финского национального движения, зародившегося в XIX столетии после вхождения Финляндии в состав Российской империи. Актуальность темы обусловлена ее крайне недостаточной изученностью в российской и финской исторической литературе. Цели исследования: выявление различия между понятиями «феннофильство» и «фенномания», которые многие российские и финские ученые необоснованно считают синонимами, а также изучение содержания феннофильского культурного течения и анализ системы взглядов яркого представителя феннофильства Д. Юслениуса и его работы «Старый и новый Турку». Методологическую основу исследования составили такие общенаучные методы, как анализ и синтез, описание и объяснение, восхождение от абстрактного к конкретному и диалектический подход. Из специальных исторических методов в работе применен историко-генетический метод, позволяющий охарактеризовать исторические события, а также личности в их индивидуальности и образности. В заключение автор статьи приходит к выводу, что феннофильское культурное течение в целом является важным идейным истоком фенномании.

Ключевые слова: финляндская автономия; фенномания; финское национальное движение; феннофильское культурное течение; Даниэль Юслениус; «Старый и новый Турку»

Ссылка при цитировании: Колесников Д.Е. Феннофильское культурное течение как идейный исток фенномании // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 1. С. 7–13. DOI: 10.18721/JHSS.9101

THE FENNOPHILE CULTURAL MOVEMENT AS AN IDEOLOGICAL SOURCE OF THE FENNOMAN MOVEMENT

D.E. Kolesnikov
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The article examines the Fennophile cultural movement which took place at the turn of the 18th century. The Fennophile cultural movement is one of the ideological sources

of the Fennoman movement, a Finnish national movement which appeared in the 19th century when Finland became a part of the Russian Empire. This study reveals the difference between the terms "Fennophile cultural movement" and "Fennoman movement" which Russian and Finnish scientists often describe as synonyms. The main objectives of this study are to examine the Fennophile cultural movement and to analyze the views of its leader Daniel Juslenius, paying attention to his work "The old and new Turku". Such general scientific methods as analysis and synthesis, description and explanation, ascent from the abstract to the specific and the dialectic approach were used in the study. A conclusion is drawn about the influence of the Fennophile cultural movement on the Fennoman movement of the 19th century.

Keywords: Finnish autonomy; Fennoman movement; Finnish national movement; Fennophile cultural movement; Daniel Juslenius; "The old and new Turku"

Citation: D.E. Kolesnikov, The Fennophile cultural movement as an ideological source of the Fennoman movement, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 9 (1) (2018) 7–13. DOI: 10.18721/JHSS.9101

Введение

Актуальность темы данного исследования обусловлена крайне недостаточной изученностью в российской и финской исторической литературе феннофильского культурного течения, несмотря на его важное значение для формирования в начале XIX в. финского национального движения – фенномании.

Культурное феннофильство рубежа XVII–XVIII вв. как предтечу фенномании XIX столетия рассматривала в своей монографии «Финляндская линия. Очерки истории национальной мысли Финляндии (вторая половина XVIII – первая половина XIX века)» [1] современный отечественный историк И.Р. Такала. В статье того же исследователя «От феннофильства к фенномании: Хенрик Габриэль Портан и становление национальной мысли Финляндии» [2] показана преемственность между феннофильским культурным течением конца XVII – начала XVIII в., эпохой Просвещения в Финляндии, охватывающей XVIII столетие, и фенномания XIX в. Наряду с И.Р. Такала к движению феннофилов обращалась исследователь Н.С. Братчикова в статье «Развитие грамматической мысли и литературных течений в Финляндии в XVIII веке» [3], где рассмотрены взгляды и деятельность яркого представителя феннофильского течения Д. Юслениуса.

При написании данной работы мы опирались также на фундаментальную монографию Э.Г. Карху «История литературы Финляндии. От истоков до конца XIX века» [4], первое советское исследование истории финской литературы, и на текст исторического источника – сочинения Д. Юслениуса «Старый и новый Турку» [5]. Из использованной нами финноязычной литературы наибольшую помощь в раскрытии темы исследования оказала статья Р. Питкяранта из сборника «Сто замечательных финнов» [6], посвященная жизни и деятельности лидера феннофильского движения Д. Юслениуса.

Постановка проблемы и цели исследования

Проблема данного исследования – это выявление различия между понятиями «феннофильство» и «фенномания», которые ряду российских и финских ученых необоснованно представляются синонимами. Цель работы – изучение содержания феннофильского культурного течения, а также анализ системы взглядов Д. Юслениуса и его сочинения «Старый и новый Турку».

Методология

Методологическую основу исследования составили такие общенаучные методы, как анализ и синтез, описание и объяснение, восхождение от абстрактного к конкретному и диалектический подход. Из специальных исторических методов применен историко-генетический метод, позволяющий охарактеризовать исторические события, а также личности в их индивидуальности и образности.

Результаты исследования

Прежде всего, мы считаем, что необходимо различать понятия «феннофильство» и «фенномания», которые в российской и финской литературе нередко неоправданно отождествляют. В частности, в исследовании О. Юссила, С. Хентиля и Ю. Невакиви «Политическая история Финляндии 1809–2009» в одном из примечаний утверждается, что философ Й.В. Снелльман является основоположником финского национального движения «феннофильства, возникшего в Финляндии в 30-х гг. XIX в.» [7, с. 58], что фактически неверно, так как в указанный период в Великом княжестве Финляндском зародилась сменившая феннофильство культурная фенномания, идеологом которой и выступил Снелльман. Финский историк К. Каллейнен, также считающая «феннофильство» и «фенномания» синонимичными понятиями, отмечает: «Как следствие „снелльмановского призыва" возникла фенномания, феннофильство, которое российские власти долгое время поддерживали в надежде, что шведский язык вытеснится и сложится ситуация, в которой языками Финляндии будут финский и русский вместо шведского» [Цит. по: 8, с. 62]. Поэтому нам представляется важным выявить принципиальное различие между феннофильством и фенноманией.

Наиболее точное определение *фенномании*, на наш взгляд, дал финский историк Х. Мейнандер в монографии «История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты»: он понимает под фенноманией финское национальное движение, направленное на уравнение финского языка в правах со шведским и развитие финской национальной культуры [9, с. 97].

Фенномания зародилась в университетских кругах г. Або (Турку) в начале XIX в. после того, как по Фридрихсгамскому мирному договору, заключенному по итогам войны между Россией и Швецией 1808–1809 гг., Финляндия отошла России на правах великого княжества. Великое княжество Финляндское, входившее в состав Российской империи с 1809 по 1917 г., обладало широкой автономией. Хотя представителем верховной власти в стране являлся назначаемый российским императором генерал-губернатор, в финляндской автономии сохранялись законодательство шведского времени и лютеранское вероисповедание, а также имелась своя законодательная (сейм) и исполнительная (сенат) власть.

Присоединение Финляндии к России подготовило благоприятную почву для возникновения финского национального движения. По словам исследователя истории финской литературы Э.Г. Карху, «автономное положение Финляндии и уже сам факт ее отрыва от Швеции, долго угрожавшей финнам ассимиляцией, были восприняты патриотически настроенными финскими интеллигентами как обещание более самобытного развития, как стимул для усиления национально-культурной деятельности» [4, с. 104].

Финское национальное движение – фенномания – прошло два этапа в своем развитии. Поскольку первоначально фенноманы провозглашали своей целью исключительно сохранение и развитие финской культуры и финского языка и, как верно полагает А.М. Дементьева, вначале фенномания представляла собой «далекое от политических дискуссий национально-культурное движение, возникшее под влиянием идей романтизма, охвативших в то время страны Западной Европы и Россию» [10, с. 29], И.Р. Такала, исследователь становления и развития национальной мысли в Финляндии, обоснованно предлагает называть первый этап фенномании (первая половина XIX в.) *культурной фенноманией* [1]. С.Н. Погодин справедливо отмечает, что деятели культурной фенномании «ничего не требовали, кроме мирных реформ в рамках существующего в Великом княжестве Финляндском политического строя» [11, с. 352], так как в указанный период финское национальное движение еще не набрало силу и испытывало давление со стороны российских властей. Новый этап финского национального движения – *политическая фенномания* – начался в 1860-х гг. в правление Александра II, осуществившего ряд либеральных реформ в финляндской автономии, и продолжался до 1917 г., до обретения Финляндией независимости. На данном этапе фенноманы уже выдвинули требования политического характера, ключевым из которых явилась борьба за реальную автономию княжества [9, с. 97].

Как утверждает И.Р. Такала, «в финляндской историографии историю национального строительства и финского национализма, как правило, начинают с момента присоединения

Финляндии к России» [2, с. 8]. Однако необходимо подчеркнуть, что финское национальное движение возникло не внезапно и имело свою предысторию. Идеи национального развития, которые фенноманы декларировали в середине и во второй половине XIX в., тесно связаны с мыслями их предшественников – феннофилов XVII в. и просветителей XVIII столетия.

Рассмотрим первое из названных явлений в истории финской культуры – течение *феннофильства*, которое, как верно пишет В.И. Нилова в статье «Глазунов, фенномания и карелианизм», исторически предшествовало фенномании [12, с. 176].

Зарождение в образованных кругах финляндского общества на рубеже XVII–XVIII вв. феннофильского культурного течения, получившего развитие в начале XVIII столетия, было вызвано угнетенным положением финского народа и его языка в период пребывания страны в составе Швеции. Как отмечает Н.С. Братчикова, общая обстановка в Финляндии в указанный исторический период не способствовала развитию литературного финского языка и национальной культуры [3, с. 8]. Правящие круги Швеции и шведское по происхождению дворянство Финляндии проводили политику шведской культурной гегемонии.

В 1640 г. в Або (Турку) была основана Королевская академия Або, первый в Финляндии университет, однако преподавание в нем велось только на шведском языке и латыни [13, с. 50]. Это означало, что в стране могла формироваться лишь иноязычная интеллигенция, без прочных связей с народной культурой. Чем дальше в Финляндии развивалось образование, тем больше оно отрывалось от народно-языковой сферы. Финская книжность существовала только для простолюдинов, отделенных от образованной части общества языковым барьером.

Финский язык не имел доступа ни в культурную, ни в административно-государственную сферу, до него не снисходили даже судьи и мелкие чиновники, не говоря уже о дворянстве. Со стороны влиятельных чиновников из дворянства раздавались голоса, требовавшие полного устранения финского языка даже в его народном бытовании путем целенаправленной шведизации чуть ли не всего населения Финляндии. Так, один из губернаторов в 1709 г. предлагал сохранить финский язык «ради экзотики» только в двух приходах, где-нибудь у границ Лапландии, а из остальной Финляндии совершенно его вытеснить [4, с. 70]. В этих условиях, по справедливому замечанию Э.Г. Карху, финский литературный язык, успев возникнуть в XVI столетии благодаря литературной деятельности М. Агриколы, как бы законсервировался, не завоевывая новых областей социальной и духовной жизни, без внутреннего саморазвития и обогащения [Там же].

Ущемленное в сравнении со шведским положение финского языка в Финляндии и отсутствие благоприятных условий для его развития послужили импульсом для зарождения феннофильства – культурного течения, нацеленного на отстаивание права финского народа, финского языка и финской культуры на самостоятельное существование, возвышение финского народа и прославление древности и красоты финского языка и духовной культуры финнов. Термин «феннофилы» был введен в научный оборот финским фольклористом Ю. Кроном в исследовании «История финской литературы» (1883–1885), однако уже в начале XVIII столетия появилось слово «филофеннус», означающее «любящий финское» [Там же. С. 71].

Наиболее ярким представителем культурного феннофильства был профессор теологии и ректор Туркуской академии, позднее епископ Порвоо и Скара, Даниэль Юслениус (Daniel Juslenius) (1676–1752). Еще будучи молодым ученым, он опубликовал написанное согласно царившей в конце XVII – начале XVIII в. традиции на латыни академическое сочинение «Старый и новый Турку» («Aboa vetus et nova», 1700) – хвалебный гимн Финляндии, в котором восхвалялся финский народ, прославлялись его трудолюбие и достижения в мореплавании, строительстве, науках. Цель публикации данного трактата заключалась в идеологическом противостоянии шведскому великодержавию, оборачивавшемуся жестоким угнетением и унижением финского народа.

Эта книга Д. Юслениуса оснащена многочисленными ссылками на ученые авторитеты, от Тацита до современников автора трактата, что должно было придать труду научную основательность. Однако отметим, что историография в рассматриваемый период находилась еще на начальной стадии развития и при попытках объяснить отдаленное прошлое нередко прибе-

гала к библейским мифам, приспосабливая их к определенным идеологическим потребностям. Тезисы, выдвинутые в сочинении Юслениуса, как правило, далеки от исторической реальности и являются плодом художественного вымысла и богатой авторской фантазии. Так, согласно убеждениям одного из первых феннофилов, финны были древнейшим народом земли, прямыми потомками Яфета, переселившимися на Север под предводительством Магога, «первого их короля» [1, с. 14]. Также Юслениус выдвинул в своей работе абсурдную теорию о происхождении финского языка, полагая, что он возник сразу же при Вавилонском столпотворении, в результате божественного акта [4, с. 72]. По Юслениусу, финский язык был «изначальным», столь же древним, как древнееврейский и древнегреческий. Он утверждал, что около 500 финских слов происходят из иврита и что между финским и греческим языками существуют значительные лексические параллели [6, с. 774].

Согласно Д. Юслениусу, в древности у финнов была развитая литература, памятники которой не дошли до потомков, поскольку были уничтожены в результате шведского завоевания и распространения христианства. Шведам, писал он, было необходимо не только физически, но и духовно покорить завоеванный народ, а христианство боролось с древней литературой как с наследием язычества.

Для обоснования своих мыслей Юслениус нередко обращался в своем труде к здравому смыслу читателей, рассуждая, что «уже сам здравый рассудок заставляет нас предположить, что у финнов существовала литература, ибо без нее они просто не могли бы обойтись, когда их ближайшие соседи, с которыми они временами были в союзе, гордились своею словесностью» [5, § 31].

Говорилось в сочинении Юслениуса и о финской поэзии, а именно о том, что стихосложением в Финляндии занимались «с одинаковым успехом и люди ученые, и крестьяне, наделенные, подобно жителям Аркадии, природным даром сочинять прекраснейшие песни на любой предмет и в любое время» [Там же, § 33]. «Это может показаться иностранцу невероятным, но многократный опыт показывает, по меньшей мере у нас, что поэтами не становятся – ими рождаются» [Там же], – категорично утверждает автор «Старого и нового Турку».

К концу книги апологетический тон Юслениуса всё более и более нарастает. По его словам, финны были храбрыми мореплавателями, отважными воинами, отличными строителями и домоводами, людьми, в равной степени искусными и в ремеслах, и в науках, и в изучении языков; они отличались примерным поведением, вежливостью, трудолюбием. В числе же недостатков, которые финнам следовало искоренить, автор трактата называет «излишнее почитание иностранцев» и «недооценку самих себя» [4, с. 73].

Важно подчеркнуть, что в сочинениях Д. Юслениуса акцент делается на прославлении финского народа и финской нации, а не отдельных личностей. Ученый не поощрял индивидуальные заслуги и осуждал корыстные эгоистические стремления. Эту же этику он распространял и на собственную личность. «С меня достаточно и того, что я финн и, безвестный, принадлежу к славному народу» [14, с. 201], – писал глава феннофильского движения в сочинении «В защиту финнов» («Vindiciae Fennorum», 1703). Данное изречение воспринимается как девиз этого движения [15, с. 6].

Отметим, что Д. Юслениус также внес весомый вклад в развитие литературного финского языка и формирование его лексического запаса. В течение многих лет ученый собирал языковые и фольклорные материалы. Одним из главных дел его жизни стало составление словаря финского языка, который вышел в 1745 г. Словарь («Suomalainen Sana-Lugun Coetus») включал в себя около 16 тыс. слов (в переводе на латинский и шведский языки). Как отмечает Э.Г. Карху, «это был первый финский словарь в собственном смысле слова» [4, с. 73]. Словарной работе Юслениус придавал колоссальное значение, вкладывая в нее национально-идеологическое содержание и полагая, что максимально полный словарь должен отразить всё богатство финского языка. «Я взялся за словарь с той целью, – писал он, – чтобы и другие убедились, что язык наш не так плох, как о нем думают» [Цит. по: 14, с. 198].

Заключение

Подводя итоги нашего исследования, согласимся с выводами И.Р. Такала, утверждающей, что «в целом творчество Даниэля Юслениуса, как бы иллюзорны и ошибочны порой ни

были его взгляды, положило начало серьезным исследованиям в области истории и культуры финского народа» и «способствовало пробуждению национального самосознания в финляндском обществе» [1, с. 15]. Уже на рубеже XVII–XVIII столетий феннофилы выдвинули идею финского национального развития, неисчерпаемого богатства финского языка и культуры, впоследствии продолженную культурными фенноманами первой половины XIX в. Таким образом, можно сделать вывод, что мысли Д. Юслениуса, как и феннофильское культурное течение в целом, являются важным идейным истоком и прямой предтечей фенномании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Такала И.Р.** Финляндская линия. Очерки истории национальной мысли Финляндии (вторая половина XVIII – первая половина XIX века): моногр. М.: Директ-Медиа, 2013.

2. **Такала И.Р.** От феннофильства к фенномании: Хенрик Габриэль Портан и становление национальной мысли Финляндии // Учен. зап. Петрозаводского гос. ун-та. 2014. № 3 (140). С. 7–17.

3. **Братчикова Н.С.** Развитие грамматической мысли и литературных течений в Финляндии в XVIII веке // Вестн. угроведения. 2015. № 3 (22). С. 7–19.

4. **Карху Э.Г.** История литературы Финляндии. От истоков до конца XIX века: моногр. Л.: Наука, 1979.

5. **Juslenius D.** Vanha ja uusi Turku. Porvoo, 1929. (Издание не имеет пагинации, ссылки даны на параграфы.)

6. **Питкяранта Р.** Даниэль Юслениус // Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий. Хельсинки, 2004. С. 772–776.

7. **Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю.** Политическая история Финляндии 1809–2009. М.: Весь мир, 2010.

8. **Бюклинг Л.** Яков Грот в Финляндии (1840–1853). «Средовик между Русью и Финляндиею» // Финляндия и Россия: образы общего прошлого: сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. И.Р. Такала, А.В. Толстиков. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. С. 50–66.

9. **Мейнандер Х.** История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты: моногр. М.: Весь мир, 2008.

10. **Дементьева А.М.** Борьба между свекоманами и фенноманами как импульс для начала исследования шведского языка в Финляндии // Вестн. Тверского гос. ун-та. Филология. 2016. № 4. С. 28–35.

11. **Погодин С.Н.** Фенномания и процесс становления национального сознания в Российской империи в XIX веке // Междунар. отношения и диалог культур. 2015. № 3. С. 347–356.

12. **Нилова В.И.** Глазунов, фенномания и карелианизм // Проблемы музыкальной науки. 2013. № 1 (12). С. 171–177.

13. **Расила В.** История Финляндии. Петрозаводск, 1996.

14. **Suomen** kirjallisuus. Osa II: Ruotsin ajan kirjallisuus. Helsinki, 1963.

15. **Варпио Ю.** Страна Полярной звезды: введение в историю литературы и культуры Финляндии. СПб., 1998.

Колесников Дмитрий Евгеньевич
E-mail: writer1984@list.ru

Статья поступила в редакцию 05.02.2018 г.

REFERENCES

[1] I.R. Takala, Finlyandskaya liniya. Ocherki istorii natsional'noy mysli Finlyandii (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX veka) [Finnish line. Sketches of a history of the Finnish national thought (the second half of the 18th century – the first half of the 19th century)], Direkt-Media, Moscow, 2013.

[2] I.R. Takala, [From fennofilia to fennomania: Henrik Gabriel Porthan and development of the Finnish national thought], Petrozavodsk State University J. 3 (140) (2014) 7–17.

[3] N.S. Bratchikova, [Development of grammatical theories and literary tendencies in Finland in the XVIII century], Vestnik ugrovedeniya, 3 (22) (2015) 7–19.

[4] E.G. Karhu, Istoriya literatury Finlyandii. Ot istokov do kontsa XIX veka [A history of Finnish literature. From the sources until the end of the 19th century], Nauka, Leningrad, 1979.

[5] D. Juslenius, Vanha ja uusi Turku, Porvoo, 1929.

[6] R. Pitkäranta, Daniel Juslenius, in: Sto zamechatel'nykh finnov. Kaleydoskop biografiy [A hundred remarkable finns. A kaleidoscope of biographies], Helsinki, 2004, pp. 772–776.

[7] O. Jussila, S. Hentilä, J. Nevakivi, Politicheskaya istoriya Finlyandii 1809–2009 [A political history of Finland 1809–2009], Ves' mir, Moscow, 2010.

[8] L. Byckling, Yakov Grot v Finlyandii (1840–1853). «Sredovik mezhdu Rus'yu i Finlyandiyeyu» [Yakov Grot in Finland (1840–1853): "A Mediator between Russia and Finland"], in: Finlyandiya i Rossiya: obrazy obshchego proshlogo [Finnland and Russia: images of the general past: Scientific articles], Petrozavodsk State Univ. Publ., Petrozavodsk, 2014, pp. 50–66.

[9] H. Meinander, Istoriya Finlyandii. Linii, struktury, perelomnyye momenty [A history of Finland: Directions, structures, turning-Points], Ves' mir, Moscow, 2008.

[10] A.M. Dementyeva, [The struggle between Fennoman and Svecoman movements as an impulse to the start of the research of Swedish language in Finland], Tver State Univ. J. Philology, 4 (2016) 28–35.

[11] S.N. Pogodin, [Fennoman movement and the process of formation of national consciousness in the Russian Empire in the 19th century], Intern. relations and dialogue of cultures, 3 (2015) 347–356.

[12] V.I. Nilova, [Glazunov, the Fennoman movement and karelianizm], Problems of the musical science, 1 (12) (2013) 171–177.

[13] V. Rasila, Istoriya Finlyandii [A history of Finland], Petrozavodsk, 1996.

[14] Suomen kirjallisuus. Osa II: Ruotsin ajan kirjallisuus, Helsinki, 1963.

[15] Yu. Varpio, Strana Polyarnoy zvezdy: vvedeniye v istoriyu literatury i kul'tury Finlyandii [Land of the North Star: an introduction to Finnish literature and culture], St. Petersburg, 1998.

Kolesnikov Dmitriy E.
E-mail: writer1984@list.ru

Received 05.02.2018.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2018

DOI: 10.18721/JHSS.9102
УДК 947.084.8

ПОМЕСТНЫЙ СОБОР РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ В НОЯБРЕ – ДЕКАБРЕ 1917 ГОДА

А.Н. Кашеваров
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье проанализированы первые контакты церковного руководства с представителями советской власти в ходе революционных событий в Москве в начале ноября 1917 г. Особое внимание уделено восприятию Поместным собором первых декретов советской власти в области государственно-церковных отношений. На основе анализа документов Поместного собора, а также материалов периодической печати показано, что соборное большинство рассматривало эти декреты как декларации, лишенные реальных оснований, и исходило из того, что советская власть не рискнет претворить их в жизнь до решения Учредительного собрания. Кроме того, высшее церковное руководство в первые два месяца после прихода большевиков к власти надеялось на временный, преходящий характер антицерковных акций, поскольку еще не осознавало бесповоротности изменений в государстве. Такое осознание было затруднено в обстановке разгоравшейся гражданской войны, исход которой в рассматриваемый период был еще не ясен.

Ключевые слова: высшее церковное руководство; Поместный собор; советская власть; революционные события; антицерковные акции; первые декреты в области государственно-церковных отношений

Ссылка при цитировании: Кашеваров А.Н. Поместный собор Русской православной церкви и советская власть в ноябре – декабре 1917 года // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 1. С. 14–21. DOI: 10.18721/JHSS.9102

THE LOCAL COUNCIL OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND THE SOVIET GOVERNMENT IN NOVEMBER – DECEMBER 1917

A.N. Kashevarov
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The article analyzes the first contacts of church leadership with the representatives of the Soviet government during the revolutionary events in early November 1917 in Moscow.

A special focus is on the Local Council's attitudes towards the first decrees of the Soviet government regarding the relations between the state and the church. The majority of the Council regarded these decrees as groundless and operated under the premise that the Soviet authorities would not risk implementing the decrees until the decision of the Constituent Assembly. In addition, in the first two months after the Bolsheviks gained power, the highest church officials hoped that the anti-church measures had a temporary, transitory nature and did not yet comprehend the irreversible changes in the state. Comprehending that was hampered by the situation of the raging civil war whose outcome was unclear at the time.

Keywords: Supreme Church leadership; Local Council; Soviet power; revolutionary events; anti-church actions; first decrees in the field of state-church relations

Citation: A.N. Kashevarov, The Local Council of the Russian Orthodox Church and the Soviet government in November – December 1917, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 9 (1) (2018) 14–21. DOI: 10.18721/JHSS.9102

Введение

В постсоветский период в отечественной историографии появился целый ряд книг, а также статей, касающихся церковно-государственных отношений в первые годы советской власти [1–6]. Авторы этих работ уделили особое внимание вопросам, связанным с реакцией Поместного собора Русской православной церкви (РПЦ) на политику новой власти в отношении религиозных организаций. Так, О.Ю. Васильева, отметив резкие характеристики, данные в посланиях Поместного собора большевикам, объясняла это непродуманными действиями новой власти. Она же обратила внимание на предупреждения о надвигающейся гражданской войне, которые содержались в ряде соборных документов [7]. Согласно А.Г. Кравецкому и М.И. Одинцову, наиболее резкую реакцию Поместного собора вызвал Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, вступивший в силу 23 января 1918 г. [8, с. 139; 9, с. 137–138].

Постановка проблемы и цели исследования

Вопросы, касающиеся первой реакции церковного руководства – до выхода указанного декрета – на приход большевиков к власти, включая первые контакты Поместного собора с представителями новой власти, пока остаются малоизученными. Цель нашего исследования – восполнить этот пробел в отечественной историографии.

Методология

В своей работе мы руководствовались принципами историзма и научной объективности. При изучении основных источников – документов Поместного собора, архивных материалов и материалов периодической печати – применялся метод компаративного анализа. С помощью описательного метода в статье представлено восприятие высшим церковным руководством первых декретов советской власти.

Результаты исследования

Первые контакты высшего церковного руководства в лице Поместного собора РПЦ с представителями советской власти отмечены в ходе революционных событий в Москве в начале ноября 1917 г. Известно, что там сложилась иная ситуация, чем в Петрограде, где большевикам удалось взять власть относительно легко. В Москве остались верными Временному правительству и «Комитету общественного спасения», созданному в древней российской столице, почти все офицеры гарнизона и юнкера, которые утром 28 октября заняли Кремль. Поскольку начавшиеся бои привели к тому, что революционно настроенные солдаты и рабочие-красногвардейцы несли значительные потери, председатель Замоскворецкого ревкома П.К. Штернберг предложил Московскому военно-революционному комитету отдать приказ об обстреле Кремля, используя тяжелую артиллерию. В мастерских тяжелой осадной ар-

тиллерии во исполнение этого решения были сформированы несколько батарей, которые и открыли огонь по Кремлю ночью 1 ноября[1].

Уже 2 ноября руководителей противоборствующих сторон посетила делегация Поместного собора во главе с митрополитом Тифлисским Платоном (Рождественским), которая призвала их к прекращению кровопролития и милосердию по отношению к побежденным, кто бы ими ни оказался. В своем обращении Собор также просил прекратить обстрел Кремля[2] [10, с. 215–216]. Такая позиция соборной делегации была основана на стремлении остановить кровавую междоусобицу, отражала обеспокоенность судьбой соборов и монастырей на территории Кремля, являвшихся также и национальными святынями.

В ходе обсуждения этого обращения среди членов Военно-революционного комитета возникли разногласия. Так, Е. Игнатову, который полагал, что следует прекратить обстрел, решительно возражал В. Ногин, утверждавший, что «раз наши враги считают возможным укрываться за историческими зданиями и оттуда громить нас, то мы должны громить их вместе с историческими зданиями» [11, с. 88].

Реакция «Комитета общественной безопасности» на обращение к нему Поместного собора выразилась в том, что уже днем 2 ноября был отдан приказ о прекращении всякой стрельбы, а вечером была подписана капитуляция и юнкера покинули кремлевскую территорию [12, с. 370]. Несмотря на это, интенсивный обстрел Кремля продолжался вплоть до утра 3 ноября[3], пострадали все кремлевские соборы. Так, снаряд разорвался в главном куполе Успенского собора, образовав большую пробоину, а в соборе Двенадцати Апостолов были разбиты часть боковой стены и алтарь [13].

Поместный собор установил 17 ноября всероссийский сбор пожертвований по подписным листам «на исправление и восстановление кремлевских храмов и прочих исторических святынь, пострадавших от артиллерийской стрельбы во время недавнего московского междоусобия»[4]. К сбору этих пожертвований были привлечены православные приходы, братства и монастыри. Кроме того, Поместный собор образовал специальную комиссию «для описания повреждений святынь Кремля» под председательством митрополита Петроградского Вениамина (Казанского).

Епископ Нестор (Анисимов) Камчатский, как член Поместного собора, был свидетелем событий и одним из первых вошел в Кремль после окончания боев. Это дало ему возможность обстоятельно описать все повреждения кремлевских святынь в специальной брошюре с примечательным названием «Расстрел Московского Кремля». По постановлению Поместного собора она вышла в свет в самом конце 1917 г., но сразу же была конфискована органами советской власти. Епископ Нестор надеялся, что это описание расстрела национальных святынь «заставит опомниться весь русский народ и понять, что такими способами не создается счастье народное, а наконец разрушается сама когда-то великая и святая Русь» [14, с. 45–46]. Примечательно, что после издания брошюры Нестор был подвергнут домашнему аресту в одном из монастырей Москвы.

Поместный собор 11 ноября призвал народ к покаянию за грех братоубийства, а победителей просил не проливать братской крови, не мстить. В тот же день было решено отпеть погибших с обеих противоборствовавших сторон. Митрополиту Платону, возглавлявшему делегацию Собора в дни боев, было поручено выяснить, совершалось ли отпевание над телами «воинов и рабочих, убитых в дни междоусобной брани» и похороненных на Красной площади 10 ноября[5]. Тогда же, 11 ноября, Поместный собор обратился ко всем православным христианам с призывом участвовать в соборном млении «об упокоении всех без различия павших жертвами народного волнения»: «Жители Москвы – богатые и бедные, знатные и простые, военные и не военные – все приглашаются, забыв всякую партийную рознь и помня только завет великой любви, объединиться в церковной мо-

[1] *Вперед.* 1917. 4 ноября; *Русское слово.* 1917. 8 ноября.

[2] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 833. Оп. 1. Д. 61. Л. 6.

[3] *Русское слово.* 1917. 8 ноября; *Московский листок.* 1917. 8 ноября.

[4] *Прибавления к Церковным ведомостям.* 1918. № 3–4. С. 176.

[5] Там же. 1918. № 5. С. 174.

литве о блаженном упокоении почивших»[6]. Это моление состоялось на следующий день в храме Христа Спасителя [15, с. 172].

Первая официальная реакция советской власти на запрос церкви последовала в связи с просьбой митрополита Платона разъяснить позицию первой в связи с погребением на Красной площади «жертв кровавой междоусобицы». 16 ноября за № 4662 было принято следующее постановление: «Президиум Совета рабочих и солдатских депутатов считает совершение тех или иных религиозных обрядов делом совести как определенных членов, так и целой религиозной общины и не считает возможным в какой бы то ни было мере вмешиваться в совершение религиозных обрядов над братской могилой захороненных гражданскими похоронами павших за дело революции. Президиум Совета рабочих и солдатских депутатов... вместе с тем обращается к духовенству [с просьбой] своевременно дать знать о времени совершения религиозного обряда на братской могиле»[7].

Ответное послание, принятое Собором 17 ноября, было составлено в резком тоне: «Кремль Московский и прилегающая к нему Красная площадь... составляют священные для русского народа места. До наших дней там находили место вечного упокоения лишь блаженной памяти строители Земли Русской: благоверные цари и великие святители, многие из которых причтены к лику святых. В преднамеренно совершенном без церковной молитвы погребении под стенами Кремля людей, которые осквернили его святыни, разрушали его храмы и, поднявши знамя братоубийственной борьбы, возмутили народную совесть, Собор видит явное и сознательное оскорбление Церкви и неуважение к святыне»[8]. В тот же день Собор принял решение совершить положенное по церковному чину заупокойное моление на месте захоронения, произведенного на Красной площади 10 ноября, «для успокоения смущенной совести верующих и для облегчения загробной жизни самих погребенных»[9].

Свое резкое осуждение советской власти за обстрел Кремля и захоронение на Красной площади солдат и красногвардейцев, погибших в ходе противостояния 27 октября – 2 ноября, Поместный собор завершил в своем послании 11 ноября выражением принципиального отношения к ней: «К нашему несчастью, не народилось еще власти воистину народной, достойной получить благословение Церкви Православной»[10]. Собор неоднократно отмечал незаконный и временный характер новой власти, характеризуя ее как «группу лиц, силой оружия захвативших власть в Петрограде, Москве и некоторых других городах...»[11]. Так, в связи с начавшимися сепаратными переговорами с Германией Собор принял постановление, в котором особо подчеркивалось, что «лица, вступившие от лица Российского государства в международные сношения, не являются свободно избранными представителями населения и выразителями мысли и воли нации, почему и не могут быть признаны правомочными в деле ведения мирных переговоров»[12].

Важно отметить, что, несмотря на столь резкие оценки свершившегося переворота, в результате которого к власти пришли большевики, церковь не перешла на сторону какой-либо из противоборствовавших сторон, не призвала к политической борьбе с новой властью, а направила свои усилия на предотвращение разгоравшейся братоубийственной войны. Об этом красноречиво свидетельствовала описанная выше позиция Поместного собора в период боев в Москве. Этой линии церковь в основном придерживалась и в дальнейшем

Поместный собор 24 ноября потребовал освободить из тюрьмы А.В. Карташева, занимавшего с начала июля 1917 г. пост министра исповеданий Временного правительства. «Выражаем твердую уверенность, – говорилось в заявлении, сделанном Собором для печати, – что в деятельности А.В. Карташева не было ничего, что могло бы явиться предметом общественного суда и запятнать его доброе имя, и, имея в виду, что многие товарищи его по кабинету, одинаково ответственные за деятельность пра-

[6] *Прибавления к Церковным ведомостям*. 1918. № 5. С. 174.

[7] Там же. С. 173.

[8] Там же.

[9] Там же. С. 174.

[10] *Церковные ведомости*. 1917. № 46–47. С. 417.

[11] *Прибавления к Церковным ведомостям*. 1918. № 5. С. 175.

[12] Там же.

вительства, давно уже получили свободу, Всероссийский Церковный Собор настаивает на немедленном освобождении А.В. Карташева из Петропавловской крепости»[13]. Через несколько дней после этого ходатайства Карташев был освобожден и приступил к участию в соборных заседаниях.

Анализ работы Поместного собора позволяет заключить, что у его делегатов вплоть до конца 1917 г. преобладало представление о слабости советской власти. Они считали, что новое руководство страны боится волнений масс верующих и по этой причине с его стороны невозможны какие-либо действия по кардинальной ломке государственно-церковных отношений. Так, например, опубликованный в печати Декрет о земле (26 октября 1917 г.), который предусматривал национализацию церковно-монастырских земель, Собор оценивал как декларацию, которую власть не рискнет претворить в жизнь до решения Учредительного собрания, и на своем заседании 14 ноября даже установил нормы пользования церковной землей [16, с. 18–19].

Собор в целом так же оценивал решения новой власти, последовавшие в декабре 1917 г. Это подтверждает реакция патриарха Тихона на распространявшиеся среди верующих слухи, вызванные появившимися в ряде провинциальных газет публикациями о подготовке введения нового, григорианского календаря с изъятием 13 дней – с 24 декабря по 7 января, т. е. времени, когда верующие отмечают такие великие праздники, как Рождество Христово и Крещение Господне. В ответ на тревожные слухи и связанные с ними обращения верующих патриарх заявил, что опасения, связанные с введением нового календаря, не сбылись[14].

Между тем в декабре были приняты декреты, которые предусматривали передачу всего дела образования, включая учебные заведения «ведомства православного исповедания», в ведение Народного комиссариата просвещения (11 декабря), а регистрацию актов рождения, брака и смерти – в исключительное ведение государственных организаций, церковный брак был объявлен «частным делом брачующихся» (17 и 18 декабря)[15]. Постановление от 11 декабря по существу препятствовало подготовке новых кадров духовенства. Так, в Петрограде совет Духовной академии сообщил Поместному собору об отсутствии средств на удовлетворение текущих нужд академии. Выступая на одном из заседаний Собора, профессор Н.Д. Кузнецов так оценивал декреты о гражданском браке и гражданской метрикации: «В массе православного народа секуляризирование ведения актов гражданского состояния... вызвало бы немалое недоумение и во многих случаях едва ли не сопровождалось бы понижением степени религиозности отношения русских людей к событиям рождения, брака и смерти. Таким образом, в интересах религиозно-нравственной жизни народа с его темнотой и безграмотностью нужно быть очень осторожным в таком вопросе, как лишение его метрик церковного характера...»[16].

Перечисленные выше декреты новой власти противоречили главным статьям определения Поместного собора «О правовом положении Православной Российской Церкви», которое было принято 2 декабря 1917 г. Так, его 6-я статья предусматривала обсуждение и принятие государственных законов касательно церкви «не иначе, как по соглашению с церковной властью». Однако Собор еще сохранял надежды на урегулирование отношений с советской властью в желательном для церкви смысле.

Следует особо отметить, что первые декреты и мероприятия советской власти, касающиеся церкви, основывались на двух исходных представлениях: отношении к церкви как к союзнице самодержавия (после его свержения – эксплуататорского строя) и мировоззренческой несовместимости учения марксизма с религиозной верой. Поэтому отмеченные выше первые декреты новой власти были направлены на разрыв всяких отношений с церковью и ее полное вытеснение из всех сфер жизни общества.

Об этом же свидетельствует разработанный специальной комиссией, которая была обра-

[13] РГИА. Ф. 833. Оп. 1. Д. 34. Л. 83–84.

[14] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 87. Л. 13.

[15] *Гидулянов П.В.* Отделение церкви от государства. Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верхсуда РСФСР и других Советских Социалистических Республик. М.: Юр. изд-во НКЮ РСФСР, 1926. С. 615–617.

[16] *Прибавления к Церковным ведомостям.* 1918. № 3–4. С. 132.

зована 11 декабря 1917 г. при Совете народных комиссаров, и опубликованный 31 декабря 1917 г. проект декрета об отделении церкви от государства. В этом документе, в частности, говорится, что «церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью и не имеют юридического лица», а «церковные здания для общественных богослужений предоставляются лишь с разрешения представителей по заведованию религиозным имуществом»[17]. В составе же комиссии, в которую входили народный комиссар просвещения А.В. Луначарский, член следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией П.А. Красиков, завотделом Народного комиссариата юстиции профессор М.А. Рейснер, народный комиссар юстиции П.И. Стучка и петроградский священник М.В. Галкин (его управляющий делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевич представил как «борца с церковным мракобесием, состоящего в конфликте с руководством епархии» [1, с. 28; 17, с. 60]), не было никого, кто мог бы без идеологических предубеждений заниматься реформированием церковно-государственных отношений. Примечательно, что письмо митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина, избранного Поместным собором 7 декабря 1917 г. кандидатом в члены Священного синода, в Совет народных комиссаров с просьбой отложить разработку и принятие готовящегося декрета, о котором владыка прочитал в газетах, вызвало обратную реакцию. На письмо митрополита В.И. Ленин отреагировал резолюцией о необходимости «поспешить с разработкой декрета об отделении церкви от государства»[18].

Вплоть до середины декабря антицерковные действия новой власти в Петрограде были ограничены закрытием церквей при некоторых государственных учреждениях (например, при градоначальстве, Министерстве внутренних дел), а также придворных храмов в Зимнем и Гатчинском дворцах[19]. В здании Исидоровского епархиального училища 11 декабря состоялось собрание представителей столичного духовенства и верующих, на котором обсуждались эти акции. Собрание приняло постановление: «выступить с протестом против насилий», о которых было решено сообщить Поместному собору подробно[20].

Заключение

Советская власть начала решительно воплощать в жизнь принимавшиеся ею постановления в отношении церкви со второй половины декабря 1917 г. Первым шагом в этом направлении явилась реквизиция Народным комиссариатом просвещения Петроградской синодальной типографии. Как показали дальнейшие события, эта акция была частью общего плана советской власти по изъятию имущества Синода в столице. Однако высшее церковное руководство в лице Поместного собора в первые месяцы после прихода к власти большевиков надеялось на временный, преходящий характер проведенных ими антицерковных акций и принимавшихся декретов, поскольку еще не осознавало кардинальных изменений в государстве, их бесповоротности. В обстановке разгоравшейся гражданской войны, исход которой был еще не ясен, такое осознание было затруднено.

[17] *Дело народа*. 1917. 31 декабря.

[18] *Прибавления к Церковным ведомостям*. 1918. № 5. С. 204.

[19] Там же. 1918. № 1. С. 25.

[20] Священный собор Православной российской церкви. Деяния. Кн. VI, вып. 1. М., 1918. С. 29.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Алексеев В.А.** Иллюзии и догмы. М.: Политиздат, 1991. 398 с.

2. **Крапивин М.Ю.** Противостояние: большевики и церковь (1917–1941 гг.). Волгоград: Перемена, 1993. 100 с.

3. **Одинцов М.И.** Государство и церковь в России: XX век. М.: Луч, 1994.

4. **Лобанов В.В.** Патриарх Тихон и советская власть (1917–1925 гг.). М.: Рус. панорама, 2008. 352 с.

5. **Шкаровский М.В.** Петербургская епархия в годы гонений и утрат, 1917–1945. СПб.: Лики России, 1995. 206 с.

6. **Шкаровский М.В.** Русская православная церковь в XX веке. М.: Вече : Лепта, 2010. 480 с.

7. **Васильева О.Ю.** Русская православная церковь и советская власть в 1917–1927 гг. // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 40–54.

8. **Кравецкий А.Г.** К истории Декрета об отделении церкви от государства // Матер. Междунар. науч. конф. «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного собора и избрания патриарха Тихона». М., 2008. С. 134–140.

9. **Одинцов М.И.** Всероссийский Поместный собор 1917–1918 гг.: споры о церковных реформах, основные решения, взаимоотношения с властью // Церковно-истор. вестн. 2001. № 8. С. 121–138.

10. **Регельсон Л.** Трагедия Русской церкви. Париж: ИМКА-Пресс, 1977. 627 с.

11. **Кашеваров А.Н.** Православная российская церковь и Советское государство (1917–1922). М.: Изд-во Об-ва любителей церковной истории, 2005. 439 с.

12. **История** Коммунистической партии Советского Союза. В 5 т. Т. 3. Кн. 1. М.: Политиздат, 1967. 380 с.

13. **Овсянникова Е.** 1918 год. Кремль. Реставрация после артобстрела // Архитектура и строительство Москвы. 1989. № 5. С. 8–11.

14. **Нестор, еп. Камчатский.** Расстрел Московского Кремля (27 октября – 3 ноября 1917 г.). М.: Столица, 1995. 88 с.

15. **Паламарчук П.Г.** Сорок сороков. В 2 т. Т. 2. Москва в границах Садового кольца. М.: Книга и бизнес, 1994. 646 с.

16. **Шишкин А.А.** Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской православной церкви. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1970. 367 с.

17. **Плаксин Р.Ю.** Тихоновщина и ее крах. Л.: Лениздат, 1987. 207 с.

Кашеваров Анатолий Николаевич
E-mail: kashevar12@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.11.2017 г.

REFERENCES

[1] V.A. Alekseyev, Illyuzii i dogmy [Illusions and Dogmas], Politizdat, Moscow, 1991.

[2] M.Yu. Krapivin, Protivostoyaniye: bol'sheviki i tserkov' (1917–1941 gg.) [Confrontation: the Bolsheviks and the church (1917–1941)], Peremena, Volgograd, 1993.

[3] M.I. Odintsov, Gosudarstvo i tserkov' v Rossii: XX vek [State and church in Russia: 20th century], Luch, Moscow, 1994.

[4] V.V. Lobanov, Patriarkh Tikhon i sovetskaya vlast' (1917–1925 gg.) [Patriarch Tikhon and Soviet power (1917–1925)], Russkaya panorama, Moscow, 2008.

[5] M.V. Shkarovskiy, Peterburgskaya yeparkhiya v gody goneniy i utrat, 1917–1945 [Petersburg diocese during the years of persecutions and losses of 1917–1945], Liki Rossii, St. Petersburg, 1995.

[6] M.V. Shkarovskiy, Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XX veke [Russian Orthodox Church in the 20th century], Veche, Lepta, Moscow, 2010.

[7] O.Yu. Vasilyeva, [Russian Orthodox Church and Soviet power in 1917–1927], [Questions of History], 8 (1993) 40–54.

[8] A.G. Kravetskiy, K istorii Dekreta ob otdelenii tserkvi ot gosudarstva [To the history of the Decree on the separation of the Church from the state], in: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konf. «1917: Tserkov' i sud'by Rossii. K 90-letiyu Pomestnogo sobora i izbraniya patriarkha Tikhona» [Materials of the Intern. scientific conf. "1917: The Church and the fates of Russia. To the 90th anniversary of the Local Council and the election of Patriarch Tikhon"], Moscow, 2008, pp. 134–140.

[9] M.I. Odintsov, [All-Russian Local Council of 1917–1918: disputes about church reforms, basic decisions, relations with the authorities], [Church History Herald], 8 (2001) 121–138.

[10] L. Regelson, Tragediya Russkoy tserkvi [The tragedy of the Russian Church], IMKA-Press, Parizh, 1977.

[11] A.N. Kashevarov, Pravoslavnaya rossiyskaya tserkov' i Sovetskoye gosudarstvo (1917–1922) [The Orthodox Russian Church and the Soviet state (1917–1922)], Obshchestvo lyubiteley tserkovnoy istorii [Society of Church History amateurs] Publ., Moscow, 2005.

[12] Istoriya Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza [History of the Communist Party of the Soviet Union], in 5 vol., of vol. 3, b. 1, Politizdat, Moscow, 1967.

[13] Ye. Ovsyannikova, 1918 god. Kreml'. Restavratsiya posle artobstrela [1918 year. Kremlin. Restoration after shelling], Arkhitektura i stroitel'stvo Moskvy [Architecture and construction of Moscow], 5 (1989) 8–11.

[14] Nestor, Bishop of Kamchatsky, Rasstrel Moskovskogo Kremlya (27 oktyabrya – 3 noyabrya 1917 g.) [The shooting of the Moscow Kremlin (October 27 – November 3, 1917)], Stolitsa, Moscow, 1995.

[15] P.G. Palamarchuk, Sorok sorokov. V 2 t. T. 2. Moskva v granitsakh Sadovogo koltsa [Forty-forty. In 2 vol. Of vol. 2. Moscow within the boundaries of the Garden Ring]. Kniga i biznes, Moscow, 1994.

[16] A.A. Shishkin, Sushchnost' i kriticheskaya otsenka «obnovlencheskogo» raskola Russkoy pravoslavnoy tserkvi [The essence and critical assessment of the "renovationist" split of the Russian Orthodox Church], Kazanskiy univ. Publ., Kazan', 1970.

[17] R.Yu. Plaksin, Tikhonovshchina i yeye krakh [Tikhonovshchina and its collapse], Lenizdat, Leningrad, 1987.

Kashevarov Anatoliy N.
E-mail: kashevar12@mail.ru

Received 12.11.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2018

DOI: 10.18721/JHSS.9103
УДК 94(47).084.8

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮГА РОССИИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 ГГ.)

Е.Е. Красноженова[1], С.В. Кулик[2]
[1] Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Российская Федерация
[2] Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Статья посвящена анализу продовольственной ситуации на Юге России во время Великой Отечественной войны. Представлены формы и методы обеспечения региона продовольствием в сложных военных условиях. Отмечена роль государственных, партийных и профсоюзных органов в решении продовольственных проблем, рассмотрены трудности, с которыми им пришлось столкнуться, а также недостатки в работе органов власти. Показано, что финансирование по остаточному принципу значительно снижало эффективность принятых мер в области снабжения продуктами гражданского населения. Ограниченные продовольственные фонды, которые государство тогда могло выделить, не позволяли удовлетворить потребности людей в полной мере. Кроме того, обострению продовольственных проблем в регионе способствовало приближение к нему фронта. В 1942 г. Сталинградская область стала ареной боевых действий, а большая часть Северного Кавказа была оккупирована немецко-фашистскими войсками. Важное значение в военный период приобрел поиск дополнительных источников продовольственного снабжения. В исследовании представлены особенности организации на Юге России рыночной торговли, подсобных хозяйств, индивидуального и коллективного огородничества. Показано, что создание местной продовольственной базы помогло избежать массового голода в регионе.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Юг России; оккупация; продовольствие; рыночная торговля; подсобные хозяйства

Ссылка при цитировании: Красноженова Е.Е., Кулик С.В. Продовольственные проблемы Юга России в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 1. С. 22–32. DOI: 10.18721/JHSS.9103

THE FOOD PROBLEM OF THE SOUTH OF RUSSIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

E.E. Krasnozhenova[1], S.V. Kulik[2]
[1] Astrakhan State University, Astrakhan, Russian Federation
[2] Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

This article analyzes the food problem in the South of Russia during the Great Patriotic war. The means by which food was delivered to the region are described. The role of the state, the party and the trade union bodies in solving food problems has been highlighted. We have considered the difficulties that the state had to face, revealed their shortcomings and noted ways to eliminate these shortcomings. It is shown that financing with whatever

remaining funds significantly reduced the efficiency of the implemented measures in supplying the civilian population. Limited food supplies which the state could provide were not sufficient to satisfy the needs of the people in full. In addition, the approach of the front to the South of Russia contributed to the worsening food problem. The Stalingrad region became a battleground in 1942, and the territory of North Caucasus was occupied by Nazi troops. Searching for additional sources of food supply became important in the war. The study presents the characteristics of the organization of markets, farms, individual and collective gardening in the South of Russia. It is shown that the creation of a local food base helped to avert mass starvation in the region.

Keywords: Great Patriotic war; South of Russia; occupation; food; market trade; farms

Citation: E.E. Krasnozhenova, S.V. Kulik, The food problem of the South of Russia during the Great Patriotic war (1941–1945), St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 9 (1) (2018) 22–32. DOI: 10.18721/JHSS.9103

Введение

В период Великой Отечественной войны Юг России, один из крупнейших регионов РСФСР, включал в себя Сталинградскую, Астраханскую (с 1943 г.) и Саратовскую области, Калмыцкую АССР (до 1943 г.), Краснодарский и Ставропольский края, республики Северного Кавказа. События, происходившие здесь в 1941–1945 гг., имели огромное военно-политическое и международное значение. Сталинградская битва явилась началом коренного перелома в войне, ускорила победу советского народа над фашистской Германией и определила итоги войны в целом. Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом позволил восстановить связь центральных районов страны с южными, ликвидировать угрозу нефтеносным районам Кавказа. Стране были возвращены важнейшие промышленные и сельскохозяйственные районы.

Начало Великой Отечественной войны усугубило социально-экономические проблемы на Юге России. Практически все имеющиеся в государстве ресурсы использовались для организации противостояния врагу и решения военных задач. Социальные мероприятия финансировались по остаточному принципу, возможности государства в этой области резко сократились. Это вызвало обострение продовольственных, жилищных и других повседневно-бытовых проблем гражданского населения в регионе.

Особенности решения этих проблем в 1941–1945 гг., предопределенные динамично менявшейся военной обстановкой, прифронтовыми условиями, трудностями периода восстановления разрушенной войной экономики и социальной сферы, продолжают привлекать внимание ученых к истории региона в военный период. А первые исследования некоторых аспектов военной повседневности, в том числе и проблем, связанных с реализацией продовольственной политики, появились уже во время войны и в первое послевоенное десятилетие [См., например: 1]. Труды носили историко-партийный характер, были выдержаны в рамках официальной концепции войны. При этом первоочередное внимание в них уделялось исследованию роли военно-промышленного и аграрного потенциала. Вопросы же, связанные с социально-экономическим положением гражданского населения, долгое время не получали достаточного внимания историков. Только сегодня проблемы организации продовольственного снабжения населения в военный период начинают вычленяться в самостоятельный предмет исследования.

В 1960–1980-е гг. историография Великой Отечественной войны получила дальнейшее развитие. В этот период значительно расширился круг исследуемых научных проблем, были введены в оборот новые документальные источники, вышли в свет исторические труды, объектом исследования которых стала деятельность партийно-государственных органов и профсоюзов, в том числе и в области снабжения некоторых категорий населения (работы

У.Г. Чернявского [2], А.В. Любимова [3] и других авторов). В публикациях, посвященных военной экономике, исследовался товарооборот торговли и общественного питания, содержались сведения об организации производства продовольственных товаров, о мероприятиях в области развития подсобных хозяйств, коллективного и индивидуального огородничества. Некоторые факты, показывающие социальную работу региональных органов власти на Юге России, были частично представлены в обобщающих исследованиях по истории региона в годы Великой Отечественной войны [4, 5].

В начале 1990-х гг. появились новые исследования, содержавшие некоторую информацию об оказании социальной помощи гражданскому населению в 1941–1945 гг. Сведения о решении материально-бытовых проблем, продовольственном снабжении рабочих, семей военнослужащих, инвалидов и других категорий советских граждан можно встретить в работах Г.Г. Загвоздкина [6] и В.С. Кожурина [7].

Определенную ценность для настоящего исследования представляют труды региональных ученых. В них подняты проблемы работы местных органов власти в рассматриваемый период, даны характеристика продовольственной ситуации в условиях оккупации Северного Кавказа и анализ повседневных практик выживания гражданского населения в период боев в Сталинграде [8–13], показано значение рыбной промышленности Волго-Каспийского бассейна для решения продовольственных проблем [14], отмечена роль подсобных хозяйств в развитии местных продовольственных фондов [15].

Историки Дж. Боффа, Дж. Хоскинг, Н. Верт и другие зарубежные авторы в своих работах уделяют мало внимания анализу продовольственной ситуации в СССР. Дж. Боффа в своем труде [16] останавливается на последствиях войны, показывает ее влияние на социально-экономические условия жизни населения тыловых регионов. Он так же, как и Н. Верт [17], дает описание карточной системы снабжения, колхозной и коммерческой торговли, показывает развитие огородничества. Дж. Хоскинг обращает внимание на проблемы государственного управления СССР в годы войны. Говоря о социальной ситуации в стране и продовольственном снабжении населения, он останавливается на критической ситуации, сложившейся в блокадном Ленинграде и в Москве [18, с. 287, 293].

Э. Бивор в работе «Сталинград» [19] кратко характеризует продовольственную ситуацию в городе. Исследователь отмечает, что лишение продовольственных запасов с приходом зимы обрекало гражданское население на голодную смерть, а добыть пищу и питьевую воду было практически невозможно. В перерывах между бомбежками женщины и дети выползали из своих земляных нор и спешили срезать куски мяса с убитых лошадей. Автор рассматривает снабжение армейских частей и госпиталей, указывая на его крайне низкий уровень, что не способствовало быстрому выздоровлению и возвращению в строй солдат и офицеров.

Нужно отметить исследование Й. Халльбека [20], в котором автор, основываясь на документальных источниках, показал трагедию мирного населения в Сталинграде, бесчинства немецко-фашистских войск и их союзников в городе.

Сталинградская трагедия стала объектом внимания и других зарубежных авторов [21, 22], однако вопросы продовольственного обеспечения населения в их исторических работах не получили достаточного рассмотрения.

Постановка проблемы и цели исследования

Одним из факторов победы СССР в Великой Отечественной войне стала эффективная работа в тылу. Этому во многом способствовали реализованные меры социальной защиты мирного населения. В чрезвычайно сложной обстановке государство должно было обеспечить хотя бы минимальные условия для его выживания и поддержания нормальной жизнедеятельности. При этом ограниченные продовольственные фонды, выделявшиеся государством для снабжения мирных граждан, не позволяли полностью удовлетворить их потребности в продуктах питания.

Падение производства продукции сельского хозяйства на Юге России, значительное сокращение ассортимента продовольственных товаров и предметов повседневного спроса, переход к системе нормированного распределения, крайне низкая калорийность употребляемой пищи и снижение объемов ее потребления стали характерными чертами военного периода. Возросшая продолжительность рабочего време-

ни, значительная интенсивность выполняемой работы в сочетании со скудным питанием приводили к ухудшению физического состояния людей и росту заболеваемости.

Цель настоящего исследования – анализ продовольственной ситуации на Юге России в военный период, определение эффективности проводившейся там государственной политики в сфере снабжения населения, оценка значения централизованной системы снабжения в целом и роли местных ресурсов в решении продовольственных проблем населения в регионе в 1941–1945 гг.

Методология

Методологическую основу исследования составили различные научные подходы, принципы и методы. Использование историко-антропологического подхода для изучения повседневной истории советского общества военного периода позволило рассмотреть социально-экономические проблемы представителей разных социальных слоев, обратить внимание на особенности продовольственного снабжения мирного населения, реконструировать стратегии и практики выживания человека в экстремальных военных условиях, показать и проанализировать государственную политику в сфере снабжения в целом.

В исследовании использован и микроисторический подход, в рамках которого в качестве субъектов исторического процесса выступают отдельные локальные сообщества – города такого стратегически важного региона, как Юг России, со свойственными им особенностями социально-экономического развития, включая решение комплекса продовольственных проблем местного населения.

С помощью системного подхода в исследовании были выявлены основные формы работы по стабилизации продовольственной ситуации в регионе. Он позволил рассмотреть вопросы обеспечения населения в их развитии и взаимосвязи с масштабными событиями военного времени.

Методологическая база исследования основана на принципах научного познания – принципах историзма, научности и объективности. Принцип историзма позволил рассмотреть государственную политику в области решения продовольственных проблем населения в тесной связи с проблемами развития советского общества военного периода в целом. Принципы научности и объективности, использованные при работе с архивными и опубликованными источниками, обеспечили правдивое, исключающее влияние конъюнктуры и отражающее историческую реальность отображение исследуемых фактов.

Кроме того, были использованы проблемно-хронологический, логический, статистический методы исследования, а также методы системно-функционального и историко-сравнительного анализа. Они позволили не только изучить продовольственную ситуацию в городах Юга России на разных этапах Великой Отечественной войны, но и дать оценку реализованным там государственным мероприятиям в области снабжения населения, а также обобщить количественные показатели, имеющие важное значение для решения поставленных в работе задач.

Результаты исследования

В военный период на первом плане оказались трудности, вызванные недостаточностью продовольственного фонда. Для обеспечения населения продуктами питания 23 августа 1941 г. было введено нормированное распределение продовольствия по карточкам. Это создавало для граждан гарантии получения минимального объема продовольствия. Вводились дифференцированные нормы снабжения для рабочих и приравненных к ним лиц, служащих, иждивенцев и детей в возрасте до 12 лет.

Централизованные фонды продовольствия были ограничены, нормы снабжения большей части населения оставались крайне низкими. Это требовало привлечения дополнительных источников продовольственного снабжения. Их можно разделить на две основные группы. К первой группе дополнительных источников продовольственного снабжения относятся *коммерческая* и *колхозная торговля*. В крупных городах Юга России торговля хлебом по повышенным ценам была разрешена уже с 11 июля 1941 г.[1] На Северном Кавказе такую возможность получили магазины Ростова-на-Дону,

[1] Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 195. Л. 174.

Краснодара, Пятигорска, Нальчика, Новочеркасска, Таганрога и ряда других городов[2].

Значительную роль в преодолении недостатка продовольствия на Юге России сыграла колхозная торговля, которая позволила справиться с временными перебоями в снабжении городского населения. Однако уровень рыночных цен не соответствовал возможностям большей части городских жителей, которые пользовались рынками лишь изредка. Большинству горожан были практически не доступны отдельные виды пищевых продуктов из-за их крайне низкой покупательной способности и постоянного роста цен на продовольствие. Так, на колхозных рынках региона цены на продукты питания в 1942 г. поднялись в 7 раз, а в 1943 г. – в 13 раз (по сравнению с ценами 1940 г.). В Саратове в 1942 г. отмечался рост рыночных цен в 3–10 раз, а в 1943 г. – в 10–20 раз по сравнению с ценами довоенного 1940 г. На рынках в Краснодарском крае в начале 1943 г. стоимость килограмма картофеля составляла 30 рублей, литра молока – 35 рублей, подсолнечного масла – 200 рублей, а цена на мясо достигала 350 рублей за килограмм[3].

Продовольственные трудности в 1942 г. были обусловлены прифронтовым положением многих областей Юга России. Сталинградская область в этот период стала ареной боевых действий, а большая часть Северного Кавказа была занята немецко-фашистскими войсками. Подобная продовольственная ситуация была характерна и для других регионов СССР, являвшихся прифронтовыми или оккупированных противником [23, с. 93].

Питание жителей региона в период оккупации было крайне скудным, население городов голодало. Основной пищей было мясо и кожа убитых и павших животных, что приводило к массовым смертным случаям и заболеваниям на почве голода и истощения. В большинстве воспоминаний жителей осажденного Сталинграда обнаруживается описание голода, который вынуждал рисковать жизнью в поисках пищи. Особенно ценились в то время хлеб, зерно и вода. С обеспеченностью водой у сталинградцев в 1942 г. возникли серьезные проблемы. При бомбардировке города был разрушен городской водопровод. Приходилось носить воду из колодцев, оврагов, из Волги. Жители города впоследствии вспоминали: «Не было никакой еды и воды. Пили воду с ржавчиной из подвальных труб. Не было продуктовых запасов. Всё время хотелось есть»; «Нас мучил голод. Еды не было совсем, даже и суточной блокадной пайки. Иногда кто-то из бойцов забегал в блиндаж, чтобы дать кусок хлеба, обычно это было граммов сто. На четверых – крохи. Временами не было сил двигаться. За водой приходилось спускаться к Волге и черпать ее из проруби»; «Не забыть, как мы топтались около немецкой кухни, выбирая из кучи овощные очистки, которые потом промывали, варили и ели. Как копались на элеваторе в тлеющем зерне. Найти горсть зерна считалось великой удачей»[4].

Постепенное снижение рыночных цен на Юге России началось лишь в конце 1943 г., а в 1945 г. их уровень по сравнению с ценами 1943 г. упал в 2 раза. Это было обусловлено увеличением объемов поступающей на колхозные рынки сельскохозяйственной продукции. В апреле 1945 г. отмечался рост продажи мясных, молочных продуктов, овощей, круп, растительного и животного масла [3, с. 162].

Развитие колхозной торговли в регионе в военный период затруднялось рядом негативных факторов. Среди них – спекуляция продовольственными продуктами. Спекуляцией занимались совершенно разные социальные группы: как обычные горожане, закупавшие у колхозников для дальнейшей перепродажи небольшие объемы товаров, так и должностные лица, совершавшие серьезные экономические преступления. Так, колхоз им. Калинина (Средне-Ахтубинский район Астраханского округа Сталинградской области) продавал свинину по 40 рублей за килограмм, в то время как ее средняя рыночная цена составляла 25–30 рублей[5].

На колхозных рынках часто отсутствовал торговый инвентарь, что также приводило к нарушениям правил торговли. Случаи порчи

[2] Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 195. Л. 181.

[3] Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 8. Д. 232. Л. 20; Д. 437. Л. 50.

[4] Воспоминания детей военного Сталинграда. М.: Знак, 2010. 208 с.

[5] Центр документации новейшей истории Волгоградской области. Ф. 171. Оп. 1. Д. 12. Л. 2–8.

продовольствия из-за нарушения правил хранения нередко отмечались на большинстве региональных рынков[6].

На местном уровне разрабатывались меры по усилению борьбы со спекуляцией и хищениями продовольственных товаров. На рынках появились постоянные милицейские посты. Был ужесточен санитарный контроль. Применение административных мер стало давать определенные результаты только к концу войны. Во многом этому способствовало принятое в 1945 г. постановление СНК СССР о мероприятиях по благоустройству и улучшению работы колхозных рынков. Его реализация на Юге России позволила обеспечить восстановление старых и строительство новых павильонов, ларьков и палаток, складов, камер хранения, домов колхозника, чайных комнат и т. п. Только в январе 1945 г. на благоустройство астраханских рынков было отпущено свыше 200 тыс. рублей[7].

На региональных рынках получила развитие встречная торговля товарами крестьянского спроса, посредством которой реализовывалась продукция местной промышленности, промысловой кооперации и кооперации инвалидов. В целом колхозная торговля, несмотря на все трудности и недостатки в ее организации, стала важнейшим источником снабжения горожан в военный период.

Ко второй группе дополнительных источников продовольственного снабжения населения относятся *приусадебные хозяйства*, где производилась продукция для личного потребления. В 1941–1945 гг. значительную роль в регионе стали играть подсобные хозяйства, создававшиеся при предприятиях и учреждениях и находившиеся в ведении отделов рабочего снабжения предприятий. Продукция таких хозяйств широко использовалась общественными столовыми и пунктами питания.

Решение о повсеместном создании подсобных хозяйств при организациях и предприятиях было принято на государственном уровне непосредственно перед началом Великой Отечественной войны. Уже в 1940 г. в Саратове имелось около 40 подсобных хозяйств (им принадлежало 1500 гектаров земли). 7 апреля 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих»[8], которое способствовало развитию системы приусадебных хозяйств в регионе. Так, осенью 1943 г. в Ростове-на-Дону подсобным хозяйствам было передано 10,4 гектара земли[9]. В Саратове к 1945 г. насчитывалось 280 подсобных хозяйств, их посевная площадь увеличилась в 10 раз. В 1944 г. в таких хозяйствах было выращено 60 тыс. тонн различных сельскохозяйственных продуктов[10].

Развитие подсобных хозяйств на Юге России было затруднено из-за слабого материально-технического оснащения, необеспеченности землей, семенами, горючими материалами, нежелания многих руководителей предприятий заниматься вопросами сельскохозяйственного производства. Техники не хватало, поэтому многие производственные процессы выполнялись вручную, а следовательно, урожайность была достаточно низкой.

Непосредственное руководство системой подсобных хозяйств осуществляли первые секретари горкомов и райкомов ВКП(б), председатели исполкомов местных советов. Наряду с администрацией предприятий и учреждений, значительную работу по созданию и развитию системы подсобных хозяйств проводили профсоюзы. На заседаниях фабрично-заводских комитетов рассматривались планы производства продукции в подсобных хозяйствах, заслушивались отчеты общественных контролеров, разрабатывались конкретные меры по развитию производства, принимались решения о выделении подсобным хозяйствам дополнительной земельной площади. Административные решения часто дополнялись патриотическими движениями рабочих и служащих за создание собственных продовольственных фондов.

[6] Коммунист. 1945. 15 апреля (ежедневная областная газета, выходившая в Саратове с 1906 по 1991 г.).

[7] Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСД АО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 720. Л. 1–2.

[8] Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам: сб. док. В 4 т. Т. 2. 1929–1945 гг. М.: Госполитиздат, 1959. С. 723.

[9] Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 9. Оп. 1. Д. 403. Л. 34.

[10] Коммунист. 1945. 15 апреля.

Большое внимание уделялось развитию подсобных хозяйств на крупных промышленных предприятиях, но в решении продовольственной проблемы на Юге России существенное значение имели и подсобные хозяйства, созданные различными социальными учреждениями, в первую очередь санаториями, больницами, детскими домами и др. Как правило, в таких хозяйствах было ограниченное количество скота и птицы, а их небольшие участки земли не требовали использования сложной техники.

В условиях постоянного сокращения централизованных фондов, выделявшихся для снабжения населения, важнейшим источником обеспечения населения региона пищевыми продуктами стало *индивидуальное* и *коллективное огородничество*. Обострение продовольственных проблем обусловило его быстрый рост. За рабочими и служащими предприятий и учреждений закреплялись земельные участки для личного пользования, они освобождались от налогов и обязательных государственных поставок. В условиях роста огородничества на предприятиях и в учреждениях создавались огородные комиссии [24, с. 104–105].

В 1942 г. в Саратовской области насчитывалось 87 тыс. огородников, в 1943 г. их число возросло до 347 тысяч[11]. В 1943 г. в Астраханской области для обеспечения индивидуальных и коллективных огородников из городских фондов было выделено 319,02 гектара земли. Так, для организации огородов рабочих и служащих завода им. Сталина в Астрахани был выделен земельный участок площадью 8 гектаров, индивидуальные огороды медицинского персонала Первой клинической больницы занимали участок в 2,5 гектара[12]. К 1944 г. в Астраханской области насчитывалось около 25 тыс. семей рабочих и служащих, имевших индивидуальные огороды[13].

К 1945 г. численность огородников в стране достигла 18,6 млн человек. За военный период ими было получено более 25 млн тонн сельскохозяйственной продукции. За счет огородничества в годы войны обеспечивалось потребление 1/4 всего картофеля и 1/10 овощей [2, с. 137–138].

Продовольственные проблемы испытывали и жители сельских районов региона. Трудности с продовольствием значительно усугублялись тяжелыми последствиями немецкой оккупации ряда районов. Личные подсобные хозяйства колхозников были ослаблены, посевные площади значительно сокращены. Так, в 1942 г. в Ставропольском крае посевная площадь составляла 2798 тыс. гектаров, а в 1943 г. она сократилась до 1901 тыс. гектаров (68 % от уровня 1942 г.). Значительная часть колхозников оказались в очень тяжелом положении и нуждались в немедленной продовольственной помощи. В ряде районов были отмечены случаи опухания от истощения. В целом по Ставропольскому краю насчитывалось около 370 тыс. колхозников, остро нуждавшихся в продовольственной помощи[14]. Участились жалобы фронтовиков на тяжелое продовольственное положение их семей, проживавших в сельской местности края. Из-за отсутствия продуктов питания частыми стали случаи кражи и убоя скота, массового выезда колхозников за пределы региона. К 1943 г. из Каясулинского района Ставропольского края выехало около 700 семей, из Благодарненского – 2357 человек. Значительная утечка колхозников наблюдалась в Ипатовском, Апанасенковском, Молотовском и некоторых других районах[15].

Таким образом, в чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны организация снабжения населения страны, обеспечение его жизнедеятельности стали одним из важных направлений политики Советского государства. Решение продовольственной проблемы играло важнейшую роль. От уровня питания населения зависели эффективность производственной деятельности и возможность оказания помощи фронту.

Заключение

Содержание осуществлявшейся на Юге России в 1941–1945 гг. политики по обеспече-

[11] Государственный архив новейшей истории Саратовской области. Ф. 594. Оп. 1. Д. 620. Л. 304; Государственный архив Саратовской области. Ф. 2650. Оп. 1. Д. 339. Л. 52.

[12] ГАСД АО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 718. Л. 2.

[13] Там же. Л. 3.

[14] Государственный архив новейшей истории Ставропольского края. Ф. 1. Оп. 2. Д. 827. Л. 27.

[15] Государственный архив Ставропольского края. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 51. Л. 144–151.

нию населения продовольствием было определено военными условиями, которые привели к обострению социальных проблем в регионе, в том числе и в области продовольственного снабжения. Это было обусловлено сокращением поставок продовольствия в регион и ростом численности его населения за счет эвакуированных граждан.

Приближение фронта также способствовало обострению продовольственной проблемы, своевременное и эффективное решение которой стало одним из факторов достижения Победы. Немецко-фашистское командование придавало большое значение захвату территории региона, особенно кавказских нефтеносных районов. Проблема снабжения гитлеровской армии горючим по мере крушения стратегии «молниеносной войны» принимала всё более острые формы, а весной 1942 г. стала угрожать Германии катастрофой. 12 июля 1942 г. гитлеровские войска вторглись на территорию Сталинградской области, стремясь захватить Сталинград как важный стратегический пункт и весь этот крупнейший промышленный район [25]. После падения Ростова-на-Дону 24 июля 1942 г. под натиском фашистов сообщение между Кавказом и регионами европейской части России было возможно только по Каспийскому морю и Волге через Сталинград, предприятия которого выпускали необходимую фронту военную продукцию. В создавшихся условиях в городе прекратили свою работу практически все объекты социальной сферы: магазины, рынки, продовольственные склады, столовые, хлебозаводы. Необходимо отметить, что система снабжения населения продовольствием была восстановлена достаточно быстро вследствие организации работы предприятий местной промышленности.

Минимальные нормы потребления пищевых продуктов в военное время обеспечивались введением системы нормированного распределения материальных благ. В условиях Великой Отечественной войны, при существенном сокращении ресурсов, поступающих для снабжения населения, подобная система могла гарантировать получение продуктов питания рабочими и служащими по установленным государством нормам.

В 1941–1945 гг. наряду с централизованным снабжением широко использовались дополнительные источники снабжения населения продовольствием, которые сыграли важную роль в формировании региональных фондов сельскохозяйственной продукции: колхозная и коммерческая торговля, подсобные хозяйства, индивидуальное и коллективное огородничество. Вопросам, связанным с их организацией, государственные и партийные органы власти уделяли большое внимание. Посредством отоваривания карточек отпускались обеды в столовых. Их услугами в военные годы пользовались разные категории граждан, но прежде всего горожане. Недостаток продуктов вынуждал предприятия общественного питания искать дополнительные источники снабжения, развивать подсобные хозяйства.

Работа органов власти по развитию подсобных хозяйств не была лишена определенных недостатков. К ним относятся: несвоевременное выделение земель; отвод отдаленных земельных участков, требующих организации транспортных перевозок для огородников; необеспеченность инвентарем, удобрениями и семенным материалом; недостаток торговых помещений. Несмотря на отмеченные недостатки, развитие местных источников продовольственного снабжения на Юге России позволило предотвратить распространение массового голода среди городского населения региона. Введение жесточайшего режима экономии, организация карточной системы распределения пищевых продуктов и предметов повседневного спроса позволили эффективнее использовать имевшиеся у государства ресурсы и обеспечить нормальную жизнедеятельность населения, получавшего продовольствие по определенным, часто минимальным, нормам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Вознесенский Н.А.** Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948.

2. **Чернявский У.Г.** Война и продовольствие: снабжение городского населения в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). М.: Наука, 1964.

3. **Любимов А.В.** Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М.: Экономика, 1968.

4. **Ванчинов Д.П.** Военные годы Поволжья. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1980.

5. **Водолагин М.А.** Очерки истории Волгограда: 1589–1967. М.: Наука, 1970.

6. **Загвоздкин Г.Г.** Цена победы: социальная политика военных лет. Киров: Волго-Вятское кн. изд-во, 1990.

7. **Кожурин В.С.** Неизвестная война: деятельность Советского государства по обеспечению условий жизни и труда рабочих в годы Великой Отечественной войны. М.: Изд-во АОН, 1990.

8. **Козлов Н.Д.** Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. Некоторые аспекты современной российской историографии // Вестн. Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4, № 2. С. 30–45.

9. **Чугунцова Н.А., Гаевская И.И.** Государственное регулирование аграрного сектора народного хозяйства Сев. Кавказа в годы Великой Отечественной войны // Политемат. сетевой электронный науч. журн. Кубанского гос. аграрного ун-та. 2014. № 104. С. 1322–1335.

10. **Рыблова М.А.** Дети Сталинграда: пищевые практики военного времени // Вестн. ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Междунар. отношения. 2015. № 4. С. 168–179.

11. **Гаража Н.А., Малышева Е.М.** Некоторые социально-экономические последствия оккупации Краснодарского края и их личностное переживание населением. 1943–1945 гг. // Белые пятна российской и мировой истории. 2014. № 1–2. С. 56–69.

12. **Новиков С.Г.** Стратегии выживания населения освобожденного г. Новороссийска: сентябрь 1943-го – 1945 г. // Память и время: влияние войн и вооруженных конфликтов XX в. на российское об-во: матер. Междунар. науч. конф. (Новороссийск, 12–15 сентября 2016 г.). Пенза: Изд-во ПГУ, 2016. С. 121–126.

13. **Бикбулатов М.С., Линец С.И.** Оккупация немецкими войсками Ставропольского края (август 1942-го – январь 1943 г.): масштабы потерь народного хозяйства и населения // Вестн. Пятигорского гос. ун-та. 2013. № 2. С. 173–180.

14. **Виноградов С.В.** Значение рыбной промышленности Волго-Каспийского бассейна в период Великой Отечественной войны // Соврем. науч. мысль. 2013. № 5. С. 51–61.

15. **Панарина Е.В.** Роль подсобных хозяйств в обеспечении продовольствием населения Дона и Сев. Кавказа в годы Великой Отечественной войны // Народ. Война. Победа (К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.): матер. Междунар. науч. конф. (Новороссийск, 28–30 мая 2015 г.). Пенза: Изд-во ПГУ, 2015. С. 216–220.

16. **Боффа Дж.** История Советского Союза [пер. с итал.]. В 2 т. Т. 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущёв. 1941–1964 гг. М.: Междунар. отношения, 1994.

17. **Верт Н.** История Советского государства. 1900–1991 / пер. с фр. Н.В. Бунтман. М.: Прогресс-Академия, 1992.

18. **Хоскинг Дж.** История Советского Союза. 1917–1991 / пер. с англ. П. Куценкова. Смоленск: Русич, 2000.

19. **Beevor A.** Stalingrad. Viking Press, 1999.

20. **Hellbeck J.** Die Stalingrad-Protokolle: Sowjetische Augenzeugen berichten aus der Schlacht. S. Fischer, 2012.

21. **Wette W.** Stalingrad: Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. Gerd R. Ueberschär, 2012.

22. **Zank H.** Stalingrad – Kessel und Gefangenschaft. Augsburg: Weltbild Verlag, 2012.

23. **Асташкин Д.Ю., Ковалев Б.Н., Кулик С.В.** Оккупация. Сопротивление. Возмездие: Нацистский режим на Новгородской земле. Великий Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2016.

24. **Советские** профсоюзы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: сб. воспоминаний. М.: Профиздат, 1975.

25. **Красноженова Е.Е.** Немецко-фашистская оккупационная политика и ее последствия в Сталинграде (июль 1942-го – февраль 1943 г.) // Изв. Волгоградского гос. пед. ун-та. 2015. № 3 (98). С. 238–242.

Красноженова Елена Евгеньевна
E-mail: eleena@inbox.ru

Кулик Сергей Владимирович
E-mail: kulik54@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.12.2017 г.

REFERENCES

[1] N.A. Voznesenskiy, Voennaya ekonomika SSSR v period Otechestvennoy voyny [The war economy of the USSR during World War II], Gospolitizdat, Moscow, 1948.

[2] U.G. Chernyavskiy, Voyna i prodovol'stvie: Snabzhenie gorodskogo naseleniya v Velikoy Otechestvennoy voyne (1941–1945 gg.) [War and food supply of the urban population in the Great Patriotic War (1941–1945)], Nauka, Moscow, 1964.

[3] A.V. Lyubimov, Torgovlya i snabzhenie v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Trade and logistics during the Great Patriotic War], Ekonomika, Moscow, 1968.

[4] D.P. Vanchinov, Voennye gody Povolzh'ya [The war years of the Volga region], Saratov univ. Publ., Saratov, 1980.

[5] M.A. Vodolagin, Ocherki istorii Volgograda: 1589–1967 [Essays on the history of Volgograd], Nauka, Moscow, 1970.

[6] G.G. Zagvozdkin, Tsena pobedy: Sotsial'naya politika voennykh let [The price of victory: Social policy of the war years], Volgo-Vyatskoe izdatel'stvo, Kirov, 1990.

[7] V.S. Kozhurin, Neizvestnaya voyna: deyatel'nost' sovetskogo gosudarstva po obespecheniyu usloviy zhizni i truda rabochikh v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The unknown war: activities of the soviet state to ensure conditions of life and labor in the Great Patriotic War], AON Publ., Moscow, 1990.

[8] N.D. Kozlov, [Daily life of people during the Great Patriotic War. Some aspects of modern Russian historiography], Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo univ. im. A.S. Pushkina, 2 (4) (2014) 30–45.

[9] N.A. Chuguntsova, I.I. Gaevskaya, [State regulation of agrarian sector of national economy of the north caucasus during the Great Patriotic War], Politematicheskiy setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo univ., 104 (2014) 1322–1335.

[10] M.A. Ryblova, [Children of Stalingrad: food practices of wartime], Vestnik VolGU. Ser. 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya, 4 (2015) 168–179.

[11] N.A. Garazha, E.M. Malysheva, [Some of the socio-economic consequences of the occupation of Krasnodar krai and their personal experience of the population. 1943–1945], Belye pyatna rossiyskoy i mirovoy istorii, 1-2 (2014) 56–69.

[12] S.G. Novikov, [Survival strategies of the population of Novorossiysk released: september 1943–1945], in: Pamyat' i vremya: vliyanie voyn i vooruzhennykh konfliktov XX veka na rossiyskoe obshchestvo [Memory and time: the impact of wars and armed conflicts of XX century in the Russian society], materials of the Intern. scientific conf. (Novorossiysk, Sept. 12–15, 2016), PGU Publ., Penza, 2016, pp. 121–126.

[13] M.S. Bikbulatov, S.I. Linets, [The German occupation troops in the Stavropol region (August 1942 – January 1943): the extent of the losses of the national economy and population], Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo univ., 2 (2013) 173–180.

[14] S.V. Vinogradov, [The value of the fishing industry of the Volga-Caspian basin during the Great Patriotic War], Modern scientific thought, 5 (2013) 51–61.

[15] E.V. Panarina, [The role of farms in providing food for the population of the don and the north caucasus during the Great Patriotic war], in: Narod. Voyna. Pobeda (K 70-letiyu pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.) [People. War. Victory (to the 70th anniversary of victory in the Great Patriotic war of 1941–1945)], PGU Publ., Penza, 2015, pp. 216–220.

[16] G. Boffa, The history of the Soviet Union, in 2 vol., of vol. 2, Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, 1994.

[17] N. Vert, Istoriya Sovetskogo gosudarstva. 1900–1991 [The history of the Soviet State. 1900–1991], Progress-Akademiya, Moscow, 1992.

[18] G. Hosking, Istoriya Sovetskogo Soyuza. 1917–1991 [The history of the Soviet Union. 1917–1991], Rusich, Smolensk, 2000.

[19] A. Beevor, Stalingrad, Viking Press, 1999.

[20] J. Hellbeck, Die Stalingrad-Protokolle: Sowjetische Augenzeugen berichten aus der Schlacht, S. Fischer, 2012.

[21] W. Wette, Stalingrad: Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht, Gerd R. Ueberschär, 2012.

[22] H. Zank, Stalingrad – Kessel und Gefangenschaft, Weltbild Verlag, Augsburg, 2012.

[23] D.Yu. Astashkin, B.N. Kovalev, S.V. Kulik, Okkupatsiya. Soprotivlenie. Vozmezdie: Natsistskiy rezhim na Novgorodskoy zemle [Occupation. Resistance. Retribution: the Nazi regime in the Novgorod land], NovGU name of Yaroslav the Wise Publ., Velikiy Novgorod, 2016.

[24] Sovetskie profsoyuzy v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg. [Soviet trade unions in the Great Patriotic war 1941–1945: a collection of memories], Profizdat Publ., 1975.

[25] E.E. Krasnozhenova, [Fascist occupation policy and its consequences in Stalingrad (July 1942 – February 1943)], Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo univ., 3 (98) (2015) 238–242.

Krasnozhenova Elena E.
E-mail: eleena@inbox.ru

Kulik Sergei V.
E-mail: kulik54@mail.ru

Received 10.12.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2018

DOI: 10.18721/JHSS.9104
УДК 327

РАЗВИТИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ С 1949 ГОДА ПО НАЧАЛО XXI ВЕКА

Я.М. Ахмадеева
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассмотрены актуальные аспекты формирования и трансформирования под влиянием различных факторов внешнеполитических концепций Китайской Народной Республики с момента образования государства до начала XXI в. Отмечено влияние внешних и внутренних факторов на коренные изменения этих концепций, принятие и выработку принципов внешней политики КНР. Названы причины изменений внешнеполитических концепций. Исследована особая роль отношений Китая со сверхдержавами в формировании его внешней политики. Показано развитие внешнеполитической концепции на протяжении всего периода холодной войны, отмечена роль Китая в этот период. Отдельно рассмотрена попытка КНР получить наибольшую выгоду от противоборства социалистического и капиталистического лагерей. Автор статьи отмечает стремление Пекина к поиску своей особой роли в отношении стран третьего мира, его постепенный переход не только к проведению абсолютно независимой внешней политики, но и к осознанию необходимости вовлечения других акторов международных отношений в орбиту своего влияния. Помимо анализа причин изменения внешнеполитических концепций, показано их реальное влияние на внешнюю политику КНР. Выделены национальные особенности современной внешней политики Китая.

Ключевые слова: международные отношения; КНР; внешняя политика КНР; концепции внешней политики; история Китая

Ссылка при цитировании: Ахмадеева Я.М. Развитие внешнеполитических концепций Китайской Народной Республики с 1949 года по начало XXI века // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 1. С. 33–44. DOI: 10.18721/JHSS.9104

DEVELOPMENT OF FOREIGN POLICY CONCEPTS OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA FROM 1949 TO THE BEGINNING OF THE 21st CENTURY

Ya.M. Akhmadeeva
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The article deals with the topical aspects of formation and transformation of foreign policy concepts in the People's Republic of China under the influence of various factors

from the state's founding to the beginning of the 21st century. The author discusses the influence of external and internal factors on the fundamental changes in concepts, adoption and development of foreign policy principles. The reasons for the changes in foreign policy concepts are also shown, the main, external and internal factors of influence are determined. The special role of relations with the superpowers in the formation of foreign policy is considered. The development of the foreign policy concept during the entire period of the Cold War is shown, and China's role in this period is highlighted. Separately, the China's attempt to get the most benefits from the confrontation between the socialist and capitalist camps is considered. The author also noted Beijing's desire to search for its special role for the Third World countries, the gradual transition not only to an absolutely independent foreign policy, but also the awareness of the need to involve other actors of international relations in the orbit of China's influence. In addition to analyzing the reasons for the changing concepts, their real impact on foreign policy is shown. National peculiarities of modern foreign policy of the China are described.

Keywords: international relations; China; China's foreign policy; foreign policy concept; the history of China

Citation: Ya.M. Akhmadeeva, Development of foreign policy concepts of the People's Republic of China from 1949 to the beginning of the 21st century, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 9 (1) (2018) 33–44. DOI: 10.18721/JHSS.9104

Введение

Как известно, совокупность внешнеполитических целей и методов представляет собой концепцию внешней политики, базирующуюся на представлениях об устройстве системы международных отношений, о способах взаимодействия и своей роли в формируемой системе.

Концепции внешней политики определяют реакцию государств на те или иные события, на стратегическое планирование, характер межгосударственных сношений, развитие международных хозяйственных связей. Они играют важную роль в решении вопросов войны и мира.

Внешняя политика Китайской Народной Республики оказывает исключительное влияние на развитие Азиатско-Тихоокеанского региона и всего мира в целом. Поэтому изучение процессов исторического развития и механизмов выработки современной внешнеполитической концепции Пекина чрезвычайно важно для понимания китайского подхода к современным международным отношениям.

Изучением процессов формирования внешнеполитических теорий КНР, исследованием советско-китайских отношений с середины XX в. до настоящего времени занимались многие ученые. Среди отечественных исследований хотелось бы отметить работу «КНР: три десятилетия – три политики» [1], написанную М.С. Капицей, известным ученым-международником, профессором МГУ. В ней ученый раскрывает суть каждой теории, которой придерживалось китайское руководство в период 1950–70-х гг., объясняет причины резких изменений во взглядах. Преемственность внешней политики КНР хорошо описана А.А. Свешниковым в работе «Концепции КНР в области внешней политики и национальной безопасности» [2]. Обзор исторических изменений и трансформаций внешнеполитической доктрины дан в работе А.С. Голобокова «Становление и развитие внешнеполитической доктрины Китая» [3].

Среди иностранных работ можно отметить труд американского дипломата Р.Н. Хааса «Bringing China into the fold» [4], в котором современная внешняя политика КНР рассматривается в свете изменений, связанных с распадом биполярной системы международных отношений. В монографии Э.И. Габибзаде «Азербайджан и Китай: формы, особенности и перспективы развития взаимоотношений» [5], хотя она и посвящена анализу развития азербайджано-китайских отношений, в значитель-

ной степени раскрыта современная внешнеполитическая концепция и дан подробный анализ механизмов выработки и осуществления внешней политики, показано влияние концепций на реальную политику.

Постановка проблемы и цели исследования

Целью данной работы является рассмотрение внешней политики КНР в свете механизмов выработки и реализации внешнеполитических концепций для выделения фундаментальных для Китая представлений о международных отношениях и своей роли в них. Для этого необходимо проследить историческое развитие концепций его внешней политики с момента образования КНР (1 октября 1949 г.) до начала XXI в., определить исторические этапы перехода к современной внешнеполитической формации.

Методология

В исследовании использовались методы анализа исторических документов и выступлений глав КНР для выявления основных понятий в представлениях о внешнеполитической системе и определения связей между этими понятиями; проводился анализ процессов принятия внешнеполитических решений под влиянием различных внутренних и внешних факторов.

Результаты исследования

Начиная с 1 октября 1949 г., когда Мао Цзэдун с ворот Тяньаньмэнь провозгласил образование Китайской Народной Республики, курс внешней политики страны менялся несколько раз в соответствии с изменениями в ее внутренней политике и ситуацией на международной арене. Целесообразно применить следующую периодизацию: 1949–1964 гг. – концепция «двух лагерей», 1964–1973 гг. – концепция «промежуточных зон», 1974–1977 гг. – теория «трех миров», 1977–1982 гг. – доктрина «единого международного фронта борьбы против СССР», 1982–1989 гг. – концепция мирного сосуществования со всеми странами. В разные годы руководство КНР, придерживаясь концепций, уточняло отдельные аспекты и провозглашало принципы, отвечавшие требованиям изменявшейся действительности.

После образования КНР наиважнейшими задачами для ее руководства стали определение национальных интересов и осуществление независимой внешней политики. Союз с СССР в те годы был продиктован стремлением обезопасить себя от угрозы, исходившей от США [6, с. 45]. После сближения Китая с Советским Союзом образовались два лагеря: «социалистический» и «империалистический». Китай следовал своим национальным интересам и многого добился именно благодаря правильному выбору союзников.

В 1954 г. руководство КНР сформулировало пять принципов мирного сосуществования с другими странами и объявило о том, что «выступает за внешнюю политику сохранения мира во всем мире и мирного сосуществования стран с различным строем» [7, с. 76].

После смерти И.В. Сталина в двусторонних отношениях СССР и КНР стала прослеживаться напряженность, которая обострилась после доклада Н.С. Хрущёва «О культе личности и его последствиях» [8, с. 187] на XX съезде КПСС в 1956 г.

В рамках кампании по усилению гласности и критики «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» в 1957 г. китайские националисты выступили с территориальными претензиями к СССР. Тогда антисоветские настроения были подавлены, так как КНР получала от Советского Союза значительную финансовую и научно-техническую помощь.

С начала 1960-х гг. китайские ученые начали разработку собственной внешнеполитической концепции, альтернативной советской и американской. Данная концепция основывалась на исключительности «небесного происхождения» китайского «срединного» государства [9, с. 56–60], которое теперь, после многих неудач и унижений со стороны иностранных захватчиков, должно вернуть себе былое величие, «утерянные территории», «восстановить справедливость», используя другие страны для достижения своих интересов [10, с. 25–26].

Виновниками несчастий, произошедших с Китаем, были провозглашены Великобритания («опиумные» войны), Япония (войны, значительные жертвы), Россия (вторжение на северные земли Китая и высокомерное отношение И.В. Сталина), США (конкуренция в достижении лидирующих позиций в регионе и мире).

Мао Цзэдун пересматривает свое отношение к СССР, готовится к конфронтации. Нача-

лось выдворение советских специалистов, помогавших строить новый Китай.

В 1964 г. была выдвинута концепция «промежуточных зон». «Промежуточная зона состоит из двух частей: к первой относятся независимые и борющиеся за независимость страны Азии, Африки и Латинской Америки. Эту часть можно назвать первой промежуточной зоной. Ко второй части относятся Западная Европа, Океания, Канада и другие капиталистические страны. Эту часть можно назвать второй промежуточной зоной». Согласно этой концепции КНР по прежнему противостоит «американскому империализму», но и СССР теперь «является врагом красного Китая» [2, с. 93–143]. Руководство КНР приходит к мнению о возможности сговора СССР и США против Китая, о неизбежности мировой войны, значительной вероятности применения ядерного оружия. В высказываниях руководства страны часто звучат слова «гегемонизм», «сверхдержава», «ревизионистский Советский Союз».

Из-за непредсказуемой политики от Китая отворачиваются европейские страны, у него портятся отношения с Центральной и Юго-Восточной Азией, со всем социалистическим лагерем. Оценивая отношения между СССР и США, Мао Цзэдун понимал, что они достаточно стабильны, конфликт может возникнуть между одной из этих стран и Китаем, а не между двумя сверхдержавами. В ответ на это идет милитаризация страны.

В 1968 г. США участвуют в войне на территории Индокитая, СССР вводит войска в Чехословакию, чем доказывает, для руководства КНР, возможность прямого вмешательства во внутренние дела других стран. Китай осознает необходимость борьбы не только с американским империализмом, но и с советским ревизионизмом. В 1969 г. на IX съезде КПК было утверждено, что США – главный враг народов всего мира, вероятность войны с Китаем велика.

Через несколько месяцев по итогам исследования международной обстановки было заявлено, что начало войны против Китая сейчас маловероятно, но СССР считает КНР своим врагом, значит, от него исходит опасность бóльшая, чем от США. Руководство Китая осознает перспективы нормализации отношений с Вашингтоном. Причиной этому в значительной степени послужили: ухудшение международного положения США из-за войны во Вьетнаме; подписание Договора о дружбе между СССР и Индией, который был расценен как нацеленный против КНР, а также признание Р. Никсоном многополюсности мира, анализ возможностей экономических связей с США.

Происходит пересмотр внешних врагов, и теперь на первый план выходит Советский Союз, хотя речь всё еще идет о борьбе с двумя гегемонами. В это же время начинаются военные столкновения на приграничных с СССР территориях.

США, в свою очередь, осознавали необходимость налаживания отношений с развивающимся в экономическом и военном плане Китаем, который мог предоставить рынок сбыта для американских товаров.

В 1972 г. во время визита президента США Р. Никсона в КНР был выдвинут новый тезис: «Американский империализм – это бумажный тигр, который давно уже проткнут народами мира, „социал-империализм" намного обманчивее по сравнению с империализмом старой марки и поэтому намного опаснее» [11, с. 49].

К 1974 г. была составлена новая внешнеполитическая концепция – теория «трех миров», согласно которой «США и СССР составляют первый мир. Развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки, а также развивающиеся страны других районов – третий мир. Развитые страны, расположенные между этими двумя мирами, – второй мир» [2, с. 93–143]. КНР в этой системе является и развивающимся, и социалистическим государством одновременно. В качестве цели развивающихся стран было определено развитие мировой истории: борьба против колониализма, империализма и сверхдержав.

Мао Цзэдун обращается к представлениям китайцев о миропорядке, в котором Китай является центром мира: «Новый Китай, народный Китай, должен занять среди народов земли по праву принадлежащее ему место – первое место» [12, с. 6–10].

Нарастает антисоветизм, сокращаются объемы двусторонней торговли, сворачиваются культурные и образовательные связи.

В материалах XI съезда КПК и в номере «Жэньминь жибао» от 1 ноября 1977 г., специально посвященном «теории председателя Мао Цзэдуна о делении на три мира», главной

мыслью был призыв использовать противоречия между «сверхдержавами». Объясняется это ленинским высказыванием о необходимости «использования самой малейшей трещины между врагами, всякой противоположности интересов между буржуазными группировками» и высказыванием Мао Цзэдуна, относящимся к 1976 г.: «У США есть в мире интересы, которые они стремятся защитить, а Советский Союз рвется к экспансии, и этого ничем не изменить в эпоху существования классов» [2, с. 93–143].

Китай пытается столкнуть интересы СССР и США, получив выгоду для себя. Китайское руководство понимало, что ни СССР, ни США не нападут, так как в случае их агрессии КНР примкнет к другой стороне и тогда изменится соотношение сил в мире. Следовательно, пока две «сверхдержавы» заняты друг другом, у Китая развязаны руки [13, с. 219]. В то же время Пекин использовал сотрудничество с США для модернизации своей экономики.

Руководство США понимало нестабильность данной ситуации. Американский ученый А.Д. Барнетт в книге «Китайская политика: старые проблемы и новые вызовы» писал, что «интересы безопасности Соединенных Штатов требуют, чтобы первоочередной задачей их политики была забота о предотвращении вооруженного столкновения с Советским Союзом, а это, в свою очередь, требует поддержания устойчивого стратегического баланса между двумя странами и продолжения поисков средств для дальнейшей разрядки» [Цит. по: 1, с. 335].

Концепция «трех миров» была очень мудрым политическим расчетом КНР. Пока борьба ведется между двумя сверхдержавами, Китай наблюдает, кто сильнее, сталкивает их и смотрит, кто победит, чтобы, во-первых, в дальнейшем не сделать подобных ошибок, а во-вторых, столкнуться с меньшим количеством конкурентов.

Дэн Сяопин 21 октября 1977 г. высказал К. Русселю, генеральному директору агентства Франс Пресс, идею о необходимости объединиться «третьему миру», «второму» и части «первого» в лице США против общего врага – СССР. Китай призывал развивающиеся страны налаживать торгово-экономические связи с капиталистическим миром в ущерб социалистическому, тем самым ориентируя эти страны на одностороннее сотрудничество со «вторым миром», что усиливало неоколониализм [Там же. С. 329].

Переломным моментом в процессе формирования китайских внешнеполитических концепций послужил III пленум ЦК КПК (1978 г.), так как на базе политики 1980–90-х гг. закладывалась теоретическая основа современной внешней политики КНР. Принятый во время пленума курс «четырех модернизаций» делал акцент на экономических преобразованиях внутри страны, внешняя же политика служила для обеспечения благоприятных внешних условий. Идеи мировой революции, идеологической борьбы отходили на второй план, теперь главным для Китая было решение проблем национальной безопасности, обеспечение мирного стабильного окружения, развитие, внедрение КНР в структуру мировых экономических и научно-технических контактов, для чего необходимо было налаживать связи со всеми странами мирового сообщества [2, с. 93–143].

В январе 1979 г. Дэн Сяопин, будучи с визитом в США, призвал к объединению ради борьбы с СССР: «США, Китай, Япония, Европа и другие государства мира должны объединиться, чтобы справиться с советским гегемонизмом» [Там же]. Сохранявшийся на протяжении нескольких лет после принятия решений на III пленуме ЦК КПК антисоветизм и выдвижение доктрины «единого фронта» в целом противоречили духу официальной концепции и являлись вынужденной мерой, ответом на международную обстановку, каковой она была в видении китайского руководства [Там же].

Сигналом к потеплению отношений с СССР для КНР стала речь Л.И. Брежнева в Ташкенте 24 марта 1982 г., когда он заявил: «Мы никогда не считали состояние враждебности и отчуждения между нашими странами нормальным явлением. Мы готовы договариваться без всяких предварительных условий о приемлемых для обеих сторон мерах по улучшению советско-китайских отношений на основе взаимного уважения интересов друг друга, невмешательства в дела друг друга и обоюдной пользы и, разумеется, не в ущерб третьим странам» [14]. СССР показал, что готов возобновить переговоры по пограничным вопросам, не поддерживает концепцию «двух Китаев», т. е. считает Тайвань китайской территорией, критикует лишь внешнюю политику КНР.

После речи Л.И. Брежнева руководством Китая на XII съезде КПК (1982 г.) была принята линия «независимой и самостоятельной внешней политики», КНР отказывалась от вступления в союзнические отношения со сверхдержавами. Источником мировой войны теперь называлась борьба сверхдержав, в гегемонизме снова обвинялись обе сверхдержавы. Возникла новая формула китайской внешней политики: «Китай придерживается принципиального подхода в отношениях с США и СССР. Мы не можем не улучшать отношения с ними из-за того, что они проводят гегемонизм. Мы не можем прекратить борьбу против их гегемонизма из-за того, что мы улучшаем отношения с ними. Мы также не можем из-за того, что мы улучшаем отношения с одной из них, пойти на ущемление интересов другой» [2, с. 93–143]. Теперь у Китая нет противников, отношения с которыми строятся исключительно на противостоянии, нужно находить и точки соприкосновения. Был выдвинут курс на «конфронтацию и сосуществование».

На XII съезде КПК (1982 г.) было подтверждено, что КНР – развивающаяся социалистическая страна третьего мира, что она не станет сверхдержавой, не будет проводить гегемонистскую политику. А через несколько лет Китай объявил о планах стать мощной мировой державой к 2049 г., занять достойное место в мире, чтобы с его мнением считались, а также о том, что он нацелен на открытость внешнему миру и будет участвовать в обсуждении международных вопросов.

В 1985 г. Дэн Сяопин высказал идею, что двумя «наиболее крупными стратегическими проблемами в современном мире, носящими глобальный характер, являются проблема мира и экономическая проблема» [Там же]. КНР – это не воинственное государство [15], «когда Китай станет развитой страной, силы мира, сдерживающие войну, значительно возрастут», при этом главную роль в деле мира будут играть не военно-политические аспекты, а политико-экономические [2, с. 93–143]. Тем самым, КНР приходит к концепции «мира и развития», настроен расширять торговые связи со странами третьего мира.

Однако события на площади Тяньаньмэнь 3–4 июня 1989 г. привели к похолоданию в отношениях со странами Запада. Против КНР ввели санкции, осудили ее действия. Дэн Сяопин был обеспокоен сложившейся ситуацией не только внутри страны, но и на мировой арене из-за распада СССР, разлада в социалистическом лагере. Он начал проводить реформы, целью которых были экономическое развитие государства и сближение с другими странами.

По мнению А.А. Свешникова, после распада Советского Союза «США, хотя и остались единственной в мире сверхдержавой, также ослабли и просто не в состоянии были в одиночку руководить миром», борьба против монополярности мира вошла в приоритетные направления внешней политики КНР вместе со стремлением к «мультиполярности». Некоторые аналитики считают, что данная система выглядит таким образом: одна сверхдержава (США), несколько сильных держав (Германия, Япония, Россия, Китай и др.), три экономических полюса (США, Европа, Япония), два военных полюса (США и Россия), пять политических полюсов (США, Россия, Китай, Англия, Франция – пять постоянных членов Совета Безопасности ООН). В отличие от 1980-х гг. Китай теперь претендует на статус «полюса» [Там же].

С 1988 г. начинаются обсуждения нового внешнеполитического курса не только в Китае, но и в других странах. Цели стран различны: «Соединенные Штаты стремятся сохранить западный союз, основать новый мировой порядок при обеспечении своего лидерства. Западная Европа стремится к внутренней интеграции, роли независимого полюса и строительству „Европы для европейцев". Япония хочет основывать свои отношения с Соединенными Штатами на базе равноправного сотрудничества, выступает против нового международного порядка при одностороннем главенстве США и призывает к созданию международного порядка, в котором лидирующую роль играли бы все главные западные страны». КНР же стремится к «всеобщему миру и совместному развитию». Как считает Свешников, Китай также стремится к неформальному лидерству в Азиатско-Тихоокеанском регионе, для чего поддерживает идею уменьшения «внешнего вмешательства» [Там же].

На данном этапе КНР придерживается пяти принципов мирного сосуществования. К ним относятся: взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета государств, ненападение, невмешательство во внутренние

дела, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование. Часто помимо них используются и дополнения: «антигегемонизм», «мирное разрешение международных конфликтов», «отказ от экспорта революции и контрреволюции», «равная безопасность», «равенство интересов», «деидеологизация международных отношений» [2, с. 93–143].

Стремление к многополярности позволяло многим странам проводить курс своей внешней политики без подчинения доминирующей сверхдержаве. Эта политика привела к большей демократизации международных отношений и возможности для КНР играть значимую роль в регионе и мире. В условиях многополюсной системы Китай имеет возможность, как и в 1970-х гг., играть на противоречиях других стран, направить свою деятельность на развитие «мягкой силы», а не увеличивать военно-политический потенциал.

В этот период США не считают Китай главным соперником, как и другие западные страны, но и не прекращают политику, направленную на «вестернизацию» и «раскол» КНР, продолжают давить, осуществлять вмешательство. Китаю в подобной ситуации крайне невыгодно противопоставлять себя Западу, а как видно из истории, после исчезновения общего врага главные союзники становятся соперниками [Там же].

Теория антигегемонизма также способствует китайской игре на противоречиях. С одной стороны, под гегемоном, с китайской точки зрения, сейчас понимаются США, которые воздействуют на все сферы национальных интересов КНР – политику, экономику и безопасность, а также и другие страны не только региона, но и мира. С другой стороны, из-за проведения США политики сдерживания Китая многие страны разделяют утверждение, что именно Пекин стремится к гегемонизму, наращивает военный потенциал, ставит другие страны в зависимое от себя положение.

В ответ на политику сдерживания Китай выступает против увеличения присутствия США в Азиатско-Тихоокеанском регионе для сокращения негативного влияния Вашингтона и стремится к увеличению своей роли в обеспечении международного порядка.

Ввиду таких угроз, как несправедливость и нерациональность международного экономического порядка, региональные конфликты, Китай выдвинул новые постулаты для создания «мирного, стабильного, справедливого и разумного нового международного порядка» [3]. Новый мировой порядок, по мнению китайского руководства, должен затрагивать и экономическую, и политическую сферы. Для КНР новый мировой порядок – это в первую очередь «завоевание неформального лидерства в Азиатско-Тихоокеанском регионе» [2, с. 93–143]. Этот факт свидетельствует о стремлении Пекина к региональному лидерству как условию обеспечения безопасности развития страны.

В «концепции новой безопасности» говорится о возможности достижения взаимных доверительных отношений между странами благодаря развитию сотрудничества с учетом взаимных выгод на основе равноправия и координации совместных действий. До сих пор данные принципы являются важными составляющими внешнеполитического курса Китая.

Концепции «нового международного порядка» и «новой безопасности» легли в основу идеи «стратегического партнерства», появившейся в 2000-х гг. Основной ее принцип – построение долговременных устойчивых взаимовыгодных отношений с учетом национальных интересов. Относительно международной и региональной безопасности КНР определила ряд противоречий, которые могут привести к конфликтным ситуациям. Например, экономические противоречия теперь могут выйти на первый план после снижения роли идеологии. Поэтому Пекин выдвинул принцип невмешательства во внутренние дела других стран, вовлечение их в экономический обмен.

Весной 2000 г. Цзян Цзэминь провозгласил концепцию «идти вовне», согласно которой КНР должна была поощрять миграцию рабочей силы, увеличить экспорт и объем ВВП, выйти на международные рынки и тем самым обеспечить необходимое развитие страны.

Особое внимание также уделяется и достижению национальных интересов Китая, подчеркивается, что КНР готова к увеличению ответственности, которую она несет за международные процессы, но лишь с учетом интересов страны [4].

В 2003 г. в выступлении проректора Центральной партшколы КПК Чжэн Бицзяня прозвучал лозунг «мирного возвышения». Пусть и

мирное, но возвышение Китая пугало мировую общественность. От данного лозунга пришлось отказаться летом 2004 г., власти вернулись к проверенной концепции «мира и развития» 1980-х гг., основным тезисом которой было «мирное развитие».

Впервые идея «совместного построения гармоничного мира» прозвучала в апреле 2005 г. Акцент был сделан на такие общечеловеческие, гуманистические ценности традиционной конфуцианской мысли, как «гармония» и «золотая середина» [16, с. 42].

В октябре 2007 г. состоялся XVII съезд КПК, который подвел итоги первых пяти лет правления Ху Цзиньтао. На нем прозвучали призывы к созданию «гармоничного общества» внутри Китая и «гармоничного мира» за его пределами, что было закреплено в обновленной редакции устава партии. Лозунг «гармонии» вскоре вошел в официальную идеологию и стал одним из символов правления Ху Цзиньтао. Пекин заявил, что «может быть сильным и могучим, не нанося ущерба другим странам» [Там же. С. 41]. Китай выступает за сохранение мира, развитие и сотрудничество, придерживается стратегии открытости для взаимной выгоды, «стремится использовать достижения других цивилизаций для продвижения к миру и развитию через сотрудничество, стремится играть свою роль в строительстве гармоничного мира, длительных мирных [отношений] и общего процветания». Китай придерживается позиции невмешательства в чужие дела и уважения к многообразию путей развития стран и культур, в то время как США используют «жесткую силу» для распространения своих ценностей [Там же. С. 41–42].

Согласно новой внешнеполитической стратегии, Китай должен активнее участвовать в международных делах, изо всех сил защищать многополярность, многообразие культур, осуществлять демократизацию международных отношений, придерживаться мультилатерализма и многосторонней дипломатии, что можно охарактеризовать тезисом: «диалог и консультации, сотрудничество и совместная выгода, поиск общего при сохранении различий, толерантность и открытость» [Там же].

Замглавы канцелярии чрезвычайных ситуаций Генштаба НОАК старший полковник У Сихуа заявил, что Китай предпочитает мирное развитие, урегулирование спорных вопросов путем диалога, переговоров и равноправных консультаций, выступает против войны, установления гегемонии, военной экспансии, но отметил, что «в случае, если кто-то навязывает нам войну, нам необходимо вести решительный бой и одержать победу, оправдав ожидания страны. Непоколебима решительность китайского правительства и армии в защите коренных интересов, в том числе в защите территориальной целостности страны» [17]. Китайская государственная военная мощь растет, страны Запада заявляют о «китайской угрозе», в ответ на это Пекин выдвигает идею «мирного подъема», стремится повышать культурную «мягкую силу» государства.

В связи с этим мнения западных ученых разделились. Одни считают, что усиление КНР неминуемо приведет к вооруженному конфликту, другие убеждены, что с точки зрения экономики Китаю невыгодно проводить агрессивную внешнюю политику. Подобное поведение не только увеличит затраты на налаживание связей с другими странами, но и может спровоцировать формирование коалиции государств с целью сдерживания, подрывая выбранную стратегию по увеличению доверия к Китаю [18].

Китайская интерпретация «мягкой силы» была отражена в политическом докладе на XVII Всекитайском съезде КПК, состоявшемся в 2007 г. В нем были выдвинуты конкретные задачи строительства «мягкой силы» государства в рамках строительства социализма с китайской спецификой по четырем направлениям: 1) «создавать систему стержневых социалистических ценностей, увеличивать притягательные и цементирующие силы социалистической идеологии»; 2) «формировать гармоничную культуру, воспитывать цивилизованные нравы»; 3) «широко распространять национальную культуру, строить общий духовный очаг китайской нации»; 4) «продвигать новаторство в культуре, усиливать жизненную силу развития культуры» [16, с. 46].

Рассуждая о «мягкой силе», современные китайские эксперты часто вспоминают древнюю даосскую мудрость: «В Поднебесной самое мягкое одерживает верх над самым твердым» [Там же]. Опираясь на идеи конфуцианства, были сформированы основные принципы взаимодействия КНР с соседями. Китай, как «Срединное государство», утверждал свою власть

над другими государствами, в первую очередь в экономической и культурной сферах, старался избегать военных столкновений. В средние века эта стратегия называлась «цзинши цзиминь» – «управление миром, помощь народам» [5, с. 41–42]. Метод осуществления этой стратегии – «увэй» – «недеяние»: ничего прямолинейного, грубого, примитивного и легко бросающегося в глаза или, как его еще называли, «цзими» – «ненатянутые поводья», основа метода – дипломатический направляющий совет, сделанный к месту и вовремя [Там же]. Эта стратегия использовалась в Китае до середины XIX в., позднее, с приходом к власти Мао Цзэдуна, который стремился наследовать древние традиции, данный метод стал осуществляться на практике. Все чаще и чаще сейчас обращаются к высказыванию основоположника школы военного искусства Сунь-цзы (VI – начало V в. до н. э.): «Лучшее из лучшего – покорить чужую армию, не сражаясь» [16, с. 46].

Китайское руководство убеждено, что необходимо наращивать экономическую и военную мощь страны, однако этого недостаточно для эффективной защиты суверенитета. Нужно уделять должное внимание политике, культуре, морали, справедливости, поддержанию глобальной стабильности и созданию условий для «всеобщего процветания».

Поэтому Китай активно продвигает свою культуру в мире. Так, в 2004 г. во время встречи года Обезьяны на Эйфелевой башне зажглись 280 красных фонарей, к началу 2007 г. в 49 странах мира действовали уже 123 института Конфуция, созданные с целью пропаганды за рубежом китайского языка и культуры.

Известный китайский политолог Янь Сюэтун советует китайскому руководству заниматься не только построением мирных условий для экономического развития страны, но и улучшением имиджа, налаживанием дружеских отношений с другими государствами. Чем уникально мнение Янь Сюэтуна: он считает, что совсем не обязательно наращивание культурной силы страны с помощью создания позитивного образа национальной культуры, развития лишь образования, науки, техники, литературы, искусства, новостных СМИ, телевидения, кино – это не увеличивает «мягкую силу». Организация культурных мероприятий за рубежом помогает иностранцам узнать китайскую культуру, традиции, историю, но это не означает, что благодаря этому они полюбят Китай и начнут поддерживать его политику. Сейчас необходимо переходить от распространения культуры к укреплению стратегической репутации страны, которое следует начинать с решения внутренних проблем [Там же. С. 48]. Древняя китайская мудрость гласит: «Чтобы весь мир привести в порядок, нужно сначала свой народ изменить».

Янь Сюэтун полагает, что Китаю нужно думать об укреплении «стратегической репутации», которая основывается на доверии к нему других государств. Зарубежные партнеры должны быть уверены в том, что страна действительно будет проводить тот курс, о котором она заявила, не пытаясь ввести их в заблуждение, при этом внутренняя обстановка в стране должна быть стабильной, иначе Пекин не сможет заручиться поддержкой других стран [Там же. С. 47–48].

Современная концепция внешней политики КНР нацелена на мир, развитие и взаимовыгодное сотрудничество со всеми странами. Китай вовремя почувствовал приближение века глобализации и сделал акцент на наращивании своей «мягкой силы» путем обмена культурными ценностями, привлечения иностранцев к изучению китайского языка, развития туризма. Ведь чем больше люди знают о стране, тем выше доверие, а значит, и поддержка мирового сообщества. Это способствует признанию КНР как стабильно развивающегося государства, готового идти на сближение со всеми странами и делиться выгодой. Помимо этого, для повышения статуса Китая в мире необходимо улучшать репутацию и четко соответствовать выбранному курсу, ведь достижение лишь экономических целей государства может внушить страх, а КНР стремится к мирному урегулированию конфликтов путем переговоров, а не демонстрации силы и мощи.

Изучив различные концепции внешнеполитического курса КНР, можно выделить у них общие моменты: стремление в первую очередь решать внутренние проблемы и наращивать государственный потенциал посредством привлечения необходимого извне; сохранение нейтралитета при разрешении международных конфликтов; использование противоречий в отношениях между другими акторами при достижении своих целей.

Заключение

С момента возникновения современного китайского государства концепции его внешней политики претерпевали значительные изменения, обусловленные как объективными, так и субъективными внешне- и внутриполитическими факторами.

Если рассматривать китайские внешнеполитические концепции в общем, то можно заметить, что эти концепции объединяют стремление страны к независимости, вера в собственное значение и способности, реальная оценка складывающейся политической ситуации, четкое определение своих целей и интересов, способность и желание использовать противоречия в отношениях между другими акторами для достижения своих целей.

Во внешней политике КНР можно выделить следующие этапы:

1949–1964 гг. – концепция «двух лагерей». Китай выступает за сохранение мира во всем мире и мирного сосуществования стран с разным политическим строем, при этом КНР, безусловно, находится в советской сфере влияния.

1964–1973 гг. – концепция «промежуточных зон». США и СССР рассматриваются как империалистические державы – враги Китая, способные на сговор, мировая империалистическая война считается неизбежной.

1974–1977 гг. – теория «трех миров». Происходит усложнение внешнеполитической концепции, США и СССР рассматриваются как страны «первого мира», развитые страны – «второй мир», все остальные страны – «третий мир». В этот период Китай обращается к странам третьего мира и позиционирует себя как новый лидер.

1977–1982 гг. – доктрина «единого международного фронта борьбы против СССР». Китай усиливает антисоветизм и провозглашает борьбу с советской экспансией. При этом происходит нормализация его отношений с США.

1982–1989 гг. – концепция мирного сосуществования со всеми странами. Китай – страна третьего мира, которая отказывается от военно-политического противостояния с гегемонами и стремится занять «достойное место в мире» исключительно экономическим путем.

Таким образом, можно сказать, что внешняя политика КНР, изначально базировавшаяся на советской классовой марксистко-ленинской концепции, в процессе своего развития стала приобретать самобытные черты. Китай смог сформировать и развить собственную концепцию международных отношений. Так, деление стран на «три мира» позволило КНР выступить с позиций борьбы с мировым колониализмом. Кризис биполярной системы международных отношений вывел Китай к пониманию необходимости решения внешнеполитических проблем социально-экономическим путем, а не военно-блоковым, что позволило отодвинуть на второй план классовые деления, уйти от «классических» блоковых представлений к осознанию роли глобализации и развития мировых хозяйственных связей, сосредоточиться на проведении политики китайской «мягкой силы» через экономику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Капица М.С.** КНР: три десятилетия – три политики. М.: Политиздат, 1979.

2. **Свешников А.А.** Концепции КНР в области внешней политики и национальной безопасности. М.: РОССПЭН, 2001.

3. **Голобоков А.С.** Становление и развитие внешнеполитической доктрины Китая // Ойкумена. 2010. № 3. С. 117–124.

4. **Haass R.N.** Bringing China into the fold // Newsweek. Dec. 2008 – Jan. 2009. Pp. 14–15.

5. **Габибзаде Э.И.** Азербайджан и Китай: формы, особенности и перспективы развития взаимоотношений. Баку: Азернешр, 2009.

6. **Бажанов Е.П.** Китай и внешний мир. М.: Междунар. отношения, 1990.

7. **Материалы** VIII Всекитайского съезда КПК. М., 1956.

8. **Кулик Б.Т.** К истории отношений КПСС и КПК (1956–1966). Китай в мировой и региональной политике: история и современность: сб. / отв. ред. А.Г. Яковлев. М.: Изд-во Ин-та Дальнего Востока РАН, 2002.

9. **Владимиров О.Е.** Советско-китайские отношения в сороковых-восьмидесятых годах. М.: Междунар. отношения, 1984.

10. **Бажанов Е.П.** США во внешнеполитической стратегии КНР (1949–1986 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1987.

11. **Воронцов В.Б.** Китай и США: 60–70-е годы. М.: Наука, 1979.

12. **Жданов В.Л.** «Теория трех миров» Мао Цзэдуна в контексте традиционных политических доктрин Китая: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005.

13. **Девятов А.П.** Война, политика и экономика, или Почему «теория председателя Мао Цзэдуна о делении мира на три части» – величайший вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма. Китайская специфика: как понял ее я в разведке и бизнесе. М.: Муравей, 2002.

14. **Изменение** подходов китайской внешней политики. Начало процесса нормализации // Холодная война. Конфликты. URL: http://www.coldwar.ru/conflicts/china/normalisation.php (дата обращения: 10.05.2014).

15. **Дэн Сяопин.** Мир и развитие – две крупные проблемы современного мира. Из беседы с делегацией торгово-промышленной палаты Японии 4 марта 1985 года // Коммунистическая партия Российской Федерации. URL: http://kprf.ru/ (дата обращения: 29.04.2014).

16. **Борох О., Ломанов А.** Скромное обаяние Китая. Пекин творчески развивает американскую концепцию «мягкой силы» // Pro et Contra. 2007. Ноябрь–декабрь. С. 41–60.

17. **Способность** «воевать и побеждать» – первоочередная задача по укреплению боеспособности армии – китайский офицер // Жэньминь Жибао. URL: http://russian.people.com.cn/31521/8210452.html (дата обращения: 17.04.2013).

18. **Taylor Fravel M.** International Relations Theory and China's Rise: Assessing China's Potential for Territorial Expansion // Intern. Studies Rev. 2010. No. 12. Pp. 505–532.

Ахмадеева Яна Михайловна
E-mail: frau-ahmadeeva@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.10.2017 г.

REFERENCES

[1] M.S. Kapitsa, KNR: tri desyatiletiya – tri politiki [PRC: three decades – three politicians], Politizdat, Moscow, 1979.

[2] A.A. Sveshnikov, Kontseptsii KNR v oblasti vneshney politiki i natsional'noy bezopasnosti [Concepts of the PRC in the field of foreign policy and national security], ROSSPEN, Moscow, 2001.

[3] A.S. Golobokov, [Formation and development of the foreign policy doctrine of China], Oecumene, 3 (2010) 117–124.

[4] R.N. Haass, Bringing China into the fold, Newsweek (Dec. 2008 – Jan. 2009) 14–15.

[5] E.I. Gabibzade, Azerbaydzhan i Kitay: formy, osobennosti i perspektivy razvitiya vzaimootnosheniy [Azerbaijan and China: forms, features and prospects for the development of relationships], Azerneshr, Baku, 2009.

[6] E.P. Bazhanov, Kitay i vneshniy mir [China and the outside world], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, 1990.

[7] Materials of the VIII All-China Congress of the CCP, Moscow, 1956.

[8] B.T. Kulik, K istorii otnosheniy KPSS i KPK (1956–1966). Kitay v mirovoy i regional'noy politike: istoriya i sovremennost' [On the history of relations between the CPSU and the CPC (1956–1966). China in World and Regional Politics: History and Modernity], RAS, Institute of the Far East Publ., Moscow, 2002.

[9] O.E. Vladimirov, Sovetsko-kitayskie otnosheniya v sorokovykh-vos'midesyatykh godakh [Soviet-Chinese relations in the forties and eighties], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, 1984.

[10] E.P. Bazhanov, USA vo vneshnepoliticheskoy strategii PRC (1949–1986 gg.) [USA in the foreign policy strategy of the PRC (1949–1986 gg.], abstr. doct. diss., Moscow, 1987.

[11] V.B. Vorontsov, Kitay i USA: 60–70-e gody [China and the USA: 60–70th years], Nauka, Moscow, 1979.

[12] V.L. Zhdanov, «Teoriya trekh mirov» Mao Czeduna v kontekste traditsionnykh politicheskikh doktrin Kitaya ["Theory of the Three Worlds" by Mao Zedong in the context of China's traditional political doctrines], abstr. cand. diss., Ekaterinburg, 2005.

[13] A.P. Devyatov, Voyna, politika i ehkonomika, ili Pochemu «teoriya predsedatelya Mao Czeduna o delenii mira na tri chasti» – velichayshiy vklad v sokrovishchnitsu marksizma-leninizma. Kitayskaya spetsifika: kak ponyal ee ya v razvedke i biznese [War, politics and economics, or Why "Chairman Mao Zedong theory of dividing the world into three parts" is the greatest contribution to the treasury of Marxism-Leninism. Chinese specificity: as I understood it in intelligence and business], Ant, Moscow, 2002.

[14] [Changing the approaches of Chinese foreign policy. The beginning of the normalization process], The Cold War. Conflicts. Available at: http://www.coldwar.ru/conflicts/china/normalisation.php (accessed 10.05.2014).

[15] Deng Xiaoping, [Peace and development are two major problems of the modern world. From a conversation with the delegation of the Chamber of Commerce and Industry of Japan on March 4, 1985.], The Communist Party of the Russian Federation. Available at: http://kprf.ru/ (accessed 29.04.2014).

[16] O. Borokh, A. Lomanov, [The modest charm of China. Beijing creatively develops the American concept of "soft power"], Pro et Contra (November – December, 2007) 41–60.

[17] [The ability to "fight and win" – the primary task of strengthening the fighting capacity of the army – a Chinese officer], People's Daily. Available at: http://russian.people.com.cn/31521/8210452.html (accessed 17.04.2013).

[18] M. Taylor Fravel, International Relations Theory and China's Rise: Assessing China's Potential for Territorial Expansion, International Studies Review, 12 (2010) 505–532.

Akhmadeeva Yana M.
E-mail: frau-ahmadeeva@yandex.ru

Received 10.10.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2018

DOI: 10.18721/JHSS.9105
УДК 94

ДВОЙНОЙ НЕЙТРАЛИТЕТ ШВЕЦИИ В 1940–1970 ГОДАХ

С.С. Гулякин
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассмотрена шведская политика нейтралитета в середине XX в. По данным Стокгольмского международного института исследования проблем мира, в настоящее время наблюдается увеличение количества региональных конфликтов, поэтому изучение нейтралитета Швеции как одной из форм их разрешения вновь актуально. Методологическую основу исследования составляет принцип научной объективности при работе с опубликованными российскими и зарубежными источниками. Использование сравнительно-исторического, формально-логического и структурно-функционального методов позволило систематизировать материалы, определить шведскую политику нейтралитета как политику двойных стандартов. В исследовании выявлено, что Швеция в рассматриваемый период была ориентирована на западные страны и США, но категорически не желала участвовать в военных действиях на чьей-либо стороне, быть членом НАТО и не хотела осложнений в дипломатических отношениях с Советским Союзом. Следует признать, что шведы не идеализируют внешнеполитический курс своего государства и называют его «фактически постоянным» нейтралитетом. Автор статьи приходит к выводу: шведский премьер-министр Улоф Пальме, сыгравший большую роль в осмыслении политики нейтралитета, верно подметил, что нейтралитет для Швеции был всегда скорее средством, чем идеологией. К нему прибегали исключительно в случаях военной угрозы, и, как полагало большинство шведских политиков, этого было вполне достаточно. Граждане Швеции не могли участвовать в реальном обсуждении политики нейтралитета государства или влиять на ее формирование. Материалы статьи могут использоваться для изучения истории отношений Швеции с западными странами и СССР в 1940–1970 гг.

Ключевые слова: шведская политика нейтралитета; двойные стандарты; НАТО; внешнеполитический курс; Улоф Пальме; «фактически постоянный» нейтралитет

Ссылка при цитировании: Гулякин С.С. Двойной нейтралитет Швеции в 1940–1970 годах // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 1. С. 45–53. DOI: 10.18721/JHSS.9105

SWEDEN'S DOUBLE NEUTRALITY IN 1940–1970

S.S. Gulyakin
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The relevance of the selected research topic is determined by the following circumstances. According to the Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI) there is now an increase in the number of regional conflicts. The study of Sweden's neutrality as a form of conflict resolution by means of dialogue, and the search for mutually

advantageous solutions are gaining importance again. The methodological basis of this article is the principle of scientific objectivity in working with the published Russian and foreign sources. It is revealed, firstly, that Sweden was oriented toward the Western countries and the United States. Secondly, Sweden didn't want to participate in military operations on either side, including the NATO alliance. Thirdly, Sweden avoided diplomatic complications with the Soviet Union. We should note that the Swedes themselves didn't ever idealize their own foreign policy. They call it "de facto permanent neutrality". The conclusion is that the neutrality was always a means to an end rather than an ideology for Sweden. It was used exclusively in cases of military threat, and, as most of the Swedish politicians believed, this was quite enough. A major role in understanding the policy of neutrality was played by the Swedish Prime Minister Olof Palme. It should be noted that Swedish citizens could not participate in a real discussion of the state's policy of neutrality or influence its formation. The material of the article can be used to study the history of Swedish relations with the Western countries, the USA and the USSR in 1940–1970.

Keywords: Swedish policy of neutrality; double standards; NATO; foreign policy; Olof Palme; de facto permanent neutrality

Citation: S.S. Gulyakin, Sweden's double neutrality in 1940–1970, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 9 (1) (2018) 45–53. DOI: 10.18721/JHSS.9105

Введение

Одной из форм внешнеполитической стратегии государств считается институт нейтралитета. Казалось бы, его потенциал должен быть исчерпан ввиду того, что ни одна страна в мире не может находиться в стороне от большого числа международных конфликтов. Однако политика нейтралитета доказала свою жизнеспособность, и примером тому может служить политика Швеции.

Следует отметить, что нет ни одного документа, где было бы зафиксировано положение о нейтралитете Швеции. Нейтралитет этого государства основан только на одностороннем волеизъявлении самой Швеции, он не записан в Конституции Швеции и не закреплен в каких-либо других нормативных документах. Нейтралитет этой страны нельзя считать постоянным в полном смысле этого слова, как, например, нейтралитет Швейцарии, но Й. Кёпфер утверждает, что если рассматривать нейтралитет Швеции с точки зрения длительности неучастия ее в войнах, то он очень приближен к швейцарскому. А профессор Х. Эк добавляет, что, «даже не будучи постоянно нейтральным государством, Швеция проводит такой внешнеполитический курс, который практически не отличается от политики нейтралитета Швейцарии» [Цит. по: 1]. Следует признать, что шведы не идеализируют внешнеполитический курс своего государства и называют его «фактически постоянным» нейтралитетом.

Рассматривая шведский нейтралитет, нельзя не остановиться на таком вопросе, как двусторонние отношения Швеции с великими державами – США, СССР, Германией. Являясь малым государством, Швеция благодаря искусной политике своих дипломатов смогла урегулировать и выработать равноценные отношения как с лидерами Версальской системы, так и с ее аутсайдерами [2, 3].

Стоит уделить особое внимание шведско-германским отношениям в период Второй мировой войны. Г. Раушнинг и Э. Карш в своих работах [4, 5] рассматривают лояльность Швеции к фашистской Германии как средство, давшее возможность не принимать участия в войне, и в то же время как альтернативу шведскому нейтралитету. Избегая шаблонности в трактовках шведского нейтралитета, можно выявить его действительные свойства.

Благодаря своевременному решению правительства Швеции по вопросам обороны и бе-

зопасности государства нейтралитет, защищенный военной техникой и армией, стал, в свою очередь, защитой и от большинства европейских держав. Эту проблему рассматривает В. Агрелл в книге «Мир и страх. История шведской политики безопасности 1918–2000 гг.» [6].

Однако представление о понятии «шведский нейтралитет» было бы неполным без рассмотрения шведско-американских [7–9] и шведско-советских отношений [10] того периода. Малая страна сумела удачно выстроить взаимоотношения с великими державами, шведские политики воплотили в жизнь стратегию политического балансирования и лавирования как одно из действенных средств сохранения нейтралитета [11].

Для изучения шведской политики нейтралитета важна речь Улофа Пальме на конференции по безопасности в Стурлиене. Поддерживая эту политику, Пальме уже весной 1948 г. разъяснял, что «необходимо смотреть, останется ли строгий нейтралитет, основанный, скажем, на идеалистической вере в единый мир, по-прежнему возможным?» [12]. Этим вопросом он охватывает ряд дилемм, которые характеризуют шведскую внешнюю политику того времени, например как политика нейтралитета будет сочетаться с идеями и ценностями в политизированном мире?

Позднее в своих мемуарах Т. Эрландер напишет: «Пальме пришлось рассмотреть несколько точек зрения: было ли разумным и нравственно оправданным оставаться нейтральным во время холодной войны; была ли внешняя политика Швеции действительно нейтральной или, по крайней мере, политикой неприсоединения (свободной от альянсов); являлась ли активная внешняя политика, которая с середины 1960-х гг. была тесно связана с именем Пальме, совместимой с политикой нейтралитета? [13, 14].

Нужно отметить, что в мемуарах Эрландера выражено особое видение действительности, обусловленное преимущественно его партийной принадлежностью и государственными постами, которые он занимал.

В 1997 г. в Стокгольме У. Бьерельд опубликовал свою книгу [15], в которой рассказывается о лидере шведских консерваторов Я. Яльмарсоне, поставившем под сомнение политику шведского нейтралитета как таковую.

Значительным вкладом в изучение политики шведского нейтралитета в зарубежной историографии стала монография Ф. Браконьера [1], где подробно рассматривается нейтралитет Швеции в период от наполеоновских войн до создания Европейского сообщества.

В то же время можно констатировать, что в отечественной историографии практически отсутствуют работы, посвященные исследованию шведской политики нейтралитета.

Постановка проблемы и цели исследования

Изучение нейтралитета Швеции как одной из форм разрешения конфликтов очень актуально в условиях современного мира. Целью данного исследования является анализ зарубежных и российских источников, связанных с историей шведского нейтралитета.

Методология

Методологическую основу исследования составляет принцип научной объективности при работе с опубликованными российскими и зарубежными источниками. Использование сравнительно-исторического, формально-логического и структурно-функционального методов позволит нам систематизировать материалы, определить, была ли шведская политика нейтралитета в рассматриваемый период политикой двойных стандартов.

Результаты исследования

Нейтралитет Швеции является важной частью шведского самосознания, так как страна не находилась в состоянии войны с другой нацией с 1814 г. Однако накануне Второй мировой войны шведский нейтралитет оказался под угрозой. В гитлеровской идеологии не существовало такого понятия, как «нейтралитет страны». Немцами был разработан план захвата шведской территории под названием «Полярная лиса». «Я выкую стальное ядро новой империи, которая будет нерушимой... Не будет больше нейтралов. Судьба нейтральных стран – стать спутниками великих держав», – утверждал Гитлер [11, с. 62]. Захват Швеции оставался только вопросом времени. Фюрер считал, что шведы не смогут отстоять свою территорию из-за слишком слабой армии, «как не решились в 1905 г., когда от них отделилась Норвегия» [4, с. 113]. Как только стали известны намерения нацисткой Германии,

шведы увеличили численность своей армии с 85 до 400 тыс. человек [5, с. 66]. Шведские военные были делегированы в Берлин, чтобы довести до сведения Гитлера свою позицию: шведы будут защищать свою территорию от немецких захватчиков ценой своих жизней.

Однако имеются аргументы не в пользу нейтральности Швеции. Например, во время Второй мировой войны нейтральность этой страны по отношению к Германии была гораздо более «дружественной» (по признанию самого шведского правительства), чем по отношению к союзникам. Во время войны Швеция, по собственной воле или вынуждено, под давлением Германии, несколько раз отклонялась от строгого нейтралитета. В то же время можно найти много подтверждений того, что в стране имелись влиятельные течения, которые хотели видеть Швецию гораздо более активной, т. е. менее нейтральной. Но после войны было достигнуто политическое соглашение: Швеция должна придерживаться в основе нейтральной позиции. Страна не будет вступать в какой-либо военный союз, а если вспыхнет новая война – останется нейтральной. В послевоенный период это направление имело широкую поддержку среди населения. Только небольшие группы, и прежде всего буржуазные газеты, особенно «Дагенс Нюхетер» (DagensNyheter), с 1949 г. открыто выступали за присоединение к военному блоку западных держав – НАТО [6, с. 90].

Теперь перед социал-демократическим правительством стояла задача рассмотреть новые формы организованного военного сотрудничества. В 1948 г. Швеция взяла на себя инициативу договориться о совместном оборонном союзе с Данией и Норвегией. Однако это предложение провалилось, так как Норвегия стремилась к более налаженному сотрудничеству с США. Главный аргумент Норвегии против военного сотрудничества трех стран состоял в том, что американцы угрожали прекратить экспорт вооружений в нейтральный Северный оборонительный союз (Nordisk försvarsförbund) [13, с. 319].

Швеция по-прежнему придерживалась внеблоковой линии. Чтобы оставаться и далее на этой позиции, необходимо было укрепить оборону страны, благодаря чему она в послевоенный период развилась бы в региональную военную державу. Следует отметить, что США, СССР и Израиль тратили на оборону своих стран больше всех в мире. Однако ВВС Швеции считались в то время одними из самых сильных. Другие военно-политические решения могли быть проведены в Швеции только при партийном единстве. Шведские социал-демократы в тот период отличались лояльностью к вопросам укрепления обороноспособности страны. Утверждение, что сильная оборона страны является ключом к шведскому нейтралитету, нашло поддержку у значительных групп в рабочем движении, которое традиционно симпатизировало пацифизму и разоружению. К таким группам среди социал-демократов принадлежало и руководство Социал-демократического молодежного союза Швеции, и не в последнюю очередь У. Пальме[1].

Улоф Пальме неоднократно высказывался о происхождении и целях шведской политики нейтралитета. «В основе нашей внешней политики мы выбрали свободу от альянсов в мирное время и нейтралитет в войне», – резюмировал он в своей первой речи о военной политике безопасности в качестве премьер-министра. «Она выражает нашу линию поведения в двух различных режимах: когда преобладает мир и когда разразится война в нашем окружении. Мы не присоединимся к военному альянсу. Мы стоим вне альянсов уже в мирное время, чтобы в военное сделать наш нейтралитет достоверным. Политика нейтралитета... позволила нам сохранить наш мир» [12]. В действительности шведская политика нейтралитета была с самого начала более сложной.

Не вызывает сомнений, что Швеция симпатизировала западным державам. Это относится к политической элите и, конечно, к бизнес-сообществу, не говоря уже о военных. Шведская социал-демократия была ориентирована на Запад, а профсоюзное движение играло центральную роль в прозападном свободном профсоюзном интернационале (Fria fackföreningsinternationalen), который не только прилагал усилия для распространения профсоюзов в третьем мире, но также играл важную роль в борьбе против коммунистического влияния [2, с. 275]. Для Пальме не было проблемой вести свою профессиональную

[1] SSU:s arkiv ARAB. SSU förbundsstyrelse. 30.05.1960.

деятельность во время холодной войны и симпатизировать социал-демократии. Разве не разумно думать, что эти убеждения отразились на его практической деятельности в поляризованном мире холодной войны?

Это было именно так. Отношения между Швецией и западным блоком были не только вопросом идеологической близости или сотрудничества в международных органах или организациях. У шведского правительства имелись экономические причины для тесного торгово-политического сотрудничества с Западом. И уже в конце 1940-х гг. сотрудничество превратилось в тесное взаимодействие в нескольких военных областях, в частности в разведывательной деятельности [2, с. 116].

Для поддержания своей надежной обороны Швеции необходимо было импортировать современное и технически превосходящее оружие из США и Великобритании. Первоначально американцы настаивали, чтобы Швеция сначала вступила в НАТО, как это уже сделала Норвегия. Вскоре данное мнение изменилось, и обмен телеграммами между Вашингтоном и американским посольством в Стокгольме в 1950 г. отражает это. Американский посол в Швеции Мэтьюз (Matthews) противился ее желанию закупить передовые американские радары и считал, что нужно вести более жесткую политику по отношению к этой стране. «Они получат преимущества без обязательств, – говорил он. – Нельзя позволить им купить радары».

Государственный секретарь США Д. Ачесон, один из создателей НАТО, настоял на новой линии поведения. Он считал, что было бы неправильно подталкивать Швецию к членству в НАТО, для этого не хватит поддержки народа. По его мнению, шведы должны быть хорошо вооружены и дружественно настроены по отношению к Западу [7, с. 86]. Американцы считали, что чем сильнее Швеция в военном отношении, тем сильнее северный военный блок НАТО. Несмотря на заявления шведов о своем неприсоединении к альянсам, американцы не сомневались в том, на чьей стороне будет Швеция в случае войны.

Именно поэтому США гарантировали Швеции возможность покупки военной техники, и важной частью сделки было именно приобретение радиолокационного оборудования [2, с. 129]. Требование ответных действий поступило незамедлительно. Швеция приняла участие в комплексном эмбарго в отношении Восточного блока: она согласилась участвовать в экономической войне и обязалась не экспортировать стратегические товары в Советский Союз и его союзникам. На переговорах, где Швецию представлял будущий генеральный секретарь Д. Хаммаршёльд, было дано обещание США продолжить торговую политику в том же духе как союзники НАТО [6, с. 150].

Еще одним важным направлением сотрудничества с Соединенными Штатами была разведывательная деятельность.

Утром 13 июня 1952 г. из аэропорта Стокгольм-Бромма (Bromma) в воздух поднялся самолет «Дуглас» DC-3a и лег на курс к Балтийскому морю. Кроме обычной команды на борту было пять человек из радиоразведки (Радиотехнические войска, FRA Försvarets radioanstalt). Самолет принял участие в сверхсекретной разведывательной операции и не вернулся. Он был сбит русским истребителем где-то над Балтийским морем. (В 2003 г. были найдены обломки этого самолета в восточной части шведского острова Готска-Сандён. Никто из пассажиров не выжил.) Три дня спустя русскими был сбит шведский самолет «Каталина» (Catalina), который занимался поисками пропавшего DC-3a. На этот раз экипаж был спасен. Это стало одним из самых заметных событий холодной войны. Следует отметить, что Швеция всегда выступала против уничтожения самолетов, в том числе и в ООН, но в данном случае она воздержалась от выдвижения этого вопроса на рассмотрение на международном уровне, поскольку шведы предприняли радиоэлектронную разведку именно в отношении Советского Союза. Вскоре выяснилось, что она осуществлялась в тесном сотрудничестве с западными державами и оборудование в основном шло оттуда. На самом деле разведывательная операция была только рутинной частью обширного сотрудничества между шведской разведкой и разведками США, Великобритании и Скандинавских стран. Запланированное перевооружение касалось не только оружия и техники Швеции, но главным образом службы разведки. США поставляли в Швецию современные радиоэлектронные разведывательные устройства. Радиотехнические войска были значительно переоснащены, военная разведка реорганизо-

вана, например были созданы так называемые Т-конторы. С западными партнерами были налажены хорошие отношения. Обмен информацией проходил по многим каналам. «Когда я начинал с Т-конторы, я не знал, сколько связей уже было между Швецией и Вашингтоном», – писал глава конторы Т. Пальм (T. Palm) в своих мемуарах [8, с. 80].

Материальные закупки и обмен информацией с другими государствами стали для Швеции важной частью сотрудничества с Западом. Всё это, казалось, не могло сочетаться с военной политикой неприсоединения, если только это не происходило в основном с военным блоком. Более сложный вариант предусматривал расширение сотрудничества в случае войны. Именно такие отношения поддерживались между Швецией и странами – членами НАТО. Шведские военные взлетно-посадочные полосы были расширены для возможного использования самолетов-бомбардировщиков с Запада, осуществлялись совместные вылеты с датскими и норвежскими военно-воздушными силами НАТО. Безопасные маршруты снабжения и связи со скандинавскими соседями, которые могли при необходимости использоваться во время войны, были восстановлены. Установились контакты между шведским военным руководством и руководством НАТО. В 1960-х гг. зашифрованные тексты передавались по каналу между Стокгольмом и американской штаб-квартирой в Висбадене [2, с. 161]. Шведская сторона рассматривает часть этой деятельности как логическое продолжение политики нейтралитета. Учитывая непростую международную обстановку и стратегическое положение Швеции между Востоком и Западом, нельзя было знать заранее, станут ли уважать шведский нейтралитет, и в этой ситуации был необходим запасной план, чтобы защитить страну.

А как к этому относились США? В 1960 г., во время президентства Д. Эйзенхауэра, отношение к ситуации в области безопасности в Скандинавии для Швеции рассматривалось так же, как и для Норвегии и Дании. Можно констатировать, что эти три страны идеологически находились на стороне Запада, и отметить, что Скандинавия имела стратегическую важность для северного фланга НАТО. Американцы заявили, что, если Советский Союз нападет на Швецию, США «будут готовы прийти как часть НАТО или ООН в ответ на агрессию» [9, с. 161]. Хотя нет никаких доказательств, что эта информация была напрямую передана шведам, нет и никаких сомнений в том, что участвующие стороны имели такую же точку зрения. Думал ли кто-нибудь всерьез, что Швеция в случае войны стала бы сбивать американские самолеты, направлявшиеся в сторону СССР, когда было задействовано столько ресурсов для адаптации шведских аэропортов для западных бомбардировщиков?

В Советском Союзе очень хорошо понимали, что представляло собой шведское сотрудничество с Западом. Не последнюю роль в этом сыграл полковник ВВС Швеции и шпион С. Веннерстрём (S. Wennerström), который был хорошо информирован о разведывательных полетах самолетов НАТО над шведской территорией. Благодаря своей должности в армии он мог проследить большую часть сотрудничества между Швецией и Западом и сообщить данную информацию русской разведке [10, с. 215].

Был ли это провал шведской политики нейтралитета? Было ли неверным высказывание У. Пальме, который в 1970 г. утверждал, что политика нейтралитета позволит Швеции сохранить мир? На эти вопросы ответа у политиков нет. Холодная война никогда не перерастала в горячую. Мы не знаем, соблюдался ли бы нейтралитет Швеции, ухудшила ли бы ситуацию в мире двойная шведская игра, если бы Советский Союз уверенно рассматривал Швецию как тайного 17-го члена НАТО.

Рассмотрим внутриполитические последствия политики нейтралитета Швеции. В ходе общих дебатов была поставлена основная цель: приложить все усилия, чтобы Швеция не принимала участия в грядущей войне и не присоединилась к какому-либо из альянсов. Только незначительные буржуазные группы утверждали, что Швеции необходимо вступить в НАТО. Однако существовала и другая, «страховая часть» политики, которая была основана на сотрудничестве с западными державами. И эта часть политики должна была оставаться тайной, иначе как тогда СССР будет уважать шведский нейтралитет? Это создало демократическую дилемму. Рядовые граждане не могли быть в курсе полного содержания одного из самых важных современных политических вопросов – перспектив безопасности страны в течение неопределенного вре-

мени холодной войны. Еще меньше они могли участвовать в реальном обсуждении политики или влиять на ее формирование.

Однако то, что должно было быть тайным в большей степени, не было таким. СССР и США имели детальную информацию о шведском сотрудничестве с Западом. И даже в Швеции это не было секретом: каждый, кто проходил службу в шведской армии, знал, что Феминистская инициатива (ФИ, Feministiskt initiativ, Fi) пришла с Востока, а помощь – с Запада. Всё шведское военное планирование было направлено против одного врага.

Группа людей, подробно проинформированных о сотрудничестве Швеции с Западом, была очень ограниченна. Кроме ведущих военных в нее входили только несколько членов правительства, и прежде всего министр обороны С. Андерссон и министр иностранных дел Т. Нильссон. В то же время премьер-министру Т. Эрландеру также следовало хорошо разбираться в этом. Ряд членов правительства, иногда среди них был и С. Веннерстрём, разоблаченный лишь в 1963 г., получали доклады о совместной с Западом подготовке к войне [2, с. 182]. В эту группу входил и У. Пальме, но есть основания полагать, что Эрландер уже ранее держал его в известности по поводу аспектов сотрудничества с Западом [3, с. 43].

Гораздо шире была группа политиков, которые хорошо разбирались в основах сотрудничества с Западом. Ведущие оппозиционные политики, и в том числе члены министерства иностранных дел, получали текущую информацию о нем [Там же. С. 106]. Буржуазные политики также нередко имели собственные контакты с военными.

Во время холодной войны нужно было поддерживать единый фронт. Немногие хотели рисковать и ставить под сомнение официальную версию. Резкое осуждение высказывалось в отношении тех, кто выступал за третий путь – между Востоком и Западом. Однако к концу десятилетия общественная дискуссия почти затихла. В то же время одной из важных тем оставался собственный поиск «зловещей логики» холодной войны. Угроза атомных бомбардировок спровоцировала неоднозначную реакцию на поляризованную картину мира 1950-х гг. Но что интересно, пришел первый вызов политике нейтралитета с правого фланга.

В середине лета 1959 г. лидер шведских консерваторов Я. Яльмарсон (J. Hjalmarson) произносил речь в концертном зале Стокгольма по случаю запланированного государственного визита Н.С. Хрущёва. В частности, он сказал: «Визит Хрущёва будет неудачным и унизительным спектаклем пропаганды, где мы словами, которые не будут соответствовать нашим чувствам, будем приветствовать представителя бесчеловечной политической системы, главного организатора военной угрозы».

Встреча стала кульминацией длительного периода протеста против посещения Швеции советским лидером и против продления политики, которая воспринималась как политика уступок по отношению к социалистическому строю и коммунистическому соседу. Через два дня после речи Яльмарсона пришла ошеломляющая новость: Хрущёв отменил свой визит, что, конечно, стало шагом назад для шведского правительства. Политика нейтралитета требовала хороших дипломатических отношений с соседом на Востоке. Неделей позднее Яльмарсон был смещен правительством с поста, который он ранее занимал в шведской делегации ООН, и закрытие дела этого политика стало фактом.

Причиной смещения Яльмарсона было то, что он нарушил внешнеполитический консенсус, к которому стремилось правительство, «в отдельных случаях делал резкие выпады по отношению к шведской внешней политике», а также принимал участие в демонстрациях против визита русских [15, с. 106]. Впервые открыто были проведены обсуждения политики нейтралитета Швеции на высоком партийно-политическом уровне. Плохо было то, что Яльмарсон уже неоднократно заявлял, что Швеция сотрудничает с Западом. Судя по дневникам Т. Эрландера, он угрожал на парламентских дебатах, что будет открыто говорить об этом.

Такой неприкрытой шведская политика нейтралитета еще никогда не была. Для правительства тогда было очень важно разработать новую внешнюю политику. Министр иностранных дел Б.Э. Унден (B.Ö. Undén) сделал доклад, в котором изложил основные направления этой политики: внешний мир должен иметь возможность полагаться на шведскую политику нейтралитета; Швеция будет оказывать сопротивление любому агрессору и противиться нарушению нейтралитета страны.

И главное: «Подготовку и обсуждение военного сотрудничества с членами крупного альянса великих держав необходимо полностью исключить, если мы хотим сохранить доверие к нашей внешней политике и политике в области обороны». Комиссия по политике нейтралитета, в частности, указывала, что последнее предложение не согласуется с реальным положением дел, где инсинуации Яльмарсона кажутся более правдивыми. Однако социал-демократическое правительство решило придерживаться данного плана. В мемуарах Эрландера говорится, что окончательные жесткие формулировки, которые отвечали бы двойному посланию шведской политики нейтралитета, были выведены У. Пальме [14, с. 349].

Ни Пальме, ни любой другой шведский социал-демократ в то время не могли избежать ложных и неполных сведений о содержании шведской политики нейтралитета. Только к концу века картина стала проясняться. Не важно, было ли возможно решить этот вопрос по-другому, СДРПШ и Пальме пришлось платить высокую цену за двойную политику. В ближайшее десятилетие был поставлен вопрос о нейтралитете страны не от прозападной буржуазии, а от левых, внутри и вне партии. Из всей партийной фракции СДРПШ более сведущим в военных делах являлся У. Пальме, посвятивший свою политическую жизнь в основном внутренней безопасности Швеции и разведке.

Заключение

Итак, шведская политика нейтралитета имела двойные стандарты: Швеция была ориентирована на западные страны, при этом категорически не желала участвовать в военных действиях на чьей-либо стороне и в то же время не хотела осложнений в дипломатических отношениях с Советским Союзом. Нейтралитет, как верно подметил шведский премьер-министр У. Пальме, был для Швеции всегда скорее средством, чем идеологией [1, с. 9]. К нему прибегали исключительно в случаях военной угрозы, и, как полагало большинство шведских политиков, этого было вполне достаточно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Braconier F.** Som vi behagar. Svensk neutralitetspolitik från Napoleonkrigen till EG. Göteborg: Timbro, 1989.

2. **Dalsjö R.** Lifeline lost. Stockholm: Santerus Academic Press, 2006.

3. **Ekecrantz S.** Hemlig utrikespolitik. Stockholm: Santerus Academic Press, 2003.

4. **Раушнинг Г.** Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М.: Миф, 1993.

5. **Karsh E.** Neutrality and small states. N. Y.: Routledge, 1988.

6. **Agrell W.** Fred och fruktan. Sveriges säkerhetspolitiska historia 1918–2000. Lund: Historiska Media, 2000.

7. **Silva Ch.** Keep Them Strong, Keep Them Friendly: Swedish-American Relations and the Pax Americana, 1948–1952. Stockholm: Akademitryk AB, 1999.

8. **Palm T.** Några studier kring T-kontorets historia. Kungl. Stockholm: Samfundet för utgivande av handskrifter rörande Skandinaviens historia, 1999.

9. **National** Security Council Report 6006/1. Statement of U.S. policy toward Scandinavia (Denmark, Norway and Sweden). 06.04.1960. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v07p2/d300 (дата обращения: 22.09.2017).

10. **Sundelin A.** Fallet Wennerström. Stockholm: Norstedts, 1999.

11. **Кружков В.А.** Нейтралитет в европейском политическом поле // Междунар. жизнь. 2000. № 6. С. 60–69.

12. **Palme O.** Anförande vid folk och försvars konferens i Storlien. URL: http://www.olofpalme.org/wp-content/dokument/700202a_storlien.pdf (дата обращения: 21.09.2017).

13. **Erlander T.** Dagböcker 1945–1949. Hedemora: Gidlunds förlag, 2001.

14. **Erlander T.** 1955–1960. Stockholm: Tidens förlag, 1976.

15. **Bjereld U.** Hjalmarsonaffären – Ett politiskt drama i tre akter. Stockholm: Santerus Academic Press, 1997.

Гулякин Святослав Сергеевич
E-mail: fortunat.kermak@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 08.11.2017 г.

REFERENCES

[1] F. Braconier, Som vi behagar. Svensk neutralitetspolitik från Napoleonkrigen till EG, Timbro, Göteborg, 1989.

[2] R. Dalsjö, Lifeline lost, Santerus Academic Press, Stockholm, 2006.

[3] S. Ekecrantz, Hemlig utrikespolitik, Santerus Academic Press, Stockholm, 2003.

[4] H. Rauschning, Govorit Gitler. Zver' iz bezdny [Hitler Speaks. Beast from the Abyss], Mif, Moscow, 1993.

[5] E. Karsh, Neutrality and small states, Routledge, New York, 1988.

[6] W. Agrell, Fred och fruktan. Sveriges säkerhetspolitiska historia 1918–2000, Historiska Media, Lund, 2000.

[7] Ch. Silva, Keep Them Strong. Keep Them Friendly: Swedish-American Relations and the Pax Americana, 1948–1952, Akademitryk AB, Stockholm, 1999.

[8] T. Palm, Några studier kring T-kontorets historia. Kungl, Samfundet för utgivande av handskrifter rörande Skandinaviens historia, Stockholm, 1999.

[9] National Security Council Report 6006/1. Statement of U.S. policy toward Scandinavia (Denmark, Norway and Sweden). 06.04.1960. Available at: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60-v07p2/d300 (accessed 22.09.2017).

[10] A. Sundelin, Fallet Wennerström, Norstedts, Stockholm, 1999.

[11] V.A. Kruzhkov, [The neutrality in the European political field], International life, 6 (2000) 60–69.

[12] O. Palme, Anförande vid folk och försvars konferens i Storlien. Available at: http://www.olofpalme.org/wp-content/dokument/700202a_storlien.pdf (accessed 21.09.2017).

[13] T. Erlander, Dagböcker 1945–1949, Gidlunds förlag, Hedemora, 2001.

[14] T. Erlander, 1955–1960, Tidens förlag, Stockholm, 1976.

[15] U. Bjereld, Hjalmarsonaffären – Ett politiskt drama i tre akter, Santerus Academic Press, Stockholm, 1997.

Gulyakin Svyatoslav S.
E-mail: fortunat.kermak@rambler.ru

Received 08.11.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2018

DOI: 10.18721/JHSS.9106
УДК 930

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ В ПЕКИНЕ В РАБОТАХ СЯО ЮЙЦЮ*

Ли Цзинчэн
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

История китайско-российских отношений широко изучается учеными в обеих странах. Одним из важных направлений в исследованиях является изучение истории развития православной церкви в Китае с середины XVIII до начала XX в., так как эта тема тесно связана со многими важными событиями в истории двух стран. Русская духовная миссия в Пекине, созданная в 1715 г., сыграла большую роль в формировании политических и культурных связей между Россией и Китаем. В статье рассмотрены проблемы российской и китайской историографии, связанной с деятельностью миссии в Пекине, в контексте истории культурного обмена между Россией и Китаем. Дан анализ работ и архивных документов по истории Русской православной церкви в Китае, истории Русской духовной миссии в Пекине, опубликованных ведущими специалистами России и Китая. Представлен обзор работ, посвященных этой теме, китайского историка, профессора Нанькайского университета Сяо Юйцю, являющейся крупным ученым в области изучения истории культурного обмена между двумя странами в современном Китае, проанализированы основные выводы, сделанные исследователем. Методологическую основу исследования составляет принцип научной объективности при работе с опубликованными и архивными источниками, использованы также сравнительно-исторический, формально-логический и структурно-функциональный методы.

Ключевые слова: Русская духовная миссия; история православия; историография; Сяо Юйцю; Китай; Россия

Ссылка при цитировании: Ли Цзинчэн. Русская духовная миссия в Пекине в работах Сяо Юйцю // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 1. С. 54–62. DOI: 10.18721/JHSS.9106.

RUSSIAN ECCLESIASTICAL MISSION IN BEIJING IN THE WORKS OF XIAO YUQIU

Li Jingcheng
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The relevance of this paper is due to the need to study the problems of international cooperation and intercultural exchange between Russia and China. The history of Chinese-Russian relations is widely studied by scientists from both countries. One of

* Статья подготовлена при поддержке Китайского стипендиального совета [This article was prepared with support from the China Scholarship Council].

the important directions is the study of history of the Orthodox Church in China from mid 18th to the early 20th century. The interest in this subject is closely linked with many important events in the history of these countries. The Russian Ecclesiastical Mission (REM) in Beijing, created in 1715, played a major role in the history of political and cultural relations between Russia and China. Analysis and synthesis of historical documents, a review of Chinese historiography regarding REM's activities in Beijing are the main objectives of the current study. The article analyzes the studies of REM's history in Beijing in the works of modern Russian and Chinese authors. The article presents an overview of the works dedicated to history of REM in Beijing by Xiao Yuqiu, a Chinese historian, Professor at Nankai University, who is one of the major scholars in the field of studying the history of cultural exchanges between China and Russia in present-day China. Studying the works of this author, we have analyzed the main findings of the articles on specific topics, identified the historical course of the development of REM in Beijing. The article additionally presents the whole bibliography of this author on the REM in Beijing.

Keywords: Russian ecclesiastical mission; history of orthodoxy; historiography; Xiao Yuqiu; China; Russia

Citation: Li Jingcheng, Russian ecclesiastical mission in Beijing in the works of Xiao Yuqiu, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 9 (1) (2018) 54–62. DOI: 10.18721/JHSS.9106

Введение

Русская духовная миссия в Пекине была организована в 1715 г. в соответствии с внутри- и внешнеполитическими интересами и задачами России. Она представляла в Китае не только Русскую православную церковь, но и Русское государство (из-за отсутствия дипломатических отношений между двумя государствами служители миссии длительное время являлись неофициальными представителями российского правительства). Миссия действовала в Пекине в XVII–XX вв., играя важную роль в установлении и поддержании российско-китайских отношений, она стала центром научного изучения Китая (его языка, истории, культуры) и подготовки первых российских синологов.

Постановка проблемы и цели исследования

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью всесторонне изучить проблемы российской и китайской историографии, связанной с деятельностью Русской духовной миссии в Пекине с начала XVIII в. до 1917 г., в контексте истории культурного обмена между Россией и Китаем.

Цель исследования – анализ статей, монографий, архивных документов по истории Русской православной церкви в Китае, истории Русской духовной миссии в Пекине, опубликованных ведущими специалистами России и Китая, обзор работ китайского историка Сяо Юйцю, посвященных деятельности миссии, анализ основных выводов, сделанных исследователем.

Методология

Использование сравнительно-исторического, формально-логического и структурно-функционального методов позволит нам систематизировать выявленную информацию, а также определить основные тенденции и проблемы при изучении китайской историографии в области исследуемой темы.

Результаты исследования

В России в дооктябрьский период изучение деятельности Русской духовной миссии в Пекине практически не велось, оно было сосредоточено в основном в стенах самой миссии [1, с. 1–45, 65–71; 2]. В начале XX в. вышли в свет небольшие работы, посвященные ее деятельности [1, 3].

В советское время изучение религий, и в частности православия, было затруднено. Дея-

тельность миссии, работа ее членов исследовались только в рамках истории русского китаеведения [4–10]. Завершением советского периода в изучении работы миссии можно считать публикацию в 1990 г. фундаментального труда – коллективной монографии «История отечественного востоковедения до середины XIX века» [11], подготовленной Институтом востоковедения АН СССР.

С начала 1990-х гг. начался новый этап в изучении деятельности Русской духовной миссии в Китае. Он носил комплексный и целостный характер [12, 13]. Особо следует отметить кандидатскую диссертацию С.А. Шубиной «Русская православная миссия в Китае (XVIII – начало XX в.)» [14], которая была опубликована в 1998 г. В ней создана обобщенная картина деятельности миссии и проанализирована миссионерская структура православной церкви. В эти же годы выходят работы, посвященные историческим и духовным аспектам присутствия православия в Китае и изданные при поддержке Русской православной церкви [15–17]. Детальное исследование деятельности миссии в Пекине проведено в работах В.Г. Дацышена [18, 19] и С.А. Головина [20].

В Китайской Народной Республике до 1980-х гг. исследования, связанные с религиозными учениями, и в частности с православием, не велись по политическим причинам. В 1980–90-х гг. вышло в свет несколько исследований, посвященных православию в целом и его распространению в Китае. Наибольший интерес представляют фундаментальные монографии известных китайских ученых Чжан Суй [21] и Юэ Фэн [22]. В них подробно изложены история православия, его основные доктрины, рассмотрены взаимоотношения с властью и различными христианскими конфессиями, дан анализ деятельности Русской духовной миссии в Пекине и других регионах Китая.

За последние три десятилетия китайские ученые достигли существенных научных результатов в области изучения деятельности Русской духовной миссии в Пекине. Таких исследователей в Китае относительно немного, но их вклад очень значителен. К числу историков, занимающихся исследованиями в данной области, относится Сяо Юйцю, доктор исторических наук, профессор Исторического института и Научно-исследовательского центра мировой современной истории Нанькайского университета, член Ассоциации по изучению истории СССР и Восточной Европы, член Китайской ассоциации по изучению современной истории мира (при Китайской академии общественных наук).

Сяо Юйцю (*кит.* 肖玉秋) родилась в ноябре 1963 г. в городе Тяньцзинь. В 1989 г. окончила магистратуру исторического факультета в Нанькайском университете (г. Тяньцзинь) по специальности «Мировая история». С того же года она ведет активную преподавательскую деятельность в этом университете.

Одними из главных научных направлений деятельности профессора Сяо Юйцю являются история культурных отношений между Китаем и Россией, российская история, новая и новейшая история мира. Она была научным руководителем проекта Государственного фонда общественных наук «Исследования культурных функций Русской православной миссии в Пекине», участвовала в многочисленных научных проектах Государственного фонда общественных наук, ведущих исследовательских баз гуманитарных и общественных наук министерства образования, Фонда общественных наук города Тяньцзинь.

Профессор Сяо Юйцю читает лекции в Историческом институте Нанькайского университета как по бакалаврским программам (российская история, история китайско-российских отношений) так и по магистерским и аспирантским программам (российская история, история китайско-российских культурных отношений, курс лекций по новой и новейшей истории мира, основам русского языка).

Наиболее важным и фундаментальным исследованием Сяо Юйцю в китайской исторической литературе является опубликованная в 2009 г. монография «Русская духовная миссия и культурные связи между Китаем и Россией в период династии Цин» [23]. Основанный на многочисленных источниках, и в первую очередь на ранее не публиковавшихся архивных материалах, этот труд содержит большое количество сведений не только о религиозной деятельности миссии, но и о проводимых ею научных исследованиях. Особое внимание в нем уделено роли миссии в развитии российско-китайских связей в области образования, медицины и искусства.

Выходу монографии предшествовали статьи Сяо Юйцю о различных сторонах деятельности

Русской духовной миссии в Пекине. Первые ее работы были посвящены русским художникам А.М. Легашёву, К.И. Корсалину, И.И. Чмутову и Л.С. Игореву, оказавшимся в миссии [24, 25]. Исследовав их творчество, автор обратилась к очень важной и сложной теме – культурному обмену между Китаем и Россией [26]. На примере активной деятельности Русской духовной миссии в Пекине в работах дан системный анализ взаимопонимания и развития культурного обмена между двумя странами.

Взаимопонимание между народами невозможно без толерантности, считает Сяо Юйцю [27]. Примером толерантности может служить стремление молодых людей понять язык, культуру, обычаи другой страны. Это положение нашло отражение в статье о первых российских «студентах», приехавших в Пекин в составе миссии [28]. Анализируя их деятельность, Сяо Юйцю показывает и вклад этих людей в развитие российского китаеведения. В другой статье, посвященной российским «студентам», дан перечень их имен и указан род их занятий [29].

Главной задачей, которая стояла перед миссией, было распространение православия среди китайского населения [30]. Исследуя этот вопрос, Сяо Юйцю обращает внимание на активную позицию православной церкви, отмечает ее многостороннюю миссионерскую деятельность [31]. Исследователь детально рассматривает различные периоды этой миссионерской деятельности.

По мнению Сяо Юйцю, в миссионерской деятельности православной церкви в Китае можно выделить несколько этапов. Первый этап (до заключения Тяньцзиньского мирного договора 1858 г.) связан с сочетанием миссионерства с официальным представительством миссии при китайском императорском правлении. Долгие годы Русская духовная миссия в Пекине представляла государственные интересы России и была своеобразным дипломатическим и культурным корпусом [32]. Второй этап приходится на вторую половину XIX в., когда официально были установлены дипломатические отношения между Россией и Китаем. Миссия полностью сосредоточила все свои усилия на миссионерской деятельности [33]. Третий, самый плодотворный этап миссионерской деятельности Русской православной церкви в Китае относится к началу XX в., что во многом определялось мощным экономическим, культурным развитием России [34].

Успех миссионерской деятельности во многом обеспечивался знанием обычаев, культуры, религий и особенно традиций Китая. К таким традициям Сяо Юйцю относит конфуцианство, отмечая, что члены миссии очень серьезно занимались его изучением [35].

Не менее важным направлением в деятельности миссии было распространение литературы, книжный обмен [36]. Обмен русскими и китайскими книгами стал своеобразным символом доверия и культурного взаимопонимания между двумя странами в период Цинской империи [37]. Однако этот культурный обмен не всегда был сбалансированным [38].

Особое внимание Сяо Юйцю уделяет переводу православной литературы на китайский язык, ее адаптации и распространению [39]. Знакомство с православием на родном языке способствовало широкому привлечению китайского населения к этому христианскому учению [40].

После публикации своей фундаментальной монографии [23] Сяо Юйцю продолжила изучение деятельности Русской духовной миссии в Пекине, сосредоточив внимание на более узких, ранее не исследованных темах: к ним можно отнести судьбы учителей, преподававших русский язык для китайского населения [41]; деятельность приставов в миссии [42] и др.

Важным продолжением научных исследований Сяо Юйцю стало дальнейшее изучение миссионерской деятельности. В одной из своих статей [43] она точно подметила, что при подготовке Тяньцзиньского договора остро встал вопрос о миссионерской деятельности. Дискуссии по этому вопросу нашли отражение в статьях договора. Помимо Русской духовной миссии в Китае было очень много представителей других христианских конфессий. Взаимоотношениям между ними посвящена статья «Православные миссионеры России и католические и протестантские миссионеры в Китае до 1917 года» [44].

В конце XIX в. существенно изменилась внешняя политика России на Дальнем Востоке. Это отразилось и на политике государства в отношении Русской духовной миссии [45]. Главное внимание в те годы руководство миссии уделяло вопросам образования и культуры [46]. Большой вклад члены миссии внесли в

изучение китайской медицины, и этот факт не остался без внимания Сяо Юйцю [47].

В 2016 г. профессор Сяо Юйцю выступила на проходившей в Санкт-Петербурге VII Международной научной конференции «Проблемы литератур Дальнего Востока», посвященной 120-летию Мао Дуня, с докладом «Русские студенты в Китае в Цинский период» [48]. Это был большой, обобщающий доклад о молодых людях, оказавшихся в составе Русской духовной миссии.

В последние годы в своих работах Сяо Юйцю исследовала вопросы, связанные с распространением православия в регионе Юнпинфу провинции Чжили (историческая провинция до 1928 г.) [49], историей и судьбой русских маньчжуров в Пекине [50].

Следует отметить и еще одну очень важную особенность научной деятельности Сяо Юйцю – знакомство китайской аудитории с работами русских миссионеров, посвященными истории миссии. Ярким примером тому является перевод ею на китайский язык книги иеромонаха Николая (Адоратского П.С.) «Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования» [51], изданной в Казани в 1887 г. Выход в свет работы Адоратского на китайском языке послужил поводом для написания Сяо Юйцю фундаментальной статьи о его деятельности в миссии и развитии китаеведения в России [52].

Заключение

В работах Сяо Юйцю, являющейся крупным ученым в области изучения истории культурного обмена между Россией и Китаем, дан достаточно скрупулезный анализ деятельности Русской духовной миссии в Пекине. Они позволяют получить наиболее полное представление о работе миссии, освещают ранее неизвестные стороны ее деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Материалы** для истории Российской духовной миссии в Пекине / под ред. [и с предисл.] Н.И. Веселовского. Вып. 1. СПб.: Тип. Главн. упр-ния уделов, 1905. 72 с.

2. **Николай (Адоратский П.С.).** Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования: опыт церк.-истор. исслед. по арх. док. Вып. 1–2. Казань, 1887.

3. **Авраамий.** Краткая история Русской православной миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 году 200-летнего юбилея ее существования. 1-е изд. Пекин: Тип. Успенского мон., 1916. 223 с.

4. **Алексеев В.М.** Наука о Востоке: ст. и док. М., 1982. 535 с.

5. **Бартольд В.В.** История изучения Востока в Европе и России // Соч. В 9 т. Т. IX. Работы по истории востоковедения. М., 1977. С. 197–482.

6. **Скачков П.Е.** Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. 505 с.

7. **Хохлов А.Н.** П.И. Каменский и его труды по истории Китая // Конф. аспирантов и молодых науч. сотр. ИВ АН СССР. М., 1970. С. 139–140.

8. **Хохлов А.Н.** Н.Я. Бичурин и его труды о Монголии и Китае // Вопросы истории. 1978. № 1. С. 55–72.

9. **Хохлов А.Н.** Об источниковедческой базе работ Н.Я. Бичурина о цинском Китае // Народы Азии и Африки. 1978. № 1. С. 129–137.

10. **Тихвинский С.Л.** Выдающийся русский китаевед Н.Я. Бичурин: К 200-летию со дня рождения // Китай и всемирная история. М., 1988. С. 163–182.

11. **История** отечественного востоковедения до середины XIX века: колл. моногр. / П.М. Шаститко, А.А. Вигасин, А.М. Куликова и др. М.: Наука, 1990. 440 с.

12. **Православие** на Дальнем Востоке. 275-летие Русской духовной миссии в Китае: сб. ст. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. 160 с.

13. **История** Российской духовной миссии в Китае: сб. ст. / ред. С.Л. Тихвинский и др.; предисл. С.Л. Тихвинского. М.: Изд-во Св.-Владимирского братства, 1997. 414 с.

14. **Шубина С.А.** Русская православная миссия в Китае (XVIII – начало XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Ярославль: Изд-во Ярославского гос. ун-та, 1998. 533 с.

15. **Поздняев Д.**, свящ. Православие в Китае (1900–1997). М.: Изд-во Св.-Владимирского братства, 1998. 278 с.

16. **Православие** в Китае. М., 2010. 251 с.

17. **Православие** в Китае: сб. матер. выставки / сост. В.В. Селивановский. Благовещенск: Амурская ярмарка, 2013. 65 с.

18. **Дацышен В.Г.** Христианство в Китае: история и современность. М., 2007. 240 с.

19. **Дацышен В.Г.** История Российской духовной миссии в Китае. Гонконг, 2010. 448 с.

20. **Головин С.А.** Российская духовная миссия в Китае: истор. очерк. Благовещенск.: Изд-во БГПУ, 2013. 284 с.

21. 张绥 **[Чжан Суй].** 东正教和东正教在中国 [Православие и православие в Китае]: моногр. Шанхай: Сюэлинь чубаньшэ, 1986. 345 с.

22. 乐峰 **[Юэ Фэн].** 东正教史 [История православия]: моногр. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1999. 366 с.

23. 肖玉秋 **[Сяо Юйцю].** 俄国传教团与清代中俄文化交流 [Русская духовная миссия и культурные связи между Китаем и Россией в период династии Цин]: моногр. Тяньцзинь: Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ, 2009. 310 с.

24. 肖玉秋 **[Сяо Юйцю].** 用丹青描绘中国的19世纪俄国画家 [Русские художники: Китай в живописи в XIX в.] // Рус. литература и искусство. 2002. № 2.

25. 阎国栋 **[Янь Годун],** 肖玉秋 **[Сяо Юйцю].** 第一位来华的俄国职业画家 [Первый профессиональный русский живописец, приехавший в Китай] // Чжунхуа душубао (Кит. еженед. по чтению). 2001. 1 августа.

26. 肖玉秋 **[Сяо Юйцю].** 俄国东正教驻北京传教士团与中俄文化交流 [Русская духовная миссия в Пекине и китайско-русский культурный обмен] // Нанькай сюэбао (Вестн. Ун-та Нанькай). 2002. Доп. вып.

27. 肖玉秋 **[Сяо Юйцю].** 宽容与进取：首届俄国传教士团来华探源 [Толерантность и активность: истоки первой Русской духовной миссии в Китае] // Шицзе цзиньсяньдайши яньцзю (Исслед. новой и соврем. истории мира): сб. 1. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2004.

28. 肖玉秋 **[Сяо Юйцю].** 18世纪俄国来华留学生及其汉学研究 [Приехавшие из России в Китай студенты и их исследования в области китаеведения в XVIII в.] // Ханьсюэ яньцзю (Синол. исслед.): сб. Вып. 7. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2003.

29. 肖玉秋 **[Сяо Юйцю].** 1864年以前的俄国来华留学生 [Студенты, приехавшие из России в Китай до 1864 года] // Лиши даньань (Истор. архив). 2007. № 1.

30. 肖玉秋 **[Сяо Юйцю].** 1715年至20世纪初俄国驻北京传教士团研究 [Исследования Русской духовной миссии в Пекине (1715 – начало XX века)] // Шицзе лиши (Мировая история). 2004. № 5.

31. 肖玉秋 **[Сяо Юйцю].** 《中俄天津条约》签订前俄国东正教驻北京传教士团宗教活动分析 [Изучение миссионерской деятельности Русской духовной миссии в Пекине до заключения китайско-российского Тяньцзиньского договора] // Шицзе цзиньсяньдайши яньцзю (Исслед. новой и новейшей истории мира): сб. Вып. 2. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2005.

32. 肖玉秋 **[Сяо Юйцю].** 试论俄国东正教驻北京传教士团文化与外交活动 [К вопросу о культурной и дипломатической деятельности Русской духовной миссии в Пекине] // Шицзе лиши (Мировая история). 2005. № 6. С. 66–75.

33. 肖玉秋 **[Сяо Юйцю].** 19世纪下半期俄国东正教驻北京传教士团宗教活动分析 [Изучение миссионерской деятельности Русской духовной миссии в Пекине во второй половине XIX века] // Шицзе цзиньсяньдайши яньцзю (Исслед. новой и новейшей истории мира): сб. Вып. 4. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2007.

34. 肖玉秋 **[Сяо Юйцю].** 20世纪初俄国东正教驻北京传教士团宗教活动分析 [Изучение миссионерской деятельности Русской духовной миссии в Пекине в XX веке] // Шицзе цзиньсяньдайши яньцзю (Исслед. новой и новейшей истории мира): сб. Вып. 5. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2008.

35. 肖玉秋 **[Сяо Юйцю].** 俄国东正教驻北京传教士团之儒学研究 [Исследование в области конфуцианства Русской духовной миссии в Пекине] // Ханьсюэ яньцзю (Синол. исслед.): сб. Вып. 8. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2004.

36. 肖玉秋 **[Сяо Юйцю].** 俄国东正教驻北京传教士团与清代中俄图书交流 [Русская духовная миссия в Пекине и китайско-русский книжный обмен в Цинский период] // Цинши яньцзю (Исслед. истории Цина). 2006. № 1.

37. 肖玉秋 **[Сяо Юйцю].** 清道光年间中俄政府互赠图书考略 [Исследование в области взаимных книжных подарков между Китайским и Российским государствами в годы царствования «Даогуан» Цина] // Нанькайсюэбао (Вестн. Ун-та Нанькай). 2006. № 4.

38. 肖玉秋 **[Сяо Юйцю].** 试论清代中俄文化交流的不平衡性 [О несбалансированности китайско-русского культурного обмена в Цинский период] // Шисюэ цзикань (Сб. истор. науч. тр.). 2008. № 4.

39. 肖玉秋 **[Сяо Юйцю].** 俄国驻北京传教士团东正教经书汉译与刊印活动述略 [О переводческой и издательской деятельности Русской духовной миссии в Пекине (издание православной литературы на китайском языке)] // Шицзе цзунцзяо яньцзю (Исслед. мировых религий). 2006. № 1. С. 93–103.

40. 肖玉秋 **[Сяо Юйцю].** 论俄国东正教驻北京传教士团的特殊性 [Об особенностях Русской духовной миссии в Пекине] // Элосы яньцзю (Изучение России). 2008. № 1.

41. 肖玉秋 **[Сяо Юйцю].** 清季俄罗斯文馆延聘俄人教习研究 [Изучение трудоустройства русских учителей в русскую школу в Цинской империи] // Шисюэ юэкань (Ежемес. по истор. наукам). 2008. № 12.

42. 肖玉秋 **[Сяо Юйцю].** 俄国东正教驻北京传教团监护官考略 [Исследование истории приставов Русской духовной миссии в Пекине] // Цинши яньцзю (Исслед. истории Цина). 2010. № 2. С. 125–130.

43. 肖玉秋 **[Сяо Юйцю].** 《中俄天津条约》中关于俄国在华自由传教条款的订立与实施 [Установление и выполнение статей «о свободном миссионерстве» в Тяньцзиньском договоре между Китаем и Россией] // Фуцзянь шифань дасюэ сюэбао (Вестн. Фуцзяньского пед. ун-та). 2010. № 5.

44. 肖玉秋 **[Сяо Юйцю].** 1917年前俄国在华东正教传教士与天主教和新教传教士 [Православные миссионеры России и католические и протестантские миссионеры в Китае до 1917 года] // Шицзе лиши (Мировая история). 2010. № 5. С. 33–41.

45. 肖玉秋 **[Сяо Юйцю].** 1917年前俄国关于驻北京传教团政策的演变 [Изменение политики России в отношении Русской духовной миссии в Пекине до 1917 года] // Нанькай сюэбао (Вестн. Ун-та Нанькай). 2013. № 1. С. 68–78.

46. 肖玉秋 **[Сяо Юйцю].** 1917年前俄国驻北京传教团办学活动研究 [Исследование образовательной деятельности Русской духовной миссии в Пекине до 1917 года] // Цзинань сюэбао (Вестн. Ун-та Цзинань). 2014. № 7. С. 130–137.

47. 肖玉秋 **[Сяо Юйцю].** 17–19世纪俄国人对中医的研究 [Изучение русскими китайской медицины в XVII–XIX вв.] // Шисюэ юэкань (Ежемес. по истор. наукам). 2014. № 3.

48. 肖玉秋 **[Сяо Юйцю].** 清代俄国来华留学生研究 [Русские студенты в Китае в Цинский период] // Матер. VII Междунар. науч. конф. «Проблемы литератур Дальнего Востока», посвященной 120-летию Мао Дуня (Санкт-Петербург, 29 июня – 3 июля 2016 г.). Т. II. СПб.: Студия НП-Принт, 2016. С. 139–148.

49. 肖玉秋 **[Сяо Юйцю].** 东正教在直隶省永平府地区的传播 (1898–1917) [Распространение православия в регионе Юнпинфу провинции Чжили (1898–1917)] // Шицзе цзиньсяньдайши яньцзю (Исслед. новой и новейшей истории мира): сб. Вып. 13 Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2016.

50. 肖玉秋 **[Сяо Юйцю].** 北京俄罗斯旗人的历史与命运 [История и судьба русских маньчжуров в Пекине] // Нанькай сюэбао (Вестн. Ун-та Нанькай). 2017. № 2.

51. 尼古拉·阿多拉茨基 **[(Адоратский) Николай].** 东正教在华两百年史 [Двухсотлетняя история православия в Китае] // пер. с русск. 阎国栋 [Янь Годун], 肖玉秋 [Сяо Юйцю]. Гуанчжоу: Гуандун жэньминь чубаньшэ, 2007. 320 с.

52. 肖玉秋 [Сяо Юйцю]. 阿多拉茨基及其《东正教在华两百年史》 [Адоратский и его «Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования»] // Ханьсюэ яньцзю (Китаеведение). Т. 11. Пекин: Сюэюань чубаньшэ, 2008.

Ли Цзинчэн
E-mail: lijc@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 12.02.2018 г.

REFERENCES

[1] Materialy dlya istorii Rossiyskoy dukhovnoy missii v Pekine [Materials for the history of the Russian ecclesiastical mission in Beijing], of vol. 1, St. Petersburg, 1905.

[2] Nikolay (Adoratskiy P.S.), Pravoslavnaya missiya v Kitae za 200 let eye sushchestvovaniya: opyt tserkovno-istoricheskogo issledovaniya po arkhivnym dokumentam [Orthodox Mission in China for 200 years of her existence: The experience of church-historical research on archival documents], of vol. 1–2, Kazan, 1887.

[3] Avraamiy, Kratkaya istoriya Russkoy pravoslavnoy missii v Kitae, sostavlennaya po sluchayu ispolnivshegosya v 1913 godu dvukhsotletnego yubileya ee sushchestvovaniya [A brief history of the Russian Orthodox mission in China, composed on the occasion fulfilled in 1913 bicentennial anniversary of its existence], Beijing, 1916.

[4] V.M. Alekseev, Nauka o Vostoke [The science of the East: Articles and documents], Moscow, 1982.

[5] V.V. Bartol'd, Istoriya izucheniya Vostoka v Evrope i Rossii [History of studying of the East in Europe and Russia], in: Sochineniya, in 9 vol., of vol. IX: Raboty po istorii vostokovedeniya [Works on the history of Oriental studies], Moscow, 1977, pp. 197–482.

[6] P.E. Skachkov, Ocherki istorii russkogo kitaevedeniya [Sketches of history of Russian Sinology], Moscow, 1977.

[7] A.N. Khokhlov, P.I. Kamenskiy i ego trudy po istorii Kitaya [P.I. Kamensky and his writings on the history of China], in: Konferentsiya aspirantov i molodykh nauchnykh sotrudnikov Instituta vostokovedeniya AN SSSR [Conference of students and young scientific workers of the IOS of AS of USSR], Moscow, 1970, pp. 139–140.

[8] A.N. Khokhlov, N.Ya. Bichurin i ego trudy o Mongolii i Kitae [N.Ya. Bichurin and his works about Mongolia and China], Voprosy istorii [Questions of history], 1 (1978) 55–72.

[9] A.N. Khokhlov, Ob istochnikovedcheskoy baze rabot N.Ya. Bichurina o tsinskom Kitae [About the source database of the works of N.I. Bichurina about Qing China], Narody Azii i Afriki [Peoples of Asia and Africa], 1 (1978) 129–137.

[10] S.L. Tikhvinskiy, Vydayushchiysya russkiy kitaeved N.Ya. Bichurin: K 200-letiyu so dnya rozhdeniya [An Outstanding Russian sinologist N.Ya. Bichurin: To the 200-th anniversary from birthday], in: Kitay i vsemirnaya istoriya [China and world history]. Moscow, 1988, pp. 163–182.

[11] Istoriya otechestvennogo vostokovedeniya do serediny XIX veka [The history of Russian Oriental studies until the mid-nineteenth century], collective monogr., Nauka, Moscow, 1990.

[12] Pravoslavie na Dal'nem Vostoke. 275-letie russkoy dukhovnoy missii v Kitae [Orthodoxy in the far East. 275-anniversary of Russian spiritual mission in China], collection of papers, Andreev i synov'ya, St. Petersburg, 1993.

[13] Istoriya Rossiyskoy dukhovnoy missii v Kitae [History of the Russian spiritual mission in China], collection of papers, Svyato-Vladimirskoe bratstvo Publ., Moscow, 1997.

[14] S.A. Shubina, Russkaya pravoslavnaya missiya v Kitae (XVIII – nachalo XX v.) [Russian Orthodox mission in China (XVIII – beginning of XX century)], cand. diss., Yaroslavskiy gosudarstvennyy univ. Publ., Yaroslavl', 1998.

[15] D. Pozdnyaev, svyashchennik, Pravoslavie v Kitae: (1900–1997) [Orthodoxy in China: (1900–1997)], Svyato-Vladimirskoe bratstvo Publ., Moscow, 1998.

[16] Pravoslavie v Kitae [Orthodoxy in China], Moscow, 2010.

[17] Pravoslavie v Kitae [Orthodoxy in China], collected materials for exhibition, Amurskaya yarmarka, Blagoveshchensk, 2013.

[18] V.G. Datsyshen, Khristianstvo v Kitae: istoriya i sovremennost' [Christianity in China: history and modernity], Moscow, 2007.

[19] V.G. Datsyshen, Istoriya Rossiiskoy dukhovnoy missii v Kitae [History of the Russian Spiritual Mission in China], Hong Kong, 2010.

[20] S.A. Golovin, Rossiyskaya dukhovnaya missiya v Kitae [Russian spiritual mission in China: a historical sketch], BGPU Publ., Blagoveshchensk, 2013.

[21] Zhang Sui, [Orthodoxy and Orthodoxy in China], Xuelin chubanshe, Shanghai, 1986.

[22] Yue Feng, [History of Orthodoxy], Zhongguo shehui kexue chubanshe, Beijing, 1999.

[23] Xiao Yuqiu, [Russian ecclesiastical mission and Sino-Russian cultural exchanges in Qing dynasty], Tianjin renmin chubanshe, Tianjin, 2009.

[24] Xiao Yuqiu, [Russian artists, who explained China by paintings in 19th century], Eluosi wenyi, 2 (2002).

[25] Yan Guodong, Xiao Yuqiu, [The first Russian professional painter in China], Zhonghua dushubao, 2001-08-01.

[26] Xiao Yuqiu, [Russian ecclesiastical mission in Beijing and Sino-Russian cultural exchanges], Nankai xuebao, extra version (2002).

[27] Xiao Yuqiu, [Tolerance and progress: the sources of first Russian ecclesiastical mission to China], Shijie jinxiandaishi yanjiu, vol. 1, Zhongguo shehui kexue chubanshe, Beijing, 2004.

[28] Xiao Yuqiu, [Russian students in China and its' sinological studies in 18th century], Hanxue yanjiu, vol. 7, Zhonghua shuju, Beijing, 2003.

[29] Xiao Yuqiu, [Russian students in China before 1864], Lishi dangan, 1 (2007).

[30] Xiao Yuqiu, [Russian ecclesiastical mission in Beijing from 1715 to early 20th century], Shijie lishi, 5 (2004).

[31] Xiao Yuqiu, [Analysis of religious activity of Russian ecclesiastical mission in Beijing before signing of Treaty of Tianjin], Shijie jinxiandaishi yanjiu, vol. 2, Zhongguo shehui kexue chubanshe, Beijing, 2005.

[32] Xiao Yuqiu, [On the cultural and diplomatic activities of Russian ecclesiastical mission in Beijing], Shijie lishi, 6 (2005) 66–75.

[33] Xiao Yuqiu, [Analysis of religious activity of Russian ecclesiastical mission in Beijing in second half of 19th century], Shijie jinxiandaishi yanjiu, vol. 4, Zhongguo shehui kexue chubanshe, Beijing, 2007.

[34] Xiao Yuqiu, [Analysis of religious activity of Russian ecclesiastical mission in Beijing in early 20th century], Shijie jinxiandaishi yanjiu, vol. 5, Zhongguo shehui kexue chubanshe, Beijing, 2008.

[35] Xiao Yuqiu, [Confucius studies of Russian ecclesiastical mission in Beijing. Hanxue yanjiu], vol. 8, Zhonghua shuju, Beijing, 2004.

[36] Xiao Yuqiu, [Russian ecclesiastical mission in Beijing and Sino-Russian books exchanges], Qingshi yanjiu, 1 (2006).

[37] Xiao Yuqiu, [Analysis on books exchange as gifts between China and Russia governments during Daoguang of Qing dynasty], Nankai xuebao, 4 (2006).

[38] Xiao Yuqiu, [About the imbalance of Sino-Russian cultural exchange in the Qing period], Shixue jikan, 4 (2008).

[39] Xiao Yuqiu, [About the translation and publication of Orthodox literature to Chinese language of the Russian ecclesiastical mission in Beijing], Shijie zongjiao yanjiu, 1 (2006) 93–103.

[40] Xiao Yuqiu, [About the features of Russian ecclesiastical mission in Beijing], Eluosi yanjiu, 1 (2008).

[41] Xiao Yuqiu, [A study of the employment of Russian teachers in the Russian school in Qing Empire], Shixue Yuekan, 12 (2008).

[42] Xiao Yuqiu, [A study of officer history of Russian ecclesiastical mission in Beijing], Qingshi yanjiu, 2 (2010) 125–130.

[43] Xiao Yuqiu, [The establishment and implementation of the articles "on the free missionary" in Treaty of Tianjin between China and Russia], Fujian shifan daxue xuebao, 5 (2010).

[44] Xiao Yuqiu, [Orthodox missionaries from Russia and the Catholic, Protestant missionaries in China before 1917], Shijie lishi, 5 (2010) 33–41.

[45] Xiao Yuqiu, [The changes in Russian policy on Russian ecclesiastical mission in Beijing untill 1917], Nankai xuebao, 1 (2013) 68–78.

[46] Xiao Yuqiu, [Analysis on educational activity of Russian ecclesiastical mission in Beijing until 1917], Jinan xuebao, 7 (2014) 130–137.

[47] Xiao Yuqiu, [Studies of Russians on Chinese medicine during 17th – 19th centuries], Shixue yuekan, 3 (2014).

[48] Xiao Yuqiu, [Analysis on Russian students in China], in: Materials of the 7th Intern. scientific conf. "Issues of Far Eastern literatures" for the 120 years of Mao Dun (St. Petersburg, June 29 – July 3, 2016), vol. 2, St. Petersburg, 2016, pp. 139–148.

[49] Xiao Yuqiu, [The spread of Orthodoxy in Yongpingfu region of Zhili province (1898–1917)], Shijie jinxiandaishi yanjiu, vol. 13, Zhongguo shehui kexue chubanshe, Beijing, 2016.

[50] Xiao Yuqiu, [History and fate of Russian Manchus in Beijing], Nankai xuebao, 2 (2017).

[51] (Adoratskiy) Nikolay, transl. by Yan Guodong, Xiao Yuqiu, in: [Bicentennial history of Orthodoxy in China], Guangdong renmin chubanshe, Guangzhou, 2007.

[52] Xiao Yuqiu, [Adoratskii and his "Bicentennial history of Orthodoxy in China"], Hanxue yanjiu, vol. 11, Xueyuan chubanshe, Beijing, 2008.

Li Jingcheng
E-mail: lijc@yandex.ru

Received 12.02.2018.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2018

Философия

Проблемы XXI века

DOI: 10.18721/JHSS.9107
УДК 316.74:004

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И РЕЛИГИЯ: ОТ КОММУНИКАЦИИ К ВИРТУАЛИЗАЦИИ

Д.С. Быльева
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Сегодня очевидно огромное влияние информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) на жизнь общества. Целью статьи является анализ влияния ИКТ на религиозную сферу. Исходя из результатов анализа фактического материала, связанного с использованием ИКТ в этой сфере (это сайты различных религиозных конфессий, приложения для смартфонов, интернет-сервисы, предлагающие услуги в данной сфере), за последние два десятилетия, автор статьи предлагает рассматривать возрастание роли ИКТ в религиозной жизни как однонаправленный динамический процесс, проходящий определенные этапы. Первоначально ИКТ используются религиозными организациями и гражданами для коммуникативной и миссионерской деятельности (так, в конце XX в. в Интернете было создано множество сайтов, форумов, журналов соответствующей тематики). Появление возможности заказать религиозные услуги через Интернет обозначило начало следующего этапа процесса увеличения роли ИКТ в данной сфере (в западных странах заказ молитв в Интернете – это обычная практика, в России же предложения такого рода сегодня ограничены и коммерциализированы). Третий этап процесса возрастания роли ИКТ связан с осуществлением ритуалов при их посредничестве, а последний этап – полная виртуализация религиозной практики, что означает по существу технологически опосредованный контакт с Высшей трансцендентной сущностью, т. е. принципиальное изменение религии как таковой.

Ключевые слова: информационно-коммуникативные технологии; коммуникация; Интернет; религия; онлайн-религия

Ссылка при цитировании: Быльева Д.С. Информационно-коммуникативные технологии и религия: от коммуникации к виртуализации // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 1. С. 63–71. DOI: 10.18721/JHSS.9107

INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES AND RELIGION: FROM COMMUNICATION TO VIRTUALIZATION

D.S. Bylieva
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The increasing role of information and communication technologies in the transformation of society's life is evident in modern world. The goal of this article is to analyze the use of information and communication technologies for religious purposes. Based on analysis of the available data over the past two decades (websites of various religious denominations, smartphone applications, religious Internet services, both in Russia and abroad), the author has proposed to consider the increasing role of information and communication technologies as a unidirectional dynamic process that passes through certain stages. Initially, information and communication technologies are used by religious organizations and citizens for communicative and missionary activities. Many religious sites, forums, magazines, etc., appeared on the Internet in late 20th century. The opportunity to order religious services through the Internet is the next step in the increasing role of information and communication technologies. While ordering prayers on the Internet is common practice in the Western countries, proposals of this kind are currently limited and commercialized in Russia. The next stage in the increasing role of information and communication technologies is related to the implementation of rituals through their mediation, and the final stage is complete virtualization of religious practices, which means a technologically mediated contact with the Supreme Transcendental Entity, that is, a fundamental change in religion.

Keywords: information and communication technologies; communication; religion; the Internet; online religion

Citation: D.S. Bylieva, Information and communication technologies and religion: from communication to virtualization, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 9 (1) (2018) 63–71. DOI: 10.18721/JHSS.9107

Введение

Современный мир не мыслим без технологий, именно они диктуют векторы развития социальных процессов. Как отмечают И.В. Аладышкин и А.С. Сафонова, «мир техники и технологии – это и есть мир человека, его культура как в материальном, так и в духовном измерении» [1, с. 39]. Появляются «деперсонифицированные субъектные взаимодействия в телекоммуникационных системах» [2, с. 132]. Изменение социальной реальности благодаря информационно-коммуникативным технологиям (ИКТ) диктует новые исследовательские задачи. Техника рассматривается не как исторически самовозрастающий логос, но как «поле приложения агональных стратегий, целью которых является господство над социально престижными доменами и, следовательно, возможность определять границы самой социальности, а может быть, и жизни» [3, с. 52]. Если тема информатизации образования сегодня уже неплохо разработана, то другим духовным сферам жизни общества, меняющимся благодаря новым технологиям, подчас не уделяется достаточного внимания.

Проблема влияния ИКТ на религиозную сферу заинтересовала западных ученых в 1990-х гг. Уже в 1996 г. было высказано убеждение, что «онлайн-религия коренным образом изменит религиозную жизнь» [4, с. 64]. Однако до сих пор большинство статей на тему влияния ИКТ на религиозную сферу носят описательный характер. Так, например, исследователь Ф. Омотайо в своей статье описал использование технологий пятидесятнической церковью в Ибадане в Нигерии [5, с. 226–229]. В работе

Л.Б. Радулович и С. Ковач описано представительство сербских монастырей в Фейсбуке [6, с. 140–155].

В работах отечественных исследователей проведена количественная оценка запросов, связанных с буддизмом, в российском Интернете, дана оценка активности форума соответствующей тематики, содержания буддистских сайтов [7, с. 127–129; 8, с. 87–90], рассмотрены сообщения средств массовой информации, связанные с проникновением религии в Интернет [9, с. 179–181]. Существуют исследования, сконцентрированные на отдельных явлениях религиозной жизни в Сети, например на жанре так называемых религиозных «мемов» [10, с. 1502–1518] или влиянии религиозных сообществ в социальных сетях на подростков [11, с. 822–831]. Появляются и статьи, в которых авторы указывают на кардинальные изменения в религиозной сфере, например анализируются «евангелизация киберпространства» [12, с. 77] или нетрадиционные формы религиозного самовыражения (на примере интернет-ислама) [Там же. С. 180].

Постановка проблемы и цели исследования

Накопленный фактический материал, связанный с применением ИКТ в религиозной сфере, требует аналитического осмысления. Рядом исследователей предприняты попытки анализа существующих форм религиозной деятельности в Интернете. Так, К. Хэлланд предложил разделение на религию онлайн (religion online – информационные площадки религиозных организаций, существующих в физическом пространстве) и онлайн-религию (online religion – чисто виртуальные религиозные организации) [13]. Х. Кэмпбелл определила четыре формы религиозной деятельности в Интернете: 1) онлайн-сбор религиозной информации, 2) онлайн-ритуалы и богослужения, 3) онлайн-рекрутирование и миссионерская деятельность и 4) религиозное онлайн-сообщество [14].

Представляется необходимым рассмотреть процесс информатизации религии в динамике, определить принципиальное значение ИКТ в религиозной сфере.

Таким образом, целью исследования является анализ влияния ИКТ на религиозную жизнь, а к его задачам можно отнести: анализ фактического материала, связанного с использованием технологий в религиозной сфере; отслеживание динамики изменения роли ИКТ с течением времени в рассматриваемой сфере; построение схемы происходящих процессов с возможностью экстраполяции в будущее.

Методология

В исследовании применены методы социального анализа (сравнительный, контекстный, содержательный), позволяющие изучить влияние ИКТ на религиозную сферу. Были изучены сайты различных религиозных конфессий, приложения для смартфонов, интернет-сервисы, предлагающие услуги в данной сфере. Произведен сравнительный анализ процесса информатизации религии и других сфер духовной жизни человека.

Результаты исследования

Повсеместное внедрение ИКТ объясняется удобством их использования. Однако расширение области применения технологий постепенно изменяет саму суть существующих социальных практик. Необходимо отметить, что в разных сферах общественной жизни наблюдается схожая динамика процессов информатизации. Анализируя изменения, происходящие в таких сферах, как образование, культура, религия, можно выделить ряд схожих этапов, связанных с изменением роли ИКТ.

На первом этапе вмешательство ИКТ в духовную сферу общества подчас происходит незаметно, так как это налаживание коммуникации через интернет-представительства, что является обычной практикой для любых организаций и групп современного информационного общества. Данный этап пройден практически всеми духовными течениями и важными социальными объектами (музеями, университетами, монастырями, театрами, мечетями и т. д.). В то же время уже на этом этапе в религиозной сфере существовали запреты: некоторые религии пытались запретить всем верующим или их отдельным категориям пользоваться Интернетом. Так, в 2012 г. духовными лидерами сефардов Израиля был наложен запрет на использование Интернета, в 2013 г. Македонская православная церковь запретила священнослужителям пользоваться социальной сетью «Facebook» [9, с. 180]. Осуждение использования Интернета как распространяющего грех характерно

для дискурса многих религиозных лидеров. Однако со временем, с осознанием невозможности полного запрета использования ИКТ, различные религиозные течения стали считать своей целью создание безопасной и полезной для верующих части интернет-пространства, а также привлечение к своей вере новых членов посредством миссионерской деятельности во Всемирной сети.

На втором этапе процесса возрастания роли ИКТ в религиозной сфере стало возможным заказывать различные услуги прямо через Интернет, в то время как осуществление их оставалось за рамками виртуального пространства. Заказ религиозных услуг с помощью ИКТ оправдывался простотой и доступностью, однако вступление во взаимодействие верующего и религиозной организации по поводу заказа молитв создавало перспективы для дальнейшей виртуализации (особенно с учетом невозможности проверить сам факт осуществления услуг заказчиком, что способствовало совершению мошенничества).

Переход на второй этап в России активно начался примерно с 2006 г. Появились сервисы, позволяющие заказывать молитвы на православных и мусульманских сайтах (например, Islam.ru, http://www.imancentre.ru/), сайты, предлагающие написать записку, которая будет распечатана и вложена в Стену Плача в Израиле. В 2014 г. было даже разработано специальное iPhone-приложение «iТребы» для Нижегородского Вознесенского Печерского мужского монастыря, однако вскоре оно было закрыто. В 2015 г. исследователи указывали на наличие на сайте Буддийской традиционной сангхи России онлайн-заказов молебнов (за здравие, выздоровление и долголетие, для обретения материальных благ, успеха в делах, для обретения счастья и спокойствия, за успешную учебу, сдачу экзамена, для отвращения бед и несчастий, для дальней дороги, для поправления особо сложной жизненной ситуации) [7, с. 128].

Однако к 2018 г. в русском сегменте Сети стало уже невозможно заказать мусульманские или буддийские молитвы. Руководством Русской православной церкви было высказано негативное отношение к заказу молитв онлайн. Централизованные христианские сайты, принимавшие заказы на молитвы для осуществления их в разных храмах на территории России, были признаны не имеющими отношения к религиозным организациям и использующимися посредниками в коммерческих интересах.

Таким образом, можно отметить, что в России наблюдается попытка остановить процесс «поглощения» ИКТ религиозной сферы. На Западе этот этап был успешно пройден. Как указывает исследователь Янг, «даже на относительно простых информационных сайтах официальных религиозных сообществ есть возможность интерактива в виде „онлайн-формы для заказа молитвы"» [15, с. 96].

Третий этап процесса возрастания роли ИКТ в религиозной жизни связан с непосредственной реализацией услуг с их помощью. Первоначально необходимость оказывать услуги с помощью технологий для любых сфер оправдывалась невозможностью ряда лиц в силу объективных причин получить услуги традиционным путем. Однако в дальнейшем круг пользователей расширялся, стала возможной реализация услуг при помощи ИКТ в полном объеме, что было продемонстрировано в области образования с развитием массовых открытых дистанционных курсов [16, с. 187–190].

Надо отметить, что большинство официальных религиозных организаций по всему миру сознательно отказываются от предоставления услуг непосредственно в Сети. Принципиальным является следующий вопрос: ИКТ выполняют посреднические функции или Интернет – это та среда, где осуществляется религиозная деятельность (рис. 1)? Потому что даже религиозные организации, которые позволяют совершение религиозных таинств посредством ИКТ, оставляют последним роль посредника, заменяющего физический контакт между верующими и священнослужителями, осуществляющими ритуал. Например, церковь «Фламинго-роуд» (Флорида, США) проводит онлайн-крещения, священник Universal Life Church в России предлагает благословение на брак, а также другие благословения и обряды посредством ИКТ.

Четвертым, завершающим, этапом увеличения влияния ИКТ на религиозную деятельность становится осуществление ритуалов непосредственно в Сети (без человека, проводящего ритуал), т. е. полная виртуализация религии. Очевидно, что в этом случае ритуал технически организован специалистом в области информа-

ционных технологий, который программирует возможные действия пользователя и следующие за ними изменения (как в компьютерной игре). По такому принципу созданы многочисленные часовни (сайты со священными изображениями разных религий, позволяющие виртуально зажигать свечи, ароматизированные палочки, крутить барабан, подносить цветы или фонарики, или буддийские «часовни» с изображениями, звуками и отсчетом времени для медитации). Первый подобный проект в русскоязычном Интернете был осуществлен рекламным агентством «R vision» в 2009 г. – это часовня святителя Николая Чудотворца. Позднее этим же агентством была создана часовня, посвященная индуистскому богу изобилия и покровителю бизнеса Ганешу с головой слона. Сегодня существует масса разных часовен, как платных, так и бесплатных, организованных лицами, не имеющими отношения к официальным религиозным организациям.

Остается главный вопрос: возможно ли взаимодействовать с Богом в информационной среде? Большинство теистических религий признают Бога как духовную, идеальную сущность, способную пребывать везде. С этой точки зрения не может быть препятствий для общения с Богом в нематериальном интернет-пространстве.

Однако именно религиозная сфера оказалась наиболее чувствительной к подмене взаимоотношений человек – человек отношениями человек – «машина». Например, замена лекции преподавателя в аудитории лекцией в записи в целом воспринимается нормально, подчас даже позитивно с аргументацией, что посредственный преподаватель заменяется знаменитым профессором, который может просвещать теперь неограниченную аудиторию.

В области религии ситуация несколько иная. При совершении обряда не столь важно, кто его осуществляет (хотя в некоторых случаях престиж также может иметь значение, например для желающих принять крещение именно у папы Римского). В большинстве религий священнослужитель выступает неким посредником между человеком и Богом. Поэтому включение еще одной промежуточной стадии (ИКТ) создает ощущение присутствия лишнего элемента (рис. 2). Так могут ли ИКТ заменить человека в общении с Богом?

Закономерно, что у тех, кто отрицает существование Бога или воспринимает его абстрактно, возможность замены человека на ИКТ в религиозной сфере не вызывает никаких возражений. Именно поэтому первые религиозные сервисы в Сети созданы людьми, не имеющими отношения ни к каким религиозным организациям. Например, в России в 2014 г. краснодарский программист создал сайт под названием «Е-Батюшка. Сервис онлайн-исповеди», кото-

Рис. 1. Варианты осуществления услуг посредством ИКТ

Fig. 1. Implementation of services by means of information and communication technologies

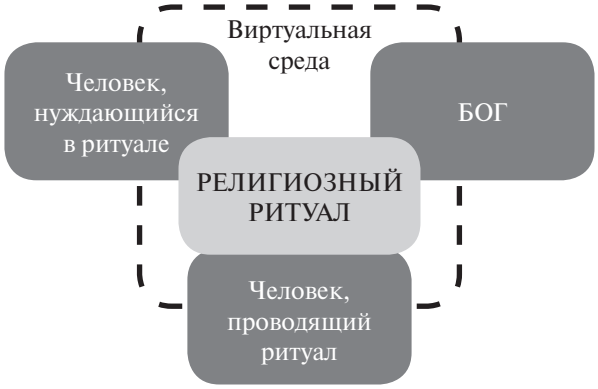


Рис. 2. Религиозный ритуал в виртуальной среде

Fig. 2. Religious ritual in a virtual environment

рым воспользовалось несколько тысяч человек. Ресурс представляет собой две страницы, одна из которых содержит специальную форму для электронной исповеди.

Необходимость обязательного посредства священнослужителя может быть оправдана либо профессионализмом, либо сакральностью. Первый аргумент, являющийся общим для различных сфер жизни человека, легко преодолевается растущим прогрессом информационных технологий, заменяющих человека. Что касается второго аргумента, то в некоторых религиозных течениях (например, в исламе или Ордене Святого Мистического Причастия) осуществлять обряд позволено любому верующему, обладающему достаточными знаниями. Но, допустим, в православном и католическом христианстве священник помимо профессиональных качеств имеет особую благодать, дарованную в специальном таинстве Святым Духом, что позволяет ему проводить обряды, и это должно препятствовать изъятию священнослужителя из цепочки посредников. Но даже и у православных христиан обряд крещения в особых случаях может быть осуществлен мирянином в силу принадлежности его к «царственному священству», т. е. к Церкви [17], что создает возможность для прецедентов.

Во всех духовных сферах замена оказывающего услуги человека на ИКТ требует большей активности, мотивации и силы воли получающего услуги человека, это усовершенствованный и облегченный способ «самообслуживания».

Однако в отличие от других областей, где замена человека на ИКТ приводит к замыканию потребителя на себе (потребитель посредством технологий изменяет собственное настроение, состояние, компетенции и т. п.), в религиозной сфере, напротив, подразумевается, что человек должен перейти к контакту с Высшей трансцендентной сущностью, опосредованному ИКТ. Причем роль самих технологий не совсем ясна, если предположить, что человек может обращаться к Всевышнему без всякого посредства. Несколько лет назад появились специальные приложения для смартфонов, позволяющие упорядочить религиозную жизнь, т. е. аналогично с другими сферами сделать себя более последовательным и просвещенным в области религии. Самыми распространенными являются приложения, облегчающие чтение священных текстов. Они созданы для разных конфессий. Приложение для мусульман сообщает время намаза при помощи азана или в беззвучном режиме, указывает на Киблу, показывает религиозные праздники и посты в календаре, места расположения точек халяльного питания и мечетей, помогает рассчитать закят. Буддистское приложение предлагает расписание хуралов, новости, ежедневные наставления буддийских лам и астрологический прогноз «Зурхай». Подобные приложения объединяют возможности календаря, будильника, интерактивной карты и т. п. Для католиков было создано приложение для исповеди на основе программы типа «список дел», где можно отмечать совершенные грехи из списка или добавлять собственные. Это приложение было разработано крупной компанией и получило официальное благословение Римско-католической церкви, тогда как существующий в России аналог создан частным лицом по собственной инициативе.

Кроме того, появляются новые религиозные услуги, принципиально невозможные вне Интернета. Например, сайт YouveBeenLeftBehind.com предлагал рассылку сообщений указанным заказчиком адресатам после того, как сам заказчик будет вознесен на небо, в то время как неверующие останутся на земле во время царства антихриста.

Примером максимальной виртуализации ритуала, когда ИКТ вытесняют из схемы взаимодействия священнослужителя, могут быть виртуальные храмы для виртуальных персонажей в игре «Second life». Более простой является ситуация, когда ритуал считается выполненным после прочтения определенных текстов и нажатия на соответствующую кнопку. Таким образом, например, предлагается осуществить исповедь на сайте экуменического Ордена Святого Мистического Причастия.

Заключение

Изменение степени влияния ИКТ на религиозную сферу происходит поэтапно, причем на каждом этапе встречается некоторое сопротивление со стороны традиционных религиозных организаций, что замедляет, но не останавливает процесс. Первый этап процесса обозначен входом в пространство Интернета религиозных организаций и течений с целью коммуникации и миссионерства. Второй этап процесса воз-

растания роли технологий начался с переходом на непосредственный заказ религиозных услуг (прежде всего молитв) через Интернет, однако сегодня данная практика в России сокращается. В Европе и Америке эта стадия пройдена, зато существует запрет на следующий этап, подразумевающий осуществление с помощью ИКТ таинств и ритуалов. В то же время небольшие религиозные сообщества могут, напротив, предлагать совершение таинств в Сети, таким образом привлекая к себе внимание. Каждая новая ступень преодолевается сначала маргинальными религиозными течениями или вообще людьми нерелигиозными, но обладающими знаниями в области ИКТ. Далее практика получает более широкое распространение. Однако опосредование религиозных практик ИКТ, разрыв верующего и священнослужителя ставят вопрос о том, нужен ли последний (как и в других областях ИКТ сокращают необходимость в кадрах). Но в отличие от других областей духовной жизни использование технологий изменяет религиозную сферу как таковую. Остается открытым вопрос: каким образом ИКТ могут способствовать осуществлению предполагаемой связи человека и Высшей сущности?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Аладышкин И.В., Сафонова А.С.** Переосмысление феномена техники в эпоху глобализации // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 3. С. 37–48. DOI: 10.18721/JHSS.8304.

2. **Шипунова О.Д., Евсеева Л.И.** Тренды информационного общества и проблема идеала образования // Философия коммуникации: университетское образование в социокультурной динамике информационного общества. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. С. 129–139.

3. **Кузнецов Д.И.** Этическая рефлексия техники как ответ на эпохальную технэму // Философия коммуникации. Теоретико-методологические аспекты / под ред. С.В. Клягина, О.Д. Шипуновой. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 51–76.

4. **Campbell H.** Understanding the Relationship between Religion Online and Offline in a Networked Society // J. of the American Academy of Religion. 2012. No. 80 (1). Pp. 64–93.

5. **Omotayo F.O.** Adoption and use of information and communication technologies by Pentecostal churches in Ibadan, Nigeria // J. of librarianship and information science. 2017. Vol. 49, no. 2. Pp. 222–233. DOI: 10.1177/0961000616662517.

6. **Radulović L.B., Kovač S.** Manastiri Srpske pravoslavne crkve na Internetu: novi oblici religijskih i duhovnih interakcija posredstvom Fejsbuka // Etnoantropoloski problemi-issues in ethnology and anthropology. 2017. Vol. 11, no. 1. Pp. 137–158.

7. **Актамов И.Г., Бадмацыренов Т.Б., Цыремпилов Н.В.** Российский буддизм в интернет-измерении // Власть. 2015. № 7. С. 125–130.

8. **Актамов И.Г., Бадмацыренов Т.Б., Цыремпилов Н.В.** Буддизм в Интернете: методология изучения виртуальных религиозных сообществ // Вестн. Бурятского гос. ун-та. 2015. № 6. С. 86–91.

9. **Гаврилов Е.О.** Оцифрованное сакральное: особенности существования религии в интернет-пространстве (по материалам СМИ) // Вестн. Кемеровского гос. ун-та культуры и искусств. 2014. № 28. С. 177–183.

10. **Aguilar G.K., Campbell H.A., Stanley M., Taylor E.** Communicating mixed messages about religion through internet memes // Information, Communication & Society. 2017. Vol. 20:10. Pp. 1498–1520. DOI: 10.1080/1369118X.2016.1229004.

11. **McClure P.K.** Faith and Facebook in a Pluralistic Age: The Effects of Social Networking Sites on the Religious Beliefs of Emerging Adults// Sociological Perspectives. 2016. Vol. 59 (4). Pp. 818–834.

12. **Religion** and Internet //Annual Review of the Sociology of Religion 6 / ed. by D. Enstedt, G. Larsson, and E. Pace. Leiden & Boston: Brill, 2015. 217 p.

13. **Helland C.** Online Religion as Lived Religion Methodological Issues in the Study of Religious Participation on the Internet // Online Heidelberg J. of Religions on the Internet. 2005. Vol. 1.1. Special issue on theory and methodology. Pp. 1–16. URL: http://www.archiv.ub.uni-heidelberg.de/volltextserver/5823/1/Helland3a.pdf (accessed 12.04.2015).

14. **Campbell H.** Religion and the Internet // Issue of Communication Research Trends. 2006. Vol. 25, iss. 1. Pp. 4–6.

15. **Young G.** Reading and Praying Online: The Continuity of Religion Online and Online Religion in Internet Christianity // Religion Online: Finding Faith on the Internet. N. Y.: Routledge. 2004. Pp. 93–106. URL: http://www.taylorfrancis.com/books/e/9781135878733 (accessed 12.04.2015).

16. **Быльева Д.С.** Влияние информационно-коммуникативных технологий на жизнь общества // Контуры будущего: технологии и инновации в культурном контексте: колл. моногр. / под ред. Д.И. Кузнецова, В.В. Сергеева и др. СПб.: Астерион, 2017. С. 185–190.

17. **Семенов-Тянь-Шанский А.** Православный катехизис. URL: http://www.azbyka.ru/otechnik/novonachalnym/pravoslavnyj-katehizis/3 (дата обращения: 27.01.2017).

Быльева Дарья Сергеевна
E-mail: marketing4121@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 31.01.2018 г.

REFERENCES

[1] I.V. Aladyshkin, A.S. Safonova, [Rethinking the phenomenon of technology in the era of globalization], St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (3) (2017) 37–48. DOI: 10.18721/JHSS.8304.

[2] O.D. Shipunova, L.I. Evseeva, [Information society trends and the problem of the education ideal], in: Filosofiya kommunikatsii: universitetskoe obrazovanie v sotsiokul'turnoy dinamike informatsionnogo obshchestva [Philosophy of communication: University education in social and cultural dynamics of information society], Polytechnical Univ. Publ. House, St. Petersburg, 2015, pp. 129–139.

[3] D.I. Kuznetsov, [Ethical reflection on technology as a response to epochal technema], in: Filosofiya kommunikatsii. Teoretiko-metodologicheskie aspekty [Philosophy of Communication. Theoretical and Methodological Aspects], St. Petersburg, 2017, pp. 51–76.

[4] H. Campbell, Understanding the Relationship between Religion Online and Offline in a Networked Society, Journal of the American Academy of Religion, 80 (1) (2012) 64–93.

[5] F.O. Omotayo, Adoption and use of information and communication technologies by Pentecostal churches in Ibadan, Nigeria, Journal of librarianship and information science, 49 (2) (2017) 222–233. DOI: 10.1177/0961000616662517.

[6] L.B. Radulović, S. Kovač, [Monasteries of the Serbian Orthodox Church (SOC) on the Internet: New forms of religious and spiritual interactions through Facebook], Etnoantropoloski problemi-issues in ethnology and anthropology, 11 (1) (2017) 137–158.

[7] I.G. Aktamov, T.B. Badmatsyrenov, N.V. Tsyrempilov, [Buddhism in russia in the internet dimension], Vlast' [Authority], 7 (2015) 125–130.

[8] I.G. Aktamov, T.B. Badmatsyrenov, N.V. Tsyrempilov, [Buddhism on the internet: the methodology of virtual religious communities study], Bulletin Buryat State Univ. 6 (2015) 86–91.

[9] Ye.O. Gavrilov, [The digitized sacred: features of religion existence on the internet (on media sources)], Bulletin of the Kemerovo State Univ. of Culture and Arts, 28 (2014) 177–183.

[10] G.K. Aguilar, H.A. Campbell, M. Stanley, E. Taylor, Communicating mixed messages about religion through internet memes, Information, Communication & Society, 20 (10) (2017) 1498–1520. DOI: 10.1080/1369118X.2016.1229004.

[11] P.K. McClure, Faith and Facebook in a Pluralistic Age: The Effects of Social Networking Sites on the Religious Beliefs of Emerging Adults, Sociological Perspectives, 59 (4) (2016) 818–834.

[12] Religion and Internet, Annual Review of the Sociology of Religion 6, ed. by D. Enstedt, G. Larsson, and E. Pace, Brill, Leiden & Boston, 2015.

[13] C. Helland, Online Religion as Lived Religion Methodological Issues in the Study of Religious Participation on the Internet, Online Heidelberg J. of Religions on the Internet, 1 (1) (2005), Special issue on theory and methodology, pp. 1–16. Available at: http://www.archiv.ub.uni-heidelberg.de/volltextserver/5823/1/Helland3a.pdf (accessed 12.04.2015).

[14] H. Campbell, Religion and the Internet, Issue of Communication Research Trends, 25 (1) (2006) 4–6.

[15] G. Young, Reading and Praying Online: The Continuity of Religion Online and Online Religion in Internet Christianity, Religion Online: Finding Faith on the Internet, New York, Routledge, 2004, pp. 93–106. Available at: http://www.taylorfrancis.com/books/e/9781135878733 (accessed 12.04.2015).

[16] D.S. Bylieva, [Influence of information and communication technologies on the life of society], in: Kontury budushchego: tekhnologii i innovatsii v kul'turnom kontekste [Contours of the future: technology and innovation in a cultural context], Asterion, St. Petersburg, 2017, pp. 185–190.

[17] A. Semenov-Tyan-Shanskiy, [Orthodox catechism]. Available at: http://www.azbyka.ru/otechnik/novonachalnym/pravoslavnyj-katehizis/3 (accessed: 27.01.2017).

Bylieva Daria S.
E-mail: marketing4121@yandex.ru

Received 31.01.2018.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2018

DOI: 10.18721/JHSS.9108
УДК 101

НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗМА

А.Г. Саакян, В.А. Серкова
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В начале XXI в. проблемы изучения национальной идентичности привлекают к себе всё больше внимания, вокруг них разворачивается множество дискуссий и споров. В данной статье проблемы национальной идентичности рассматриваются как возможность сохранения и развития культурного многообразия в контексте глобализационных процессов в современном обществе. Анализируются роль идентичности как фактора консолидации общества и значение национально-культурной связи идентичности в контексте глобализации, национального сознания, территориальной идентичности. Национальная идентификация является сложным механизмом формирования сознания, конструирования определенных содержаний в процессе самоосознавания своей коллективной культурной принадлежности. Национальная идентичность складывается на границах множественных культурных миров. Результатом их взаимодействия может стать сложная перекрывающаяся модель мира, в которой пересекаются культурные множества «я», «мы», «они», «другие». Философское осмысление проблем национальной идентичности является актуальным как никогда, поскольку именно самоидентификация и отношение к иным культурным особенностям (национальным, религиозным, этническим) определяют характер многовекторных отношений в современной действительности.

Ключевые слова: универсализм; глобализм; идентификация; культурное разнообразие; национальное сознание

Ссылка при цитировании: Саакян А.Г., Серкова В.А. Национальные культуры и проблемы национальной идентичности в эпоху глобализма // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 1. С. 72–79. DOI: 10.18721/JHSS.9108

NATIONAL CULTURES AND PROBLEMS OF NATIONAL IDENTITY IN THE EPOCH OF GLOBALISM

A.G. Saakyan, V.A. Serkova
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

At the beginning of the 21st century, issues related to the study of identity problems attract attention, with a lot of discussions and debates centered around these issues. The article examines the problems of identity as an opportunity to preserve and develop cultural diversity in the context of globalization processes in the modern society. We have analyzed the role of identity as a factor in the consolidation of the society and the importance of the national and cultural connection of the identity in the context

of globalization, national consciousness, territorial identity. National identification is a complex mechanism for forming consciousness, constructing certain contents in the process of self-awareness of their collective cultural affiliation. National identity is formed on the borders of multiple cultural worlds. The result of their interaction can be a complex overlapping model of the world, in which the cultural sets "I", "We", "They", "Others" intersect. Philosophical comprehension of identity problems is more urgent than ever, because today self-identification and attitude to other cultural features (national, religious, ethnic, age) determines the nature of multi-vector relations in modern reality.

Keywords: universalism; globalism; identification; cultural diversity; national domain

Citation: A.G. Saakyan, V.A. Serkova, National cultures and problems of national identity in the epoch of globalism, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 9 (1) (2018) 72–79. DOI: 10.18721/JHSS.9108

Введение

Сохранение и развитие культурного многообразия в контексте глобализационных процессов – это проблема отношения общих унифицирующих тенденций культурного воспроизводства и исключительных особенных качеств отдельных культур. Национальная идентификация является сложным механизмом формирования сознания, точнее, конструирования определенных содержаний в процессе самоосознавания своей национальной и культурной принадлежности. По-видимому, следует согласиться с утверждениями многих современных антропологов и социологов, что нации как архетип, как нечто данное человеку от рождения не существуют, а национальная принадлежность, так же как и всякая другая определенность человеческого существования, – это форма конституирования сознанием того, что затем приписывается в качестве «объективных» сторон его образа жизни. В этом смысле можно утверждать, что идея нации рождается на почве националистических движений, но не наоборот.

Рассматривая процессы влияния глобализации на формирование культурной идентичности, можно отметить, что в научных источниках всё еще активно обсуждается возможность формирования некой «мультикультурной идентичности», подразумевающей сохранение своей прежней культурной определенности при вхождении в новую культурную среду, несмотря на кризис этой идеологии в европейских странах в связи с эмиграционными процессами и формированием целых культурно-замкнутых агломераций в традиционных европейских анклавах. Универсализация способствует стандартизации поведения человека, его запросов и потребностей, а культурная унификация ведет к снижению участия человека в традиционном и национальном созидании.

Постановка проблемы и цели исследования

В контексте глобалистического развития культур важно прояснить философский смысл понятий «универсализм», «глобализм», «идентификация», «национальная идентичность», а также определить роль главных акторов производства культурного многообразия, выявить векторы развития национальных культур в ходе их взаимодействия и взаимовлияния. В современном мире, как никогда ранее, возрастает значение формирования идентичности как фактора консолидации общества, усиливается значение национально-культурного контекста формирования идентичности как структуры национального сознания, как формы территориальной идентичности.

Обзор литературы. Анализу проблем, связанных с описанием механизмов национально-культурной идентификации, осуществляющейся в новом глобалистическом контексте, посвящены работы таких авторитетных исследователей, как Г. Вишванатан, Э. Саид, А. Сотов, М. Кастельс, Ж. Бодрийяр, Е. Задворная, М. Крюков, В. Малявин, И. Ушанова и др. В них представлен широкий спектр теоретических концепций, проблемно-аналитических разработок и междисциплинарных исследований.

Методология

Основой аналитики глобалистических явлений в статье стали так называемые постколониальные исследования. Их основу составляет компаративистская и структурно-аналитическая методология исследования форм национальной идентичности и национального сознания.

Результаты исследования

Одно из главных заблуждений современного человека – это уверенность в том, что новые высокие технологии, распространяясь стихийно и неконтролируемо, являются гарантом его непрерывного развития и выражением повышающихся степеней его свободы. Основанием для так называемого трансгуманизма (формы определенной жесткой унификации) служит представление о том, что на современной стадии развития техники человек без радикального вмешательства в свою собственную природу уже не может соответствовать темпам технологического роста и управлять технологической махиной киберсистем.

Речь идет о проектировании (теоретическом, к счастью, на современном этапе развития новых технологий) новой фундаментальной унифицированной модели телесности. Это придает особый смысл развитию конвергентных технологий (NBIC-технологий), целью которых в контексте управления современными технологическими процессами являются предельное расширение временных рамок жизни человека и усовершенствование человеческих способностей, т. е. изменение антропологических констант человеческого организма.

Достижения и возможности современной науки, в частности медицины, ставят серьезные вопросы о границах ее вмешательства в природу человека. Это касается операций по трансплантологии, клонированию, суррогатному материнству, оплодотворению in vitro, а также реаниматологии, эвтаназии, исследований в области генетики, евгеники, услуг по контрацепции и прерыванию беременности, отношения к животным и природе в ходе медицинских экспериментов и многих других вопросов, которые выходят за рамки только медицинского профессионального сообщества и становятся предметом «практической философии» в том конкретном содержании, которое придавали ей Сократ и Аристотель, – предметом этики.

Можно в духе рассуждений Г. Маркузе определить современную цивилизацию как существование в формах комфортабельной несвободы в условиях нарастающего технического прогресса. Национальная идентичность складывается на границах множественных культурных миров. Результатом их взаимодействия может стать сложная перекрывающаяся модель мира, в которой пересекаются культурные множества «я», «мы», «они», «другие». Процесс национальной самоидентификации – сложное и противоречивое единство, разворачивающееся во множестве координат. Глобализация – это сложный комплекс факторов влияния в современном мире, определяющих в том числе и векторы идентификационных процессов.

Среди аналитиков культуры оценка результатов влияния глобализации сводится, во-первых, к критике универсалистских тенденций как результата глобалистского нивелирования культурного многообразия и размывания традиций национальных культур. Это означает, что в современном мире перекрываются и переформатируются в первую очередь традиционные ценности, национальные особенности и этнокультурное своеобразие, которые на протяжении всего временного существования меняющегося культурного ландшафта определяли разные объемы общности конкретного партикулярного «мы». И, во-вторых, по мнению аналитиков, универсалистский глобалистский вектор формирования современных моделей идентичности усиливает власть масс-медиа, и, как следствие, укрепляются позиции массовой культуры.

Универсализация как форма глобализации и как фактор влияния на формирование определенных моделей идентичности способствует стандартизации поведения человека, его запросов и потребностей. Культурная унификация ведет к снижению участия современного человека в традиционном и национальном созидании, превращая его в потребителя низкопробной и незатейливой в духовном измерении продукции.

Пропаганда глобализма как способа приобщения к высшим благам и достижениям цивилизации вместе с агрессивной внешней политикой, характеризующей способ решения внешних государственных вопросов, порождают отношение к глобализму как к типично

американскому феномену: «Для многих культурная глобализация означает вестернизацию и американизацию» [1, с. 6]. Сутью глобализма по-американски является трансформация мира в Pax Americana, что означает приведение образа жизни, ментальности, идеалов в соответствие с американскими политико-культурными стандартами. Складывается представление, что глобальный мир американоцентричен и Америка является осью не только технических инноваций, но и центром переформатирования устоев традиционных культур. М. Кастельс в своем исследовании глобалистических процессов в современной культуре показывает это на примере утверждения американского архитектурного стандарта: «Поразительный китч американских больших городов» [2, с. 391] утверждается в качестве стилевого канона не только в нарождающихся новых центрах мира, но в старых респектабельных европейских городах. Современная архитектура, к какому бы стилю она ни принадлежала (хай-теку, биотеку, постмодернизму, «зеленой архитектуре»), не рождает чувства укорененности в определенном культурном ландшафте: «человек мира» неопределенной культурной формации продуцируется как «человек без свойств».

Такая идентификационная машинерия замены подлинного субстрата ее квазизаместителями лежит в основе постмодернистского концепта «симул», разработанного французским философом Ж. Бодрийяром. Показательно, что Бодрийяр, совершивший путешествие в Америку, в 1986 г. создал замечательный памфлет «Америка». В этом философском эссе Америка представлена как некая искомая реальность, которая реконструируется в процессе путешествия не как доступная культурная определенность, но как теоретический конструкт, который требует особой аналитической практики. «Если в целом характеризовать стратегию описания, используемую Бодрийяром, то можно утверждать, что он ищет „подлинную Америку", но находит только ее симулякровые аналоги» [3, с. 97].

Еще И.Г. Гердер утверждал, что наличие большого разнообразия культур является движущей силой эволюции человечества в целом и в то же время залогом полноценного интеллектуального и духовного развития отдельных представителей этой культуры. Характеризуя процессы воздействия глобализации на формирование культурной идентичности, укажем на тот факт, что в научных источниках всё еще активно обсуждается возможность формирования некой «мультикультурной идентичности», – и это несмотря на кризис этой идеологии в европейских странах в связи с эмиграционными процессами и формированием целых культурных агломераций в традиционных европейских анклавах. При этом «мультикультурная идентичность» подразумевает сохранение своей прежней культурной определенности при вхождении в новую культурную среду, а вовсе не растворение ее во многих других субстратах [4, с. 63].

Анализируя формирование процессов национальной культурной самоидентификации, отметим ряд факторов. Прежде всего это наличие у народа совместной территории проживания, культурных традиций, исторической памяти, самосознания, совместного экономического пространства для хозяйственной деятельности, традиционной, освященной временем религии и базового титульного языка. Когда речь идет о культурных традициях, то имеются в виду общие обычаи, сложившаяся традиционная (может быть и региональная) фольклорная духовная основа мировоззрения, присущая той или иной общности. Весомую роль в коллективной идентификации играет историческая память народа, которая особенно актуальна в условиях наличия трагических катаклизмов в его истории. Но проблема восстановления и утверждения исторической памяти народа требует знания не только негативных факторов его исторической жизни, но и способов преодоления и предотвращения кризисов. Процесс национальной идентификации носит отнюдь не спонтанный и стихийный характер. Он предполагает наличие способов активного и критического формирования основ национальной идентичности.

Другой вопрос, связанный с коллективной идентификацией, состоит в том, можно ли понять другую культуру? А что такое понимание иной культуры? Это – знание? В какой форме? Описания? Интерпретации? Самоидентификации? Конфликта интерпретаций? Принципиально важно, на какую методологическую платформу мы встанем, отвечая на эти вопросы. Если это кантовская трансцендентальная линия, то любой объект – это всегда конструируемый пред-

мет сознания (объект, феномен, ноумен, любая «мыслимая реальность», даже «вещь-в-себе»). И можно сравнивать не реальность с «образом реальности», а «разные образы реальности».

Проблему идентичности как адекватной (или неадекватной) интерпретации иной культуры поставил в конце 1970-х гг. американский исследователь, выходец из Палестины, Э. Саид. Он обратился к европейскому образу Востока в труде «Ориентализм». По мнению Саида, «ориентализм» – это извращенное представление о Востоке, особым образом устроенное понимание восточной культуры. Сам термин «Восток» – это уже особая перспектива восприятия определенного территориально размытого ареала с устойчивой позиции «западной цивилизации». Запад – это точка отсчета. Саид иронизирует над глубиной наших представлений «о» Востоке: «Восточный человек живет на Востоке, он просто живет жизнью восточного человека, в государстве, устроенном по принципу восточных деспотий, с ощущениями, присущими восточному фатализму» [5, с. 106]. Восток по определению – это периферия Запада, в его определение неявно встроена оппозиция «подлинной» и «неподлинной» культуры («цивилизационное», западное, это и есть «подлинное»). Неочевидной посылкой ориентализма является допущение: великая история восточных цивилизаций завершилась, теперь только европейцы являются модераторами истории [6, с. 5].

Это то, что в общем подпитывает политическое, экономическое, национальное, ценностное превосходство западного мира и что лежит в основании политики господства. Колониальная политика Запада с конца XVI в. нашла себе оправдание в идеологии Просвещения (свет доставлялся всем погруженным в темноту своего существования). Политика «помощи» в любой форме (преобразования, модернизации, глобализации) – это еще одна сторона доминирующего псевдогеографического «ориентализма». Именно таким образом утверждается «сложная и многоуровневая система репрезентаций Востока».

Западная идентичность, коль скоро она совершенно невозможна для определения всего, что Западом не является, тем не менее, остается псевдоформой Востока. Идентификационная матрица, примененная к тому, чем не является, оказывается навязанной ложной фигурой тождественности. Но следствия из этого неправомерного применения логики отождествления работают на западную идеологию. По сути, Восток объявляется «неподлинным» или «несостоявшимся Западом». Если перенести эту программу на любые другие отношения западного мира с тем, что оказывается «в остатке», например на отношения «Запад – Россия», мы получим ту же логическую фигуру, устроенную по принципу паралогизма.

Если возвратиться к проблеме идентификации, то окажется, что такая суррогатная конструкция, как «ориентализм» (такой симулякр, как определил бы эту позицию Ж. Бодрийяр), – это модель ложной идентификации. Восток – это квазиобъект. Но именно квазиобъект позволяет идеологам европоцентризма вытеснить подлинный объект из содержательного дискурсивного процесса. Деконструктивистская стратегия на новом этапе противостояния Восток – Запад увенчалась очередной победой. Можно подвести предварительный итог постколониальных исследований: идентичность Востока остается открытой проблемой, Восток не имеет своего подлинного выразителя. Э. Саид полагает, что «ориентализм» – это неистинная система знаний о Востоке, это «симулякр Востока». Восток до сих пор является не собеседником или протагонистом Европы, а ее безмолвным «другим» [5, с. 10].

Таким образом, в текстах исследователей-европейцев, с точки зрения Саида, Восток присутствует в «произвольной и унизительной форме», выступая как легитимизированная практика «объективной науки и универсальной истины». «Ориентализм» в целом выполняет функцию «принятого фильтра западного сознания». «Continued investment made Orientalism, as a system of knowledge about the Orient, an accepted grid for filtering through the Orient into Western consciousness, just as that same investment multiplied-indeed, made truly productive-the statements proliferating out from Orientalism into the general culture» [Там же. С. 14]. Участь Востока, неизбежно «отсталого» в отношении Европы, была предрешена – модернизация еврокапиталистического типа и следование европейскому курсу. Восток, с этой точки зрения, еще только должен осуществиться как цивилизация с особым равноценным историческим опытом, обусловленным оригинальной аксио-

логией и не контролируемой никакой инстанцией формой мировоззрения.

Однако в последнее время такое положение дел является неудовлетворительным и для самой Европы, включая Россию, поскольку в ней растут анклавы, где господствует «восточное» население и где ситуация перестает быть управляемой. Если экзотические территории раньше существовали на безопасном расстоянии, то теперь ситуация изменилась: непознанный и непонятый Восток прорывает все заградительные кордоны и учреждается в качестве компактного населения в районах, округах, предместьях практически всех европейских столиц. Территории, в которых «ощущался аромат Востока», превращаются в места, в которые не решается проникать местная полиция. Ислам в своих радикальных формах начинает управлять территориями Балкан, южными провинциями Италии (Сицилия, Сардиния, Корсика), парижскими и берлинскими предместьями. Мусульманское население Испании, страны, уже испытавшей многолетнее обращение в ислам, также является фактором потенциальной угрозы.

Понимание «подлинного Востока» во всем его многообразии и культурной неповторимости становится политической и государственной проблемой для европейской науки в целом, и без ее решения невозможно представить будущее истории самой Европы.

Как утверждает Г. Вишванатан, концепция универсализма стала частью технологии утверждения ценностей имперского влияния на всем колониальном пространстве британской империи: «Предположение об универсализме является фундаментальной чертой построения колониальной державы, поскольку „универсальные" черты человечества – это характеристики тех, кто занимает позиции политического господства» [Цит. по: 7, с. 55]. Что касается оснований коллективной идентификации, в том числе этнической и национальной, то С. Хантингтон в своем фундаментальном труде пишет, что «все преуспевающие нации обладают набором стержневых символических элементов» [8, с. 5]. В этом смысле и американская культура в целом страдает от неопределенности идентификационного кода, следствием чего в ряде случаев является невозможность приписать какие-то определенные качества образованиям, маркирующим саму основу «американского субстрата» (невозможно идентифицировать такие матричные образования, как «американский характер», «американская идея», «американская душа»). Зато мы с легкостью идентифицируем «американца» по таким признакам, в которых заложен некий упрощенный стандарт, замещающий сложную основу, и отзываемся на коды «американская улыбка», «голливудское кино».

Значение постколониальных исследований заключается в том, что в них в русле компаративистской методологии выстраивается возможный диалог культур, анализируются сходства и различия в культурной самоидентификации, выявляются механизмы давления европоцентризма на неевропейские общества, раскрываются достоинства нативистских культур, находящихся под давлением колониальной идеологии. Тем не менее противопоставление «нецивилизованных» народов «цивилизованным» продолжает осуществляться по линии принадлежности к центрам политического влияния, центрам силы [9, с. 301]. Русский антрополог С.А. Токарев еще в 1970-х гг. отмечал, что интерес и уважение к культуре каждого народа, хотя бы считаемого отсталым, внимательное и осторожное отношение к народам – создателям такой культуры, отказ от высокомерного самовозвеличивания европейцев и американцев как носителей якобы абсолютных ценностей и непогрешимых судей в этих вопросах – всё это, несомненно, здравые научные идеи, заслуживающие самого серьезного внимания» [10, с. 298]. Таких же взглядов придерживались В.А. Тишков [11], Э. Геллнер [12], А.Л. Казин [13].

Заключение

В консолидации нации весомую роль играет коллективная историческая память народа. Она является особенно актуальной, если в истории нации были трагические катаклизмы. Но для восстановления и утверждения исторической памяти народа требуется знать не только негативные факторы его исторической жизни, но и способы преодоления и предотвращения кризисов. Процесс национальной идентификации носит отнюдь не спонтанный и стихийный характер. Он предполагает наличие способов активного формирования основ национальной идентичности, включая идеологическую, пропагандистскую, воспитательную и просветительскую работу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Globalization,** Modernity, and Their Discontents // 2002-3 CARTSS, Ser. Bibliography / comp. by E. Brahm. URL: eric.brahm@colorado.edu.

2. **Castells M.** The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I–II. Oxford: Blackwell Publ., 1996–1998.

3. **Серкова В.А.** Трансформация реальности в концепции Жана Бодрийяра // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 1. С. 92–98. DOI: 10.18721/JHSS.8111.

4. **Ушанова И.А.** Глобализация и мультикультурализм: пути развития // Вестн. Новгородского гос. ун-та. 2004. № 27. С. 61–65.

5. **Said E.W.** Orientalism. L.; Henley: Routledge & Kegan Paul, 1978.

6. **Сотов А.А.** «Ориентализм»: постколониальная критика Э. Саида. М.: Изд-во Центра изучения соврем. Ближнего Востока, 2004.

7. **The Post-Colonial** Studies / ed. by B. Ashcroft, G. Griffiths, H. Tiffin. L.; N. Y.: Routledge, 2001.

8. **Хантингтон С.** Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.

9. **Herskovits M.** Cultural Antropology. N. Y., 1955.

10. **Токарев С.А.** История зарубежной этнографии. М., 1978.

11. **Тишков В.А.** Реквием по этносу. М.: Наука, 2003.

12. **Геллнер Э.** Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.

13. **Казин А.Л.** Россия и мировая культура. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та кино и телевидения, 2004.

Саакян Ануш Генриховна
E-mail: anushsaakian@yandex.ru

Серкова Вера Анатольевна
E-mail: henrypooshel@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 04.02.2018 г.

REFERENCES

[1] Globalization, Modernity, and Their Discontents, 2002-3 CARTSS, Ser. Bibliography, comp. by E. Brahm. Available at: eric.brahm@colorado.edu.

[2] M. Castells, The Information Age: Economy, Society and Culture, vol. I–II, Blackwell Publishers, Oxford, 1996–1998.

[3] Serkova V.A. [The transformation of reality in the philosophy of Jean Baudrillard], St. Petersburg State Polytechnical Univ. Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (1) (2017) 92–98. DOI: 10.18721/JHSS.8111.

[4] I.A. Ushanova, [Globalization and Multiculturalism: Way of Development], Bulletin of Novgorod State Univ. 27 (2004) 61–65.

[5] E.W. Said, Orientalism, Routledge & Kegan Paul, London and Henley, 1978.

[6] A.A. Sotov, «Oriyentalizm»: postkolonial'naya kritika E. Saida ["Orientalism": postcolonial criticism of E. Sayed], Moscow, 2004.

[7] The Post-Colonial Studies, ed. by B. Ashcroft, G. Griffiths, H. Tiffin, Routledge, London, New York, 2001.

[8] S. Khantington, Kto my? Vyzovy amerikanskoy natsional'noy identichnosti [Who are we? Challenges of American National Identity], Moscow, 2004.

[9] M. Herskovits, Cultural Antropology, New York, 1955.

[10] S.A. Tokarev, Istoriya zarubezhnoy etnografii [The history of foreign ethnography], Moscow, 1978.

[11] V.A. Tishkov, Rekviyem po etnosu [Requiem for the ethnos], Nauka, Moscow, 2003.

[12] E. Gellner, Natsii i natsionalizm [Nations and Nationalism], Progress, Moscow, 1991.

[13] A.L. Kazin, Rossiya i mirovaya kul'tura [Russia and world culture], St. Petersburg, Univ. of Cinema and Television Publ., St. Petersburg, 2004.

Saakyan Anush G.
E-mail: anushsaakian@yandex.ru

Serkova Vera A.
E-mail: henrypooshel@rambler.ru

Received 04.02.2018.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2018

DOI: 10.18721/JHSS.9109
УДК 140; 32

КОНЦЕПЦИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

П.А. Петров
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье проведен социально-философский анализ феномена глобализации. Основная цель исследования – сравнительный анализ концепций глобализации в современной социальной теории, конкретизация содержания разных форм глобализма как социального явления, рассмотрение социальных оснований и следствий глобальных трансформаций. Определены составные процессы глобализации: унификация, вестернизация, транснационализация, интеграция, интернационализация. Прослежена роль этих процессов в социально-культурном изменении различных цивилизаций. Выявлены основные направления процессов глобализации (Запад – Восток, Север – Юг) и основные центры силы (США и Канада, Европа, страны БРИКС, страны Тихоокеанского региона и др.). На примере концепции однополярной глобализации – глобализма, или неолиберальной глобализации – отмечены социальные, экономические и политические проблемы как следствия такой глобализации и основные движущие силы этой глобализации (ТНК, НПО, экономические монополии и т. д.). На основе работ зарубежных и отечественных исследователей выявлены концептуальные основания такого рода глобализации и ее альтернативные модели. В качестве основных конфликтогенных процессов выделены процессы вестернизации, унификации и транснационализации.

Ключевые слова: глобализация; глобализм; вестернизация; транснационализация; социокультурные изменения; цивилизационные изменения

Ссылка при цитировании: Петров П.А. Концепции глобализации в социальной философии // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 1. С. 80–89. DOI: 10.18721/JHSS.9109

CONCEPTS OF GLOBALIZATION IN SOCIAL PHILOSOPHY

P.A. Petrov
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The article is a social-philosophical analysis of the phenomenon of globalization. The main goal of the study is comparative analysis of the concepts of globalization in modern social theory, giving more precise definitions to various forms of globalism as a social phenomenon, study of the social foundations and consequences of global transformations. To do this, we have defined the composite processes of globalization: unification, westernization, transnationalization, integration, internationalization. We have analyzed the role of these processes in the socio-cultural dimension of different civilizations. The main directions of globalization processes (West – East, North – South) and the main centers of power (the USA and Canada, Europe, the BRICS countries,

etc) are identified. On the example of the concept of unipolar globalization – globalism or neoliberal globalization, The problems caused by such globalization are noted. The concept of unipolar globalization (globalism, or neoliberal globalization) is given as an example. Social, economic and political problems are described as the consequences and the main driving forces of this type of globalization Processes of Westernization, unification and transnationalization are identified as the main conflict processes.

Keywords: globalization; globalism; Westernization; transnationalization; socio-cultural changes; civilizational changes

Citation: P.A. Petrov, Concepts of globalization in social philosophy, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 9 (1) (2018) 80–89. DOI: 10.18721/JHSS.9109

Введение

Глобализация сегодня стала общим фоном и общим контекстом всех общественных процессов: экономических, политических, социально-культурных. Но что такое глобализация? Единого общепринятого определения этого понятия нет. В самом общем приближении глобализацию можно определить как тенденцию к сближению, взаимодействию, взаимозависимости различных государств в глобальном масштабе. Но в различных исследовательских парадигмах понятие глобализации наполняется разными смыслами, изменяется ее роль, механизмы, цели. Возникает вопрос: не является ли глобализация идеологическим мифом, используемым в угоду политическим силам, изобретением ученых-гуманитариев, пригодным разве что для внутрицеховых акций и дискуссий, или «ловушкой для ума», как определяет это У. Бек [1, с. 202]? Является ли глобализация эволюционной формой развития человечества? Или это всего лишь доминирующая модель развития, навязанная одними государствами другим? К каким социокультурным изменениям она приводит?

Словом «глобализация» обычно объединяют разнородные процессы, такие так интернационализация, вестернизация, интеграция, унификация и некоторые другие. Эти процессы порождают различные проблемы. Процессы политической унификации и интеграции вызывают сопротивление национальных государств и правительств, которые не намерены «менять» национальный суверенитет на некие «блага» глобализации. Сопротивление взывают процесс вестернизации и проводимые в его рамках социокультурные изменения, имеющие место в незападных обществах, и в первую очередь в странах Ближнего Востока. Процессы транснационализации взывают противодействие стран, недовольных предложенным им местом в «глобальной» экономической системе. Ниже мы рассмотрим расстановку сил внутри глобальных трансформаций.

Обзор литературы. Принято считать, что термин «глобализация» ввел в научный оборот в 1983 г. Т. Левитт в статье «The Globalization of Markets». В ней глобализация понималась как слияние рынков отдельных видов продукции и услуг, производимых крупными транснациональными корпорациями (следует отметить, что Левитт использует термин «multinational companies» [2]). Распространение и популяризацию термина «глобализация» связывают с работами Р. Робертсона «Modernization, Globalization and the Problem of Culture in the World-Systems Theory» [3], «Globalization Theory and Civilization Analysis» [4] и «Globalization: Social Theory and Global Culture». Именно в конце 1980-х – начале 1990-х гг. началась разработка теории глобализации. В 1990 г. вышел в свет сборник «Global Culture Nationalism, Globalization and Modernity» [5], в который включены работы ведущих теоретиков по проблемам глобализации того времени: И. Валлерстайна, М. Арчера, Р. Робертсона, М. Фезерстоуна, А. Аппадураи, Б. Тернера и др.

Затем стали появляться первые фундаментальные исследования, посвященные глобализации, таких ученых, как Л. Склэр [6], О. Иянни [7], М. Уотерс [8], А. Аппадураи [9], У. Бек [1, 10] и К. Омаэ [11], работы З. Бжезинского

[12, 13], И. Валлерстайна [14–17], Э. Гидденса [18], М. Кастельса [19, 20], Дж. Сороса [21–23], К. Поппера [24], Ф. Фукуямы [25], С. Хантигтона [26, 27], Дж. Стиглица [28, 29], У.Т. Андерсона [30], В.Л. Иноземцева [31–33], М.Г. Делягина [34, 35], А.С. Панарина [36, 37], А.И. Уткина [38, 39] и Г. Киссинджера [40, 41]. Идеи глобализации были также представлены в неоэволюционистских теориях и неомарксистских концепциях, возвещавших «конец капиталистической мировой системы». В них обосновываются или опровергаются самые разные положения теории глобализации – от тезиса «детерриториализации» социальных институтов до тезиса «отмирания национального государства».

О феномене глобализации много рассуждали и в формате заседаний Римского клуба (1972 г. – доклад «Пределы роста» Д. Медоуза; 1974 г. – «Человечество на перепутье» М. Месаровича; 1975 г. – «Пересмотр международного порядка» Я. Тинбергена; 1976 г. – «За пределами века расточительства» Д. Гарбора; 1977 г. – «Цели для человечества» Э. Ласло; 1980 г. – «Третий мир: три четверти мира» М. Гернье; 1989 г. – «Пределы определенности» О. Джарини, В. Штахеля и «За пределами роста» Э. Пестеля; 1990 г. – «В Сети: гипотетическое общество» Ж.-Л. Цебриана; 1991 г. – «Первая глобальная революция» А. Кинга и Б. Шнайдера; 1994 г. – «Способность управлять» И. Дрора; 1995 г. – «Фактор четыре. Удвоение богатства, двукратная экономия ресурсов» Э. Вайцзеккера, Э. Ловинса и Л. Ловинса; 1997 г. – «Пределы социальной стабильности: конфликт и взаимопонимание в плюралистическом обществе» Б. Петера; 2005 г. – «Пределы приватизации: как избежать чрезмерности хорошего» Э. Вайцзеккера; 2012 г. – «2052: глобальный прогноз на ближайшие сорок лет» Й. Рандерса).

Постановка проблемы и цели исследования

Неоднозначность трактовок глобальных трансформаций и самого явления глобализации в современной социальной теории составляет серьезную проблему. Римский клуб стал первой структурой, члены которой систематически занимались исследованием феномена глобализации, но открытым остался вопрос: является ли глобализация процессом, охватывающим весь мир? Является ли она эволюционной формой развития человечества? Или этот процесс пока затрагивает только страны и народы, принадлежащие к мировой элите, воспроизводя западные институты и являясь чисто западным механизмом социокультурного изменения остального мира?

Цель данного исследования – сравнительный анализ концепций глобализации в современной социальной теории, конкретизация содержания разных форм глобализма как социального явления, рассмотрение социальных оснований и следствий глобальных трансформаций.

Методология

Исследование проблем глобализации проводится на базе системного подхода в контексте социальной философии, позволяющей рассмотреть единство и различие социально-культурных, политических и экономических аспектов глобальных изменений, происходящих в современном мире. В исследовании интерпретаций культурных, политических и экономических практик в контексте различных теорий глобализации используется сравнительно-аналитический метод.

Результаты исследования

Содержание глобализационных процессов, их роль в современном мире трактуются исследователями по-разному. Есть научная точка зрения, согласно которой глобализация представляет собой новую форму модернизации мировой экономики, является новым этапом процесса интернационализации мировой экономики как результат сдвигов в экономике в условиях научно-технической революции, благодаря которому всё человечество входит в новую технологическую эру, связанную с последними достижениями науки и техники [42].

Более осторожно определяет глобализацию исследователь Ю.С. Осинов, который отмечает, что, хотя, несмотря на широкое употребление понятия «глобализация», строгого содеражния у него так и не появилось, *«при всей, иногда недопустимой, многосмысленности термина глобализации одно несомненно: речь идет о качественно новом уровне объединения человечества, когда различные цивилизации и культуры вступают в непосредственный и разносторонний повседневный контакт между собой, вырабатывают*

общий язык, что представляет собой сложный, длительный, чреватый конфликтами процесс. И здесь, конечно, не обойтись без философии и научной рациональности. Когда речь идет о диалоге и взаимопонимании людей разных религий, конфессий, национальных традиций, то общим, объединяющим их основанием, самой площадкой диалога может быть только рациональный дискурс, основанный на доказательном знании, благоразумии и сдержанности» [43, с. 12].

Еще один важный смысл глобализационных процессов представлен в концепции глобализма как однополярной глобализации, или неолиберальной глобализации. Главная цель такой глобализации – это создание мира без границ для товаров и капитала, создание единого рынка, где главную роль получат транснациональные компании (ТНК). Глобализм становится идеологией этих ТНК, а они, в свою очередь, становятся главными его проводниками. Политический порядок переформатируется в неолиберальный, новые правила игры обеспечивают ТНК преимущества перед старыми акторами – государствами. Такие компании за счет новых правил, навязанных ими же, получают преимущество на рынке и обеспечивают себе доминирование. Освобожденные от государственного регулирования, национальных и государственных границ, они стремятся создать мировой рынок, базирующийся на неолиберальных принципах. Ключевые процессы этой глобализации – это транснационализация и вестернизация [44].

Понятие глобализации может наполняться различным содержанием в зависимости от целей и идеологического контекста исследования. В разных исследовательских парадигмах трактовка сути глобализации различная.

Обратимся к концепции однополярной глобализации – глобализму. Г. Киссинджер, один из идеологов этого варианта глобалистической теории, трактует понятие глобализации как термин, определяющий главенствующую роль США в мире [45, с. 7]. Такой же позиции придерживается и З. Бжезинский в работах «Великая шахматная доска» [12] и «Выбор: мировое господство или глобальное лидерство» [13]. Об особой роли США и западной цивилизации в глобализации писали К. Поппер [24], Ф. Фукуяма [25] и Дж. Сорос [21–23]. Их взгляды объединяет одинаковое понимание глобализации как инструмента главенства США в мире и в создании нового мирового порядка. Это достигается за счет доминирования в экономической, политической, военной и социально-культурной сферах. Глобализация по сути является процессом вестернизации социально-политической и культурной сфер, а также процессом транснационализации экономики. В этой концепции глобализации центром силы являются США и их сателлиты – «американские» ТНК и наднациональные проамериканские структуры (МВФ, ВТО, НАТО, Всемирный банк).

Согласно мир-системной теории И. Валлерстайна, экономическая организация современного капитализма имеет глобальную, а не национальную основу [14, с. 15]. Мировая система состоит из экономически и политически господствующего центра и зависимой от него периферии. Центр развивается как индустриальная система производства, тогда как периферия поставляет сырье, находясь в зависимости от цен, устанавливаемых на него центром [Там же]. Существует также полупериферия, обладающая социальными и экономическими характеристиками как центра, так и периферии [Там же С. 38]. В центре расположено ядро мировой системы – постиндустриальные страны с тремя центрами (США и Канада, Западная Европа, Япония и Южная Корея) [Там же. С. 15]. Полупериферия – это Россия, Китай, Индия и некоторые другие страны [Там же. С. 14].

Но преобладающей моделью деления глобального мира сегодня стала геоэкономическая конструкция Север – Юг, в которой основное взаимодействие идет уже не по линии Запад – Восток, как во времена холодной войны, не между капиталистическим и социалистическим лагерем, а между промышленно развитыми государствами Севера и развивающимися странами Южного полушария. Именно эта модель сейчас активно дорабатывается. В дополнение к старым (США, Европейский союз) появляются новые центры силы – Япония, Китай, Индия, Южная Корея и Бразилия [46]. Но опять возникают проблемы, связанные с местом, уготованным этим странам в существующей системе влияния, как экономического, увязанного с процессами транснационализации экономики, так и социально-политического и национально-культурного, обусловленного процессами унификации и вестернизации.

А.И. Неклесса предложил модель современного мироустройства, которая имеет гексагональную структуру. Она состоит из Североатлантического, Тихоокеанского, Евразийского и «Южного» регионов, расположенных преимущественно в ареале индоокеанской дуги, а также из двух транснациональных пространств – «Нового Севера» (ТНК и международные организации) и «Глубокого Юга» (коррумпированные страны, кланово-мафиозные и криминальные интерсообщества) [47]. Именно такая модель, с несколькими центрами силы, не укладывается в концепцию однополярной глобализации, поскольку глобализм стремится к гомогенному миру с единым экономическим, политическим и культурным пространством.

Отечественный исследователь проблем глобализации В.Л. Иноземцев дал свое определение такого рода глобализации, согласно которому региональные социально-экономические системы, уже достигшие высокого уровня взаимосвязи, подвергаются процессу унификации и формируют единую мировую экономику [31, с. 84]. Но в противоположность исследователям, рассуждающим о «глобальной» современной экономике, Иноземцев подчеркивает, что «глобальной» экономики пока еще нет, вместо нее существует система, в которой постиндустриальный мир влияет на весь остальной: *«Безусловно, хозяйственные и информационные связи становятся всё более интенсивными и разнообразными, но значение их в рамках различных социально-экономических систем остается диаметрально противоположным... Во всемирном же масштабе каждое новое проявление „глобализации" оказывается очередной ступенью к формированию однополюсного мира, в котором глобальным значением может обладать только его центр, его постиндустриальная составляющая»* [33, с. 3].

На этом основании некоторые исследователи, например У. Бек, видят в глобализме «расширение глобально дезорганизованного капитализма» [1, с. 29]. Постиндустриальная составляющая, о которой говорит В.Л. Иноземцев, – это развитые страны Запада во главе с США.

Исследователь А. Дугин на этом основании выделяет два вида глобализации – «действительную» и «потенциальную». Согласно Дугину, «действительная глобализация» – это реальный процесс навязывания всем странам и государствам мира западного экономического, политического, культурного, технологического и информационного кода [48]. Эта глобализация проводится силами и средствами «богатого Севера», странами НАТО, или же так называемым «золотым миллиардом». Цель такой глобализации – доминирование в мире этих стран и созданных ими ТНК. Дугин считает это формой нового колониализма, где богатые правят бедными, а развитые страны – неразвитыми. Народы и страны при этом утрачивают суверенитет и встраиваются в систему на роли стран периферии. Те, кто не соглашается, становятся изгоями. В социокультурном и цивилизационном аспекте «действительная глобализация» – это перенос американской политико-экономической и культурной модели на все остальные государства и народы [Там же].

Как полагает А. Дугин, «потенциальная глобализация» – это развитие диалога культур и цивилизаций после окончания противостояния двуполярного мира. В такой модели глобализации нет навязывания определенной идеологии и одной экономической модели, наоборот, происходят обмен «опытом» и диалог цивилизаций. Такой глобализации чужды методы колониализма и постколониализма. Она является плюралистичной по отношению к социально-политическим, культурным и экономическим системам, и ее можно назвать многополярной, в отличие от первой – однополярной. Разновидностью такой глобализации можно считать «частичную», «локальную глобализацию», или «глобализацию больших пространств», подразумевающую интенсивное экономическое, политическое и социальное сближение стран с единым цивилизационным кодом (глобализация в рамках не всей планеты, а одной цивилизации) [Там же].

Большинство отечественных исследователей считают, что современная глобализация – это прежде всего глобализм. Сущность глобализма можно определить и как гиперструктурализацию на всех уровнях общественных отношений – в экономике, политике, управлении, культуре, которые, по утверждению М. Шимаи, профессора Венгерской академии наук, «в условиях либерализации почти или вовсе не контролируются национальными законодательствами» [49, с. 52].

Гиперструктурализация означает вытеснение форм традиционного контроля и управления потоками капитала и информации, которые в системе глобального влияния причудливым образом совмещаются с самыми разнообразными моделями господства одних государств над другими: «английской», колониальной, опирающейся на прямое военное насилие и политическое управление, и «американской», неоколониальной, в основе которой лежат косвенный экономический контроль и политическое давление, являющиеся инструментами социокультурного изменения в сторону неолиберализма. Глобализация отнюдь не означает принципиальной экономической однородности или политического равноправия стран, вовлеченных в систему глобальных взаимодействий. Наоборот, по мнению отечественных ученых, она создает неравенство и тем самым порождает конфликты на самых разных уровнях и в самых разных сферах. А.И. Фурсов обозначил один из конфликтов. Согласно ему, к конфликту Запад – Восток прибавился конфликт Север – Юг, где самые богатые страны Севера противостоят самым бедным странам Юга [50, с. 1].

Другой конфликт связан с процессом вестернизации, когда традиционные культуры оказывают сопротивление западной культуре, которая прямо навязывается странами Запада, например так было в ходе событий «арабской весны». Когда цивилизационная экспансия западного мира, выраженная процессом вестернизации, столкнулась с традиционными незападными институтами ислама, произошел цивилизационный конфликт. *«Аналитики сходятся в том, что глобализация стремительно приобретает характер конкуренции между цивилизациями... актуализируются не только экономические, но и культурно-мировоззренческие различия... <...> Но по мере углубления экспансии в виде всеобщей модернизации условий жизни модернизируемых стран и народов приходит понимание утраты ментальных оснований самими колонизируемыми народами и странами... Так возникает конфликт цивилизаций»* [51, с. 68]. О неизбежности такого конфликта писал и С. Хантингтон в работах «Кто мы?» [26] и «Столкновение цивилизаций» [27].

Следующий конфликт вызван процессом транснационализации экономики и связан с формированием «глобальной» экономики. Кто-то видит в порождении «глобального» рынка попытку США монополизировать всю мировую экономику путем манипулирования элитами [46]. Однако некоторые ученые считают, что формирование «глобальной» экономики – это процесс, от которого могут выиграть все стороны. Главное – выторговать себе «доходное» место. Выигрыш в процессе интернационализации зависит от места в «глобальной» экномике. В наибольшем выигрыше будут промышленно развитые страны, страны, образующие ядро капиталистического мира, так как они получают возможность снижения издержек производства за счет развития своих наукоемких отраслей в экономике. При этом в упадок приходят наукоемкие отрасли в менее развитых странах. Трудоемкие и экологически неблагоприятные производства при этом переводятся в развивающиеся страны полупериферии и периферии. В качестве примера стран, которые сумели занять достойное место в глобализации, исследователи приводят Японию, Южную Корею, Тайвань, Гонконг, Сингапур [42]. В этих странах развиваются инновационные производство и экономика, преобладает наукоемкий сектор. За счет международного разделения труда они получают доходы от экспорта высокотехнологичной продукции и услуг [Там же]. Выгоду получает и Китай. *«Китайские экономисты подчеркивают выгоды от глобализации для их национальной экономики, поскольку Китай многие годы является одним из крупнейших мировых экспортеров»* [Там же].

В таких условиях суверенитет государства становится предметом торга, за него можно получить экономические выгоды. И это порождает новый процесс в рамках глобализации – регионализацию. *«Глобализация фактически пробивает брешь в суверенитете национальных государств по всё большему спектру политических функций, что требует от них усиления взаимодействия и образования региональных политических и экономических блоков, что, в свою очередь, противоречит процессу глобализации»* [52, с. 12]. Этот парадокс глобализации получил название «парадокс Нейсбитта». Его смысл состоит в том, что «чем выше уровень глобализации экономики, тем сильнее ее мельчайшие участники», которые, с одной стороны, стремятся к сохранению своего суверенитета, а с другой – к

формированию экономических союзов и получению за счет этого экономической выгоды [42]. Примерами таких союзов могут служить БРИКС, ШОС, ЕАС.

Заключение

Выявление проблем, связанных с глобализацией, ставит перед социальной теорией в современном глобальном контексте новые вопросы. Первый касается определения границ действительного влияния глобалистских сил на существующие политические институты и экономические системы, поскольку они служат охранительными структурами устойчивости и противодействия сомнительному и неочевидному праву экономически развитых стран «золотого миллиарда» быть вершителями судеб всего человечества, определять ход общечеловеческой политико-экономической эволюции.

Второй вопрос касается экономической теории глобализации и роли стран, оказавшихся на периферии мирового экономического развития, будучи не в состоянии по тем или иным причинам следовать темпам роста, необходимым для внешней конкурентоспособности. С ним связан вопрос определения места стран полупериферии, которые, с одной стороны, являются конкурентоспособными по некоторым отраслям, но подвержены деиндустриализации из-за «эффекта Ванека – Райнерта» (наукоемкие отрасли в этих странах начинают умирать, не выдерживая конкуренции с уже развитыми участниками рынка). В связи с этим глобализация представляется не формой эволюционного развития, а навязываемой доминирующей моделью экономического, политического и социально-культурного развития. Она основывается на экономической, политической, социально-культурной и военной мощи стран Запада. Глобализацию в ее глобалистском понимании можно назвать инструментом создания «нового мирового порядка». Поэтому главными являются следующие вопросы: Насколько глобализация управляема и какие инструменты социального контроля могут быть использованы? Какие возможности есть у стран, не согласных с отведенной им ролью, и могут ли они изменить свой статус в глобализации?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бек У.** Что такое глобализация? (Ошибки глобализма – ответы на глобализацию). М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.

2. **Levitt T.** The Globalization of Markets. URL: https://hbr.org/1983/05/the-globalization-of-markets.

3. **Robertson R., Lechner F.** Modernization, Globalization and the Problem of Culture in the World-Systems Theory // Theory, Culture & Society. 1985. № 3.

4. **Robertson R.** Globalization Theory and Civilization Analysis // Comparative Civi izations Review. 1987. Vol. 17.

5. **Global** Culture: Nationalism, Globalization and Modernity / ed. by M. Featherstone. L., 1990. 441 p.

6. **Sklair L.** Sociology of the Global System. Baltimore Johns Hopkins Univ. Press, 1991. 269 p.

7. **Ianni O.** A sociedade global. Teorias da globalização. 9-Edição. Rio de Janeiro, 2001. 136 p. URL: http://noosfero.ucsal.br/articles/0010/5206/ianni-octavio-teorias-da-globalizac-o.pdf.

8. **Waters M.** Globalizacao. Oeiras, 1999. URL: http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content126113075438811 7file.pdf.

9. **Appadurai A.** Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, 1993. URL: https://ru.scribd.com/document/244556073/Appadurai-Modernity-at-Large-Cultural-Dimensions-of-Globalization-pdf.

10. **Бек У.** Политическая динамика в глобальном обществе риска // Мировая экономика и междунар. отношения. 2002. № 5. С. 10–19.

11. **Ohmae K.** The Borderless World: Power and Strategy in the Interlinked Economy. 1990. 276 p

12. **Бжезинский З.** Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Междунар. отношения, 2005. 392 с.

13. **Бжезинский З.** Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М.: Междунар. отношения, 2004. 288 с.

14. **Валлерстайн И.** Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.

15. **Валлерстайн И.** Дилеммы XXI века и особенности переходной эпохи. Дилеммы глобализации. М.: Нова, 2002.

16. **Валлерстайн И.** Исторический глобализм. Альтерглобализм: теория и практика «антиглобалистского движения». М.: Едиториал УРСС, 2003. 251 с.

17. **Валлерстайн И.** Мир-системный анализ. М.: Знание, 2004. 582 с.

18. **Гидденс Э.** Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 312 с.

19. **Кастельс М.** Глобальна ли глобальная экономика? // Эконом. стратегии. 2008. № 4. С. 15–24.

20. **Кастельс М.** Сетевая экономика, процессы глобализации и Россия // Альтернативы. 2001. № 4. С. 18–34.

21. **Сорос Дж.** Глобализация / пер. с англ. А. Башкирова. М.: Эксмо-Пресс, 2004. 628 с.

22. **Сорос Дж.** Новая глобальная финансовая архитектура // Вопросы экономики. 2007. № 12. С. 56–84.

23. **Сорос Дж.** Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. М., 2001. 458 с.

24. **Поппер К.** Открытое общество и его враги. М.: Молодая гвардия, 1992. 588 с.

25. **Фукуяма Ф.** Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004. 592 с.

26. **Хантингтон С.** Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ : Транзиткнига, 2004. 635 с.

27. **Хантингтон С.** Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.

28. **Стиглиц Дж.** Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003. 300 с.

29. **Стиглиц Дж.** Человеческое лицо глобализации // Полит. журн. 2004. № 7.

30. **Андерсон У.Т.** Жизнь в глобальной цивилизации Запада. М.: Знание, 2008. 556 с.

31. **Иноземцев В.Л.** Глобализация: иллюзии и реальность // Свободная мысль. 2000. № 1. С. 81–88.

32. **Иноземцев В.Л.** На перепутье: Россия в мировой системе XXI века // Обществ. науки и современность. 2002. № 4. С. 101–111.

33. **Иноземцев В.Л.** Глобализация национальных хозяйств и современный экономический кризис // Проблемы теории и практики управления. 1999. № 3.

34. **Делягин М.Г.** Информационная революция, глобализация и кризис мировой экономики // Проблемы теории и практики управления. 2001. № 1. С. 47–53.

35. **Делягин М.Г.** Мировой кризис: общая теория глобализации: курс лекций. М.: ИНФРА-М, 2003. 768 с.

36. **Панарин А.С.** Искушение глобализмом. М.: Эксмо, 2003. 416 с.

37. **Панарин А.С.** Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003. 560 с.

38. **Уткин А.И.** Глобализация: процесс и осмысление. М.: Логос, 2001. 254 с.

39. **Уткин А.И.** Ракурсы глобализации // Полития. 2000. № 4. С. 163–183.

40. **Киссинджер Г.** Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. 848 с.

41. **Киссинджер Г.** Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века. М.: Ладомир, 2002. 352 с.

42. **Селищева Т.А., Вэйди Ч., Потапенко А.В., Ананьев А.А.** Евразийская экономика и идея многополярного мира в контексте глобализации и регионализации // Проблемы современной экономики. 2016. № 1. С. 6–10.

43. **Осинов Ю.С.** Сущность глобализации // Вызовы глобализации. М.: Изд-во РАН, 2008. С. 11–17.

44. **Баранов Н.С.** Глобализация как ведущая тенденция мирового развития. URL: http://nicbar.ru/politology/study/kurs-rossiya-v-globalnoj-politike/130-lektsiya-1-globalizatsiya-kak-vedushchaya-tendentsiya-mirovogo-razvitiya.

45. **Kissinger H.** Globalisation and World Order. By Dr. Henry Kissinger Speaking at the Sixth Independent Lecture 12th October 1999 in Trinity College. Dublin, 1999. 263 p.

46. **Касюк А.Я., Манохин И.В., Харичкин И.К.** Глобализация и новый мировой порядок // Вестн. Московского гос. лингвист. ун-та. Гуманитарные науки. 2016. № 10. С. 167–181.

47. **Неклесса А.И.** Реконфигурация мира. URL: http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2681.

48. **Дугин А.** Геополитика постмодерна. СПб.: Амфора, 2007.

49. **Шимаи М.** Глобализация как источник конкуренции, конфликтов и возможностей // Проблемы теории и практики управления. 1999. № 1.

50. **Фурсов А.И.** Глобализация против планеты. Феномен БРИКС, URL: http://zavtra.ru/blogs/fenomen_briks.

51. **Жимбеева С.И.** Истоки глобализации (нетрадиционный взгляд) // Вестн. Бурятского гос. ун-та. Философия, социология, политология, культурология. 2009. № 6. С. 67–72.

52. **Могильный Н.К., Мизинцева Н.Ф.** Однополярное экономическое пространство как результат процесса глобализации // Управление эконом. системами. URL: http://uecs.ru/makroekonomika/item/4294-2017-02-21-07-41-53.

Петров Петр Андреевич
E-mail: kalinin11823@gmail.com

Статья поступила в редакцию 18.11.2017 г.

REFERENCES

[1] U. Bek, Chto takoye globalizatsiya? (Oshibki globalizma – otvety na globalizatsiyu) [What is Globalization?], Progress-Traditsiya, Moscow, 2001.

[2] T. Levitt, The Globalization of Markets. Available at: https://hbr.org/1983/05/the-globalization-of-markets.

[3] R. Robertson, F. Lechner, Modernization, Globalization and the Problem of Culture in the World-Systems Theory, Theory, Culture & Society, 3 (1985).

[4] R. Robertson, Globalization Theory and Civilization Analysis, Comparative Civi izations Review, 17 (1987).

[5] Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity, ed. by M. Featherstone, London, 1990.

[6] L. Sklair, Sociology of the Global System, Baltimore Johns Hopkins University Press, 1991.

[7] O. Ianni, A sociedade global. Teorias da globalização, 9-Edição, Rio de Janeiro, 2001. Available at: http://noosfero.ucsal.br/articles/0010/5206/ianni-octavio-teorias-da-globalizac-o.pdf.

[8] M. Waters, Globalizacao. Oeiras, 1999. Available at: http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1261130754388117file.pdf.

[9] A. Appadurai, Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, 1993. Available at: https://ru.scribd.com/document/244556073/Appadurai-Modernity-at-Large-Cultural-Dimensions-of-Globalization-pdf.

[10] U. Bek, [Political dynamics in the global risk society], Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya, 5 (2002) 10–19.

[11] K. Ohmae, The Borderless World: Power and Strategy in the Interlinked Economy, 1990.

[12] Z. Bzhezinskiy, Velikaya shakhmatnaya doska. Gospodstvo Ameriki i yego geostrategicheskiye imperativy [The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives], Mezhdunarodnyye otnosheniya, Moscow, 2005.

[13] Z. Bzhezinskiy, Vybor: mirovoye gospodstvo ili globalnoye liderstvo [The Choice: Global Domination or Global Leadership], Mezhdunarodnyye otnosheniya, Moscow, 2004.

[14] I. Vallerstayn, Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire [Analysis of world systems and the situation in the modern world], Universitetskaya kniga, St. Petersburg, 2001.

[15] I. Vallerstayn, Dilemmy XXI veka i osobennosti perekhodnoy epokhi. Dilemmy globalizatsii [Dilemmas of the 21st century and features of the transition era. The dilemmas of globalization], Nova, Moscow, 2002.

[16] I. Vallerstayn, Istoricheskiy globalizm. Alterglobalizm: teoriya i praktika «antiglobalistskogo dvizheniya» [Historical globalism. Alterglobalism: theory and practice of "anti-globalization movement"], Yeditorial URSS, Moscow, 2003.

[17] I. Vallerstayn, Mir-sistemnyy analiz [World-Systems Analysis], Znaniye, Moscow, 2004.

[18] E. Giddens, Uskol'zayushchiy mir: kak globalizatsiya menyayet nashu zhizn' [Runaway World: how globalization is reshaping our life], Ves' mir, Moscow, 2004.

[19] M. Kastels, [Is the global economy global?], Ekonomicheskiye strategii, 4 (2008) 15–24.

[20] M. Kastels, [Network Economy, Globalization Processes and Russia], Alternativy, 4 (2001) 18–34.

[21] Dzh. Soros, Globalizatsiya [Globalization], Eksmo-Press, Moscow, 2004.

[22] Dzh. Soros, [New global financial architecture], Voprosy ekonomiki, 12 (2007) 56–84.

[23] Dzh. Soros, Otkrytoye obshchestvo. Reformiruya global'nyy kapitalizm [Open Society. Reforming global capitalism], Moscow, 2001.

[24] K. Popper, Otkrytoye obshchestvo i yego vragi [Open society and its enemies], Molodaya gvardiya, Moscow, 1992.

[25] F. Fukuyama, Konets istorii i posledniy chelovek [The End of History and the Last Man], AST, Moscow, 2004.

[26] S. Huntington, Kto my? Vyzovy amerikanskoy natsional'noy identichnosti [Who we are: the challenges of American national identity], ACT, Tranzitkniga, Moscow, 2004.

[27] S. Huntington, Stolknoveniye tsivilizatsiy [The Clash of Civilizations], AST, Moscow, 2003.

[28] Dzh. Stiglits, Globalizatsiya: trevozhnyye tendentsii [Globalization: disturbing trends], Mysl', Moscow, 2003.

[29] Dzh. Stiglits, [The human face of globalization], Politicheskiy zhurnal, 7 (2004).

[30] U.T. Anderson, Zhizn' v global'noy tsivilizatsii Zapada [Life in the global civilization of the West], Znaniye, Moscow, 2008.

[31] V.L. Inozemtsev, [Globalization: illusions and reality], Svobodnaya mysl', 1 (2000) 81–88.

[32] V.L. Inozemtsev, [At the Crossroads: Russia in the World System of the 21st Century], Obshchestvennyye nauki i sovremennost', 4 (2002) 101–111.

[33] V.L. Inozemtsev, [Globalization of national economies and the current economic crisis], Problemy teorii i praktiki upravleniya, 3 (1999).

[34] M.G. Delyagin, [The information revolution, globalization and the world economic crisis], Problemy teorii i praktiki upravleniya, 1 (2001) 47–53.

[35] M.G. Delyagin, Mirovoy krizis: obshchaya teoriya globalizatsii: kurs lektsiy [The global crisis: the general theory of globalization: a course of lectures], INFRA-M, Moscow, 2003.

[36] A.S. Panarin, Iskusheniye globalizmom [The Temptation of Globalism], Eksmo, Moscow, 2003.

[37] A.S. Panarin, Strategicheskaya nestabil'nost' v XXI veke [Strategic instability in the 21st century], Algoritm, Moscow, 2003.

[38] A.I. Utkin, Globalizatsiya: protsess i osmysleniye [Globalization: the process and understanding], Logos, Moscow, 2001.

[39] A.I. Utkin, [Views of Globalizaion], Politiya, 4 (2000) 163–183.

[40] G. Kissindzher, Diplomatiya [Diplomaton], Ladomir, Moscow, 1997.

[41] G. Kissindzher, Nuzhna li Amerike vneshnyaya politika? K diplomatii dlya XXI veka [Does America need foreign policy? To diplomacy for the 21st century], Ladomir, Moscow, 2002.

[42] T.A. Selishcheva, Ch. Veydi, A.V. Potapenko, A.A. Ananyev, [Eurasian economics and the idea of the multipolar world in the context of globalization and regionalization], Problems of Modern Economics, 1 (2016) 6–10.

[43] Yu.S. Osinov, Sushchnost' globalizatsii [The essence of globalization], in: Vyzovy globalizatsii [Challenges of Globalizationii], Moscow, 2008, pp. 11–17.

[44] N.S. Baranov, Globalizatsiya kak vedushchaya tendentsiya mirovogo razvitiya [Globalization as the leading global development trend]. Available at: http://nicbar.ru/politology/study/kurs-rossiya-v-globalnoj-politike/130-lektsiya-1-globalizatsiya-kak-vedushchaya-tendentsiya-mirovogo-razvitiya.

[45] H. Kissinger, Globalisation and World Order, By Dr. Henry Kissinger Speaking at the Sixth Independent Lecture 12th October 1999 in Trinity College, Dublin, 1999.

[46] A.Ya. Kasyuk, I.V. Manokhin, I.K. Kharichkin, [Globalization and New World Order], Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo univ. Gumanitarnyye nauki, 10 (2016) 167–181.

[47] A.I. Neklessa, Rekonfiguratsiya mira [Reconfiguration of the world]. Available at: http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2681.

[48] A. Dugin, Geopolitika postmoderna [Postmodern geopolitics], Amfora, St. Petersburg, 2007.

[49] M. Shimai, [Globalization as a source of competition, conflicts and opportunities], Problemy teorii i praktiki upravleniya, 1 (1999).

[50] A.I. Fursov, Globalizatsiya protiv planety. Fenomen BRIKS [Globalization against the planet. The BRICS phenomenon]. Available at: http://zavtra.ru/blogs/fenomen_briks.

[51] S.I. Zhimbeyeva, [The origins of globalization (unconventional view)], Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo univ. Filosofiya, sotsiologiya, politologiya, kul'turologiya, 6 (2009) 67–72.

[52] N.K. Mogilnyy, N.F. Mizintseva, [Unipolar economic space as a result of the process of globalization], Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: Elektronnnyy nauchnyy zhurnal. Available at: http://uecs.ru/makroekonomika/item/4294-2017-02-21-07-41-53.

Petrov Pyetr A.
E-mail: kalinin11823@gmail.com

Received 18.11.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2018

Педагогика

Образование и педагогические науки

DOI: 10.18721/JHSS.9110
УДК 378.1

СУБЪЕКТНЫЕ АСПЕКТЫ МОНИТОРИНГА УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ СТУДЕНТОВ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ (по материалам Центра социологических исследований СПбПУ)

А.Г. Танова, Л.И. Евсеева, Е.Г. Поздеева, И.Р. Тростинская
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье отражены результаты проведенных Центром социологических исследований СПбПУ опросов мнений студентов об их удовлетворенности качеством получаемого образования. Анализируется готовность студентов выступать в роли субъекта оценки различных сторон образовательного процесса. Мониторинг удовлетворенности учащихся получаемым образованием основывается на развиваемой в вузе системе обратной связи, учитывающей роль студента как непосредственного участника и заинтересованного лица. Удовлетворенность образованием является областью взаимных ожиданий участников, что актуализирует анализ влияния поведенческих стилей преподавателей и студентов. Качество образования рассматривается как динамичный процесс конструктивного взаимодействия и как явление, система элементов которого поддается оценке с помощью измеряемых признаков. Мониторинг интегрированной оценки отражает удовлетворение потребностей и ожиданий, характеризующих состояние и тенденции развития образовательной среды. Проведенный опрос показал высокий уровень удовлетворенности учащихся получаемым образованием, что соответствует данным мониторинга по ведущим вузам. Одной из значимых позиций их недостаточной удовлетворенности является недостаток практики в программах вузов. Опрос показал слабую готовность студентов давать оценку качеству образования наряду с низким уровнем информированности о проводимых перспективных преобразованиях и открывающихся возможностях вуза. Результаты исследования могут служить основой для совершенствования образовательной политики университета, технологий информационного сопровождения образовательного процесса. Статья рекомендована преподавателям, научным сотрудникам, руководителям образовательных программ вузов.

Ключевые слова: образовательный процесс; университет; студент; мониторинговые технологии; качество образовательных услуг

Ссылка при цитировании: Танова А.Г. и др. Субъектные аспекты мониторинга удовлетворенности студентов качеством образования (по материалам Центра социологических исследований СПбПУ) // Научно-технические ведомости

СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 1. С. 90–101. DOI: 10.18721/JHSS.9110

SUBJECTIVE ASPECTS OF MONITORING THE QUALITY OF EDUCATIONAL SERVICES (based on the materials of the SPbPU Center for sociological research)

A.G. Tanova, L.I. Evseeva, E.G. Pozdeeva, I.R. Trostinskaya
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

This article focuses on the results of sociological studies conducted among the Polytechnic University students regarding their satisfaction with the quality of education and whether university students were ready to be a subject of evaluation of different aspects of the educational process. Monitoring the satisfaction with education is based on the feedback system being developed in the university, which takes into account the student's role as a direct participant and an interested party. Satisfaction with education belongs to the sphere of mutual expectations of all participants, which makes analysis of the styles of behavior of university teachers and students all the more important. The quality of education is regarded both as a dynamic process of constructive interaction and as a phenomenon with a system of elements to study with measurable indicators. Monitoring the integrated assessment shows the process of needs and expectations meeting in the sphere of educational environment development. The survey conducted demonstrates a rather high level of satisfaction with education that corresponds to other universities' monitoring data. The practice-oriented aspects of education are considered to be one the most important indicators of insufficient satisfaction with education. The survey shows that students are not ready enough to assess the quality of education and that they are not sufficiently aware of the future transformations and new opportunities. The results obtained could be a basis for improving the university's educational politics and the information support technologies of the educational process. This paper is recommended for university teachers, researchers, heads of educational programmes.

Keywords: educational process; university; student; monitoring technologies; quality of education; satisfaction

Citation: A.G. Tanova, L.I. Evseeva, E.G. Pozdeeva, I.R. Trostinskaya, Subjective aspects of monitoring the quality of educational services (based on the materials of the SPbPU Center for sociological research), St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 9 (1) (2018) 90–101. DOI: 10.18721/JHSS.9110

Введение

Масштабное внедрение новых информационных и коммуникативных технологий в сфере образования ставит перед вузами задачу более эффективно контролировать качество образовательного процесса и стремиться к наращиванию инновационного потенциала вуза. Мониторинговые технологии оценки качества образования сегодня включены в систему менеджмента качества и являются показателем рейтинговой позиции вуза [1]. Но всё же пока остаются проблемы с отлаживанием системы действия мониторинга, причем эти проблемы лежат больше в плоскости субъектных аспектов, так как вытекают из недостаточной информированности студентов о возможностях, предоставляемых вузом для их профессионально-личностного развития, и психологической

неготовности учащихся дать комплексную адекватную оценку получаемому образованию.

Цели исследования

Коммуникативной основой формирования оценки удовлетворенности является система обратной связи с учащимися, что достигается во многом с помощью социологических опросов [2]. Цель нашего исследования: опираясь на материалы опросов, проведенных Центром социологических исследований СПбПУ, проанализировать отношение студентов к качеству образования, получаемого в вузе, а также характеристики и показатели, отражающие готовность учащихся к роли субъекта оценивания.

В настоящее время накоплен богатый опыт мониторинговых исследований удовлетворенности студентов качеством образования, прежде всего в странах Западной Европы [3]. Мониторинг стал неотъемлемой стороной научного сопровождения практики управления образовательной организацией, правда, российским вузам в этой области еще многое предстоит освоить и усовершенствовать с учетом реформ и инноваций отечественного образования. Адекватность и результативность применяемой в системе мониторинга оценки качества образования зависит от того, как мы понимаем, *что* оценивается, и каков уровень компетенций тех, *кто* дает оценку. В этой связи актуальной проблемой становится изучение готовности субъектов оценивания – студентов – к оценочной деятельности. Развитие образовательной среды в сторону открытости, динамичности, более широкого внедрения современных интеллектуальных технологий и электронных форм должно способствовать формированию специалиста нового типа, готового к вызовам XXI в. [4]. Расширение спектра активности студентов в ходе освоения образовательных программ связано с получением навыков их участия в социологических опросах и мониторингах оценки качества образования.

По мнению А.С. Запесоцкого, основываясь на материалах многолетних опросов студентов Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, можно отметить тот факт, что они затрудняются в оценке функционально-ролевого аспекта деятельности преподавателя (особенно его мотивационного влияния на личностное развитие) [5]. Учащиеся выделяют доброжелательность и тактичность преподавателя (80 % случаев), что позволяет им характеризовать преподавателя как «располагающего к себе». Это подчеркивает взаимозависимость морально-этических и индивидуально-психологических аспектов в процессе оценивания преподавателя и его педагогической деятельности. Отчетливо видна взаимосвязь параметров «ясность изложения» и «поддержание интереса к предмету» (70 % случаев). Наиболее часто встречаются следующие характеристики преподавателя и его деятельности: тактичность, умение доступно изложить материал, строгость и требовательность.

Комплексная оценка качества и удовлетворенности является производной от функционирования в вузе обратной связи, позволяющей получить мнение студента о процессе обучения, которое основано на сформировавшемся у него представлении о преподавании, организации учебного процесса, поддержке со стороны преподавателей и кураторов в процессе обучения, а также в целом о действующей образовательной и коммуникативной среде. Опросы должны касаться того, как организован образовательный процесс, какова его инфраструктура, какие знания студенты получают, какие способности у них развиваются, насколько хорошо подготовлены учащиеся для профессиональной деятельности и для жизни, насколько эффективна поддержка со стороны преподавателей. Однако, по мнению профессора H. Lee [6], требуется взвешенный профессиональный подход, чтобы принять за основу мнения студентов о качестве получаемого образования. Социологическая ценность получаемых в ходе опросов студенческих оценок раскрывается в трех аспектах:

1) студент способен дать характеристику происходящим внутренним процессам, так как он их непосредственный участник;

2) это первичные социологические данные, не опосредованные другими отчетными документами;

3) эти данные сформулированы недавними бывшими абитуриентами, они ценностно и эмоционально «заряжены» и могут представлять интерес для потенциальных абитуриентов.

Поскольку эффективность деятельности образовательных организаций зависит от удовлетворения запросов потребителей, необходимо постоянно отслеживать динамику

потребностей, интересов студентов, чтобы соответствовать их требованиям и стремиться превзойти ожидания [7].

Методология

Методологическая основа работы представлена научными подходами к модели удовлетворенности студентов качеством образования, включающей элементы условий, процессов, качества участников, влияния образовательной среды и внедрения инноваций. Оценка удовлетворенности строится на основании признания существования конструктов качества как элементов системы в представлениях студентов, на выявление которых направлены социологические исследования. От четкости и интегрированности сложившейся виртуальной системы представлений студентов и от их способности дать оценку реальности с позиций этой системы зависит исследовательский результат, который будет служить ориентиром для принятия управленческих решений по совершенствованию образовательного процесса в вузе. В данной работе использованы методы системного и сравнительного анализа. Эмпирическую базу составляют социологические данные, полученные методом онлайн-анкетирования.

Результаты исследования

Ведущей компонентой, лежащей в основе оценки качества образования, является удовлетворенность студентов, в которой находит отражение специфика условий и реализуемых процессов. Образовательный процесс находится в зоне воздействия взаимных ожиданий. Взаимодействия между преподавателем и студентом – это всегда система сложных динамических взаимных воздействий участников (субъектов) образовательного процесса, которые включены в общую деятельность, ориентированную на достижение совместных целей и реализацию интересов познания различных аспектов профильного профессионального образования. По мере расширения данного взаимодействия строится и поддерживается определенная структура межличностных отношений. Поэтому для успешного достижения образовательных целей и обеспечения качества необходимо стремиться к наиболее полному пониманию всей сложной системы ожиданий и мотивов студента, явных и скрытых. Это усложняет задачу преподавателя, который должен быть также ориентирован на удовлетворение «невысказанных» пожеланий студентов, что повышает значимость социологических опросов, позволяющих глубже заглянуть в скрытую область мотивационной сферы студенчества.

Заметное влияние при оценке складывающихся учебно-образовательных взаимодействий (преподаватель – студент) оказывает стиль общения. Согласно идеям В.А. Кан-Калика, наиболее представленными в коммуникативной сфере образовательной организации являются пять стилей педагогического общения [8]:

- общение, строящееся на основе высоких профессиональных установок педагога;
- общение на основе дружеского расположения;
- общение-дистанция (самый распространенный тип педагогического общения);
- общение-устрашение (как негативная форма общения);
- общение-заигрывание (свойственно молодым преподавателям, стремящимся к популярности).

Особенно востребованной сегодня оказывается реализуемая не всеми стилями педагогического общения педагогическая функция фасилитации, позволяющая преподавателю каждый раз гибко направлять общение в конструктивное русло, что особенно ценится современными студентами [9]. Реализация данной функции основывается на таких качествах, как доверие, эмпатия, открытость, истинность и др. Отличительной чертой *преподавателя-фасилитатора* является его нацеленность на оказание педагогической помощи, а также поддержки учащимся для повышения продуктивности и креативности в деятельности не только отдельного студента, но и коллектива студентов. *Преподаватель-консультант* сконцентрирован на деятельности, направленной на решение какой-то конкретной задачи или проблемы, и его главная функция – консультирование. *Преподаватель-модератор* лучше других раскрывает потенциальные возможности студента, его способности, направляет процесс формирования его идентичности и имиджа. *Преподаватель-тьютор* выступает в роли личного наставника, который обеспечивает индивидуализацию образования студентов. Он участвует в разработке индивидуальных и

групповых заданий, организует обсуждение актуальных проблем. *Преподаватель-тренер* помогает учащимся овладеть мастерством в будущей профессиональной деятельности, апеллируя к системе базовых и практических знаний, навыков, умений.

Такой стилистический и ролевой набор, функционально предусмотренный для преподавателя, акцентирует проблему конструирования потребностей и ожиданий учащегося, так как в освоении учебной программы современного уровня, отвечающей высоким требованиям качества, студент сталкивается с системой проблем, для решения которых он нуждается в общении с преподавателями, представленными во всех перечисленных выше ролях.

В основе учебно-познавательного взаимодействия между преподавателем и студентом со стороны учащегося доминантными по силе влияния выступают субъективные факторы: уровень знаний, профессиональная направленность, уровень учебной и учебно-профессиональной самоэффективности, определенные социально-психологические условия воспитания. Субъектная сторона преподавателя строится на основе уровня его профессиональной компетентности [10]. Применение мониторинговых методик позволяет учесть уровень ожиданий студентов от научно-преподавательской работы преподавателя и уровень потребности учащихся в учебно-познавательном взаимодействии с преподавателем. Комбинации высокого, среднего и низкого уровня значений данных критериев дают основания выделить как типы поведения студентов в учебно-познавательном взаимодействии с преподавателем, так и три типа их психологической готовности к будущей деятельности:

1) некомпетентный (низкий уровень);
2) среднекомпетентный (средний уровень);
3) компетентный (высокий уровень).

Важными выводами, показывающими влияние компетентности на удовлетворенность качеством образования, являются следующие:

- наибольший процент удовлетворенности качеством образования приходится на среднекомпетентных студентов;
- компетентные учащиеся стремятся к диалогу с преподавателем, вступают в межличностный контакт, поэтому они более требовательны к ролевым аспектам преподавательской деятельности и разнообразию взаимодействия с преподавателем;
- высокий уровень потребности во взаимодействии и высокий уровень психологической готовности к нему обусловливают более высокие требования к преподавателю и соответственно способствуют более низкой (взвешенной) оценке деятельности преподавателя [Там же. С. 23].

Данные наработки мониторинговых исследований подтверждают необходимость более глубокого учета субъектной составляющей мониторинговых опросов по качеству образования.

Проблема качества образования. Качество образования можно рассматривать как систему, которая складывается из двух составляющих: качества обучения и качества результата получаемого образования [11]. Поэтому важный ориентир совершенствования образовательного процесса – это выявление компонентов и затем формирование показателей качества образовательных услуг.

Качество образования можно понимать как способность вузов в ходе реализации программ обучения в полной мере удовлетворять потребности и ожидания непосредственных потребителей и других заинтересованных лиц и сторон, а также в контексте современных конкурентных условий значительно опережать эти требования. Его можно также трактовать как динамичный процесс конструктивного взаимодействия, где заявленная ценность/результат реализуется для всех заинтересованных сторон. В то же время качество образования выступает как явление, и его измеряемые компоненты – это характеристики, компетенции студентов; характеристики преподавательского состава и персонала образовательной организации, реализующих образовательный процесс в определенных материально-технических условиях; характеристики самого образовательного процесса (зависят от применяемых обучающих технологий); степень удовлетворенности студентов.

Специфика формирования качества образования в вузе складывается в результате воздействия в комплексе таких важных особенностей, как массовость и публичность образования, соучастие в процессе самого обучающегося, регулирование уровня складывающегося качества со стороны образовательной организации, мно-

жественность эффектов. Следует принимать во внимание тот факт, что в определенном смысле конечным потребителем становится работодатель, который обеспечивает преобразование полученных компетенций работника в ходе его трудовой деятельности в экономический результат.

Наиболее значимыми направлениями мониторинга в сфере образования сегодня становятся разработка комплексных методик и инструментария социологических опросов, определение показателей, отражающих оценку качества внешними потребителями (абитуриентами, родителями, работодателями). Применение мониторинга дает возможность провести измерение показателей качества преподавания, находящихся в тесной взаимосвязи с показателями, отражающими уровень освоения студентами образовательных программ [12].

Центр менеджмента качества в СПбПУ в 2015 г. провел исследование по оценке качества образования, в котором приняли участие магистранты гуманитарного института. Они должны были дать оценку качества преподавания в вузе, работы преподавательского состава, организации и проведения производственной практики, научно-исследовательской работы студентов, организации и обеспечения учебного процесса [13]. Анкетный опрос магистрантов позволил установить, что 68 % из них удовлетворены качеством обучения, 28 % дали ему среднюю оценку. При этом магистры-политехники актуализировали проблему организации производственной практики, что и явилось впоследствии фокусом организационно-управленческих изменений.

Показатель удовлетворенности несет в системе показателей качества образовательных услуг особую нагрузку: он позволяет сформировать обобщенное мнение о том, как организационно-функциональная сторона образовательного процесса способствует удовлетворению потребностей и ожиданий. Удовлетворенность обучением в вузе представляется параметром, характеризующим процесс профессиональной социализации студента. В модели удовлетворенности обучением находит выражение удовлетворенность социальным статусом, получаемой профессией / специальностью / квалификацией, содержанием образовательного процесса [14].

По данным социологического опроса первокурсников Сибирского государственного технического университета, студенты достаточно адекватно оценивают особенности обучения в вузе по сравнению со школой и видят специфику обучения в университете прежде всего в росте самостоятельности, артикулируя при этом потребность в свободном проявлении активности в учебное и внеучебное время [15]. Актуальной тенденцией становится создание условий для становления самоактуализирующейся, креативной личности. В первую очередь к таким условиям относится свобода. Общество и государство, гарантируя свободу выбора в сфере образования, с одной стороны, способствуют удовлетворению интересов и потребностей самой личности и заинтересованных лиц и служб, с другой – обеспечивают условия формирования личной ответственности и саморазвития у студентов.

Субъектные проблемы оценки качества образования (по результатам опросов Центра социологических исследований СПбПУ. В мае 2017 г. в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого проводился опрос студентов, направленный на измерение их удовлетворенности качеством образовательных программ, реализуемых в вузе. В нем приняли участие 4040 учащихся, являющихся представителями всех институтов, входящих в состав СПбПУ [16]. Оценка удовлетворенности студентов качеством обучения строилась на анализе комплекса параметров, а также с учетом:

- степени соответствия обучения по направлению/специальности ожиданиям учащихся;
- намерения студентов трудоустроиться согласно полученной квалификации/специальности;
- возможностей творческого развития и самореализации учащихся, приобретения ими релевантных рыночной ситуации знаний и навыков;
- наличия условий широкого и адекватного информационного сопровождения, а также поддержки студентов со стороны преподавателей и сотрудников университета;
- наличия достаточной материально-технической базы;
- удовлетворенности учащихся организацией учебного процесса;

• создания комфортной и развивающей среды для широкого общения.

Путем опроса предполагалось выявить влияние таких важных факторов, как высокий престиж университета, научная направленность обучения, практико-ориентированные программы, возможность изучать иностранные языки, знакомство с интересными людьми и участие в проектах. Это те параметры образования, которые обозначены как приоритетные для ведущих вузов, и в то же время именно они особо ценятся молодежью, стремящейся к успешной карьере в рыночном пространстве. Особое внимание в анкетном опросе было уделено показателю информированности студентов, который отражает не только степень включенности учащихся в образовательный процесс, но и определяет качество работы образовательных подразделений, деятельность руководителей образовательных программ.

Опрос показал, что 66 % респондентов удовлетворены качеством получаемого в СПбПУ образования и образовательной программы (см. рис. 1).

Согласно результатам опроса, 65 % респондентов считают, что обучение соответствует их ожиданиям; 68 % имеют представление, кем они могут работать после окончания вуза; 64 % после окончания университета собираются работать по специальности и 82 % подтвердили факт сознательного выбора направления подготовки/специальности. Эти данные демонстрирует тот факт, что более 2/3 студентов университета реализуют стратегию практико-ориентированного обучения, приобретая в рамках своей специализации востребованные на рынке знания, умения и навыки.

Рис. 1. Результаты ответа респондентов на вопрос: «Удовлетворены ли Вы качеством образования в СПбПУ?»

Fig. 1. Satisfaction of students with the quality of education

Внеучебная активность студенческой молодежи отражает удовлетворенность получаемым образованием. Исследование показало, что организацией досуговой деятельности студентов в целом довольны 36 % опрошенных (оценили ее на 4–5 баллов), 34 % дали ей оценку 2–3 балла и 30 % – 1 балл и менее. Согласно данным опроса, студенты недостаточно высоко оценивают уровень материально-технической оснащенности вуза: оценки этого параметра находятся в среднем в интервале от 2 до 3 баллов. Это свидетельствует о том, что, располагая кредитом доверия со стороны студентов (престиж университета и уровень получаемого в нем образования на 4–5 баллов оценили соответственно 80 и 58 % опрошенных), вуз должен повысить внимание к материально-технической составляющей (см. таблицу).

Другой важный аспект, на который следует обратить особое внимание, – это информационное сопровождение образовательного процесса. Опрос выявил недостаток информированности студентов о новых возможностях, связанных с электронными и дистанционными формами обучения, активным внедрением в учебный процесс проектной деятельности. Студенты отметили и высокую потребность в консультативной помощи, тьюторском сопровождении, над чем уже активно ведется работа с начала нового учебного года.

В целом комплексная характеристика полученной оценки качества образовательных услуг вывела на важную проблему учета подготовленности субъектов оценивания. Недостаток информированности и несформированность аналитических навыков позволяют предположить недостаточный уровень зрелости студентов как в решении проблем постановки собственных целей и достижении желаемых результатов, так и в формулировании оценки получаемого

Оценка студентами СПбПУ различных аспектов образовательной деятельности университета по 5-балльной системе, %

Assessment of various aspects of educational activity of the university (by points, in %)

	0–1 балл	2–3 балла	4–5 баллов
Уровень образования	7	35	58
Престиж университета	5	15	80
Преподавательский состав	5	29	57
Информационно-библиотечный комплекс	10	22	68
Состояние социально-культурной инфраструктуры	25	33	43
Состояние спортивных залов и сооружений	27	41	32
Состояние аудиторий	18	49	33
Оснащенность материально-техническим оборудованием	16	45	39
Организация досуговой деятельности студентов	30	34	36

Рис. 2. Результаты ответа респондентов на вопрос: «Были ли у Вас ожидания от получаемой специальности на первом курсе?»

Fig. 2. Expectations from the obtained specialty in the first year

образования. В опросах заметное место занимает позиция «Затрудняюсь ответить», встречаются противоречивые ответы. Настораживает большой удельный вес ответов, относящихся к неуверенной позиции. Так, для сравнения, в результатах социологического опроса среди студентов Российского государственного профессионально-педагогического университета оценка достигнутого уровня освоения образовательных программ тоже содержит элемент неопределенности: 79 % опрошенных студентов не смогли ответить на этот вопрос и только 5 % оценили данный показатель как отличный, а 12 % – как хороший [17].

Остается актуальной проблемой и выявление ожиданий студентов. Так, 40 % респондентов в СПбПУ затруднились с ответом на вопрос, имели ли они ожидания по отношению к обучению специальности на первом курсе, а 22 % ответили, что их не имели (см. рис. 2).

Также существует разрыв (примерно в 2 раза) между тем, как оправдались ожидания в целом по качеству теоретического образования и получению практических навыков. На вопрос о том, получали ли студенты помощь от руководителей образовательных программ или представителей кафедры в выборе элективных дисциплин и в решении других вопросов, положительно ответили только 24 % респондентов, что свидетельствует о недостаточной информационной работе и коммуникативных проблемах. Недостаточную осведомленность показывает и ответ на вопрос о том, используются ли электронные курсы в рамках освоения направления: студентами почти с одинаковым значением (51 % / 49 %) были даны положительный и отрицательный ответы. Более 80 % студентов (из 254 опрошенных) оказались не осведомлены об условиях получения финансовой поддержки студентами, принимающими участие в академическом обмене, и о том, куда можно обратиться желающим участвовать в программе академической мобильности. Осторожное отношение студентов было продемонстрировано и к дистанционным образовательным технологиям (40 % отрицательно относятся к их использованию, 34 % затруднились ответить), что, очевидно, связано с низким уровнем информированности о возможностях, перспективах и роли дистанционного образования (см. рис. 3).

Наряду с этим показательным является и такой момент: студентов попросили назвать фамилию руководителя их образовательного направления, и это вызвало очевидное затруднение, так как процент назвавших фамилии ру-

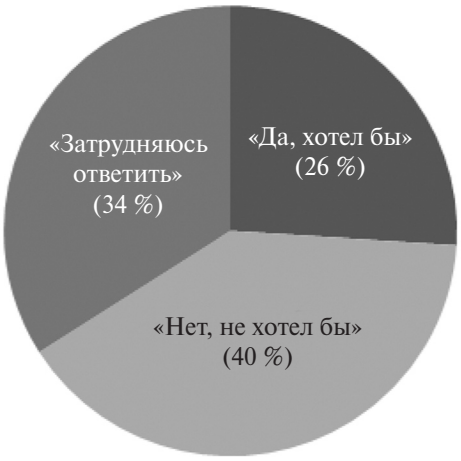


Рис. 3. Результаты ответа респондентов на вопрос: «Хотели бы Вы, чтобы преподавание некоторых дисциплин велось у Вас с использованием дистанционных образовательных технологий?»

Fig. 3. Assessment of the needs of students in distance education technologies

ководителей, особенно по некоторым направлениям, минимальный.

Показательно и то, что многие аспекты выявленных проблем совпадают с данными мониторинга по ведущим вузам (входят в ТОП-25), который с декабря 2016-го по февраль 2017 г. проводила компания Changellenge. Исследование касалось степени удовлетворенности студентов качеством получаемого или уже полученного ими образования. Опрос показал, что уровень обучения в целом соответствует ожиданиям учащихся, однако более половины респондентов пожаловались на недостаток практики в программах вузов. При этом самую высокую оценку образованию дали первокурсники, а к старшим курсам количество удовлетворенных качеством обучения уменьшается [18]. Данные опросов подтверждают волновую тенденцию удовлетворенности обучением: сначала снижение (от конца первого курса к третьему-четвертому), а затем возрастание (в магистратуре). С этим необходимо считаться при проведении мероприятий по корректировке образовательного процесса и внедрению инноваций.

Заключение

Мониторинг качества получаемого образования остается одним из наиболее эффективных каналов налаживания обратной связи, установления двусторонней коммуникации между всеми участниками образовательного процесса. Следовательно, вузу как инициатору данного коммуникационного взаимодействия нужно учитывать, что в ходе исследования оценки качества образования придется сталкиваться с проявлениями недостаточной готовности студентов выступать в роли субъекта оценки, а значит, решение проблемы формирования культуры участия в социологических исследованиях требует дополнительных усилий. Что касается недостаточной готовности студентов выступать в роли субъектов оценивания качества образования, то здесь можно отметить, что мнения, полученные в результате опроса, содержат именно непосредственную оценку предмета исследования со стороны респондентов, их отношение к изучаемой проблематике, а значит, обладают достаточной ценностью для исследователя.

Для совершенствования системы мониторинга удовлетворенности студентов качеством образования необходимо усилить коммуникативную составляющую образовательного процесса в университете, так как именно информированность студентов о процессе, целях и задачах мониторинговых технологий позволит им с большей готовностью выступать в роли субъекта оценивания. Налаживание системы мониторинговых оценок качества образования, образовательного процесса, а также развитие постоянных каналов обратной связи со студентами будет выступать одним из условий формирования их коммуникативной компетентности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Никитина Н.Ш., Валеев М.А., Щеглов М.А.** Управление качеством образования. Системный подход // Системы управления качеством: проектирование, организация, методология: матер. X симпозиума «Квалиметрия человека и образования: методология и практика». Кн. 4 / под науч. ред. Н.А. Селезнёвой, А.И. Субетто. М.: Изд-во Исслед. центра проблем качества подготовки специалистов, 2002. С. 17–29; **Брызгалина Е.В.** Проблемы оценки качества образования: теория и практика. URL: http://www.chem.msu.ru/rus/books/2012/science-education-2012/124.pdf (дата обращения: 12.01.2018).

2. **Бессонов К.А.** Обратная связь в педагогическом взаимодействии преподавателя и студента // Juvenis scientia. 2016. № 2. С. 86–89. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obratnaya-svyaz-v-pedagogicheskomvzaimodeystvii-prepodavatelya-i-studenta (дата обращения: 12.01.2018).

3. **Зотова В.А.** Международный опыт участия студентов в оценке качества образования // Креативная экономика. 2017. Т. 11, № 3. С. 303–314. DOI: 10.18334/ce.11.3.37707.

4. **Поздеева Е.Г.** Образовательная среда как фактор формирования профессионала нового типа // Соврем. образование: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. победителей VIII Междунар. науч.-практ. конф. 2017. С. 192–194. URL: https://elibrary.ru./autor_items.asp?authorid=626547 (дата обращения: 12.01.2018).

5. **Запесоцкий А.С., Санкин Л.А., Викторенкова С.В.** Преподаватель глазами студентов. URL: https://www.gup.ru/uni/rektor/113.pdf (дата обращения: 12.01.2018).

6. **Lee H.** Getting student satisfaction. The Guardia. URL: https://www.theguardian.com/education/2001/nov/27/students (дата обращения: 12.01.2018).

7. **Казакова И.А.** Показатели качества образовательных услуг вуза // Науч.-метод. электрон. журн. «Концепт». 2016. Т. 11. С. 2901–2905. URL: http://e-koncept.ru/2016/86613.htm (дата обращения: 12.01.2018).

8. **Кан-Калик В.А.** Основы профессионально-педагогического общения. Грозный, 2005. 531 с.

9. **Татаренкова И.А., Кибец В.Н.** Преподаватель как фасилитатор инновационного образовательного процесса в вузе // Соврем. проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. URL: https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18086 (дата обращения: 14.01.2018).

10. **Сняданко И.И.** Оценка студентами учебно-познавательного взаимодействия с преподавателями в контексте психологической готовности к будущей профессионально-управленческой деятельности // Научный диалог: Педагогика. Психология. 2014. № 6 (30). С. 15–26.

11. **Shah M., Nair C., Richardson J.** Measuring and enhancing the student experience. Cambridge: Chandos Publ., 2017. 188 p.

12. **Чандра М.Ю.** Технология мониторинга качества преподавания в вузе // Дискуссия. 2014. № 4 (45). URL: http://www.journal-discussion.ru/publication.php?id=1091 (дата обращения: 10.01.2018).

13. **Степанова М.М., Чёрненькая Л.В.** Анкетирование студентов как инструмент оценки удовлетворенности потребителя качеством образования в магистратуре по направлению «Лингвистика» // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 4 (232). С. 175–181. DOI: 10.5862/JHSS.232.21.

14. **Ядов В.А.** Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет : Университет, 1998. 596 с.

15. **Андриенко А.В.** Удовлетворенность первокурсников процессом обучения в вузе // J. of Siberian Medical Sciences. 2007. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/udovletvorennost-pervokursnikov-protsessom-obucheniya-v-vuze (дата обращения: 12.01.2018).

16. **Политех** глазами студентов: образование, наука, политика: альм. социол. исследований 2016–2017 гг. / сост. Л.В. Панкова, И.Р. Тростинская, Е.Г. Поздеева, А.Г. Танова; под ред. Е.М. Разинкиной. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. 142 с.

17. **Котова С.С., Хасанова И.И.** Проблема оценки качества образования глазами студентов как фактор инновационного развития высшего образования // Путь науки. 2016. № 8 (30). С. 80–82. URL: https://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1597677 (дата обращения: 12.01.2018).

18. **Вышка** вошла в ТОП-3 по уровню удовлетворенности студентов обучением. URL: https://career.hse.ru/news/207326133.html (дата обращения: 15.02.2018).

Танова Анна Гераклитовна
E-mail: tanovaann@mail.ru

Евсеева Лидия Ивановна
E-mail: l.evseeva@mail.ru

Поздеева Елена Геннадиевна
E-mail: elepozd@mail.ru

Тростинская Ирина Рафаиловна
E-mail: irtrost@mail.ru

Статья поступила в редакцию 24.01.2018 г.

REFERENCES

[1] N.Sh. Nikitina, M.A. Valeev, P.E. Shcheglov, [Quality management of education. The system approach], in: Sistemy upravleniya kachestvom: proyektirovaniye, organizatsiya, metodologiya [Quality management systems: design, organization, methodology]. Materials of the X symp. ["Human and Education Qualifications: Methodology and Practice"], b. 4, N.A. Selezneva, A.I. Subetto (Ed.). Research Center for Quality Problems in Training Specialists Publ., Moskow, 2002, pp. 17–29; E.V. Bryzgalina, [Problems of assessing the quality of education: theory and practice]. Available at: http://www.chem.msu.ru/rus/books/2012/science-education-2012/124.pdf (accessed 12.01.2018).

[2] K.A. Bessonov, [Feedback in pedagogical interaction between teacher and student], Juvenis scientia, 2 (2016) 86–89. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/obratnaya-svyaz-v-pedagogicheskomvzaimodeystvii-prepodavatelya-i-studenta (accessed 12.01.2018).

[3] V.A. Zotova, [International experience of participation of students in the evaluation of the quality of education], Creative economics, 11 (3) (2017) 303–314. DOI: 10.18334/ce.11.3.37707.

[4] E.G. Pozdeeva, [The educational environment as a factor in the formation of a new type of professional], in: Sovremennoye obrazovaniye: aktual'nyye voprosy, dostizheniya i innovatsii [Contemporary education: topical issues, achievements and innovations: collection of articles of the winners of the VIII Intern. scientific and practical conf.], 2017, pp. 192–194. Available at: https://elibrary.ru./autor_items.asp?authorid=626547 (accessed 12.01.2018).

[5] A.S. Zapesotskiy, L.A. Sankin, S.V. Viktorenkova, [The teacher through the eyes of students]. Available at: https://www.gup.ru/uni/rektor/113.pdf (accessed 12.01.2018).

[6] H. Lee, Getting student satisfaction, The Guardia. Available at: https://www.theguardian.com/education/2001/nov/27/students (accessed 12.01.2018).

[7] I.A. Kazakova, [Indicators of quality of educational services of the university], Scientific and methodical electronic magazine "Concept", 11 (2016) 2901–2905. Available at: http://e-koncept.ru/2016/86613.htm (accessed 12.01.2018).

[8] V.A. Kan-Kalik, Osnovy professional'no-pedagogicheskogo obshcheniya [Fundamentals of professional and pedagogical communication], Grozny, 2005.

[9] I.A. Tatarenkova, V.N. Kibetz, [The teacher as a facilitator of the innovative educational process in the university], Modern problems of science and education, 1–1 (2015). Available at: https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18086 (accessed 12.01.2018).

[10] I.I. Snyadanko, [Students' assessment of educational and cognitive interaction with teachers in the context of psychological readiness for future professional and managerial activities], Scientific dialogue: Pedagogy. Psychology, 6 (30) (2014) 15–26.

[11] M. Shah, C. Nair, J. Richardson, Measuring and enhancing the student experience, Chandos Publ., Cambridge, 2017.

[12] M.Yu. Chaydra, [Technology monitoring of the quality of teaching in the university], Discussion, 4 (45) (2014). Available at: http://www.journal-discussion.ru/publication.php?id=1091 (accessed 12.01.2018).

[13] M.M. Stepanova, L.V. Chernenkaya, [Questioning of students as a tool for assessing customer satisfaction with the quality of education in the Master's program in the direction of "Linguistics"], St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 4 (232) (2015) 175–181. DOI: 10.5862/JHSS.232.21.

[14] V.A. Yadov, Strategiya sotsiologicheskogo issledovaniya. Opisaniye, ob''asneniye, ponimaniye sotsial'noy real'nosti [Strategy of sociological research. Discription, explanation, understanding of social reality], Dobrosvet, University Publ., Moskow, 1998.

[15] A.V. Andrienko, [Satisfaction of first-year students at the university], J. of Siberian Medical Sciences, 1 (2007). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/udovletvorennost-pervokursnikov-protsessom-obucheniya-v-vuze (accessed 12.01.2018).

[16] Politekh glazami studentov: obrazovaniye, nauka, politika. Al'manakh sotsiologicheskikh issledovaniy 2016–2017 [Polytech with eyes of students: education, science, politics. Almanac of sociological research 2016–2017 year], Compiled by: L.V. Pankova, I.R. Trostinskaya, E.G. Pozdeeva, A.G. Tanova; ed. E.M. Razinkinoy, Publ. House Polytechnic Univ., St. Petersburg, 2017.

[17] S.S. Kotova, I.I. Hasanova, [The problem of assessing the quality of education through the eyes of students as a factor in the innovative development of higher education], The Way of Science, 8 (30) (2016) 80–82. Available at: https://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1597677 (accessed 12.01.2018).

[18] [The tower entered TOP-3 in terms of students' satisfaction with training]. Available at: https://career.hse.ru/news/207326133.html (accessed 12.02.2018).

Tanova Anna G.
E-mail: tanovaann@mail.ru

Evseeva Lidiya I.
E-mail: l.evseeva@mail.ru

Pozdeeva Elena G.
E-mail: elepozd@mail.ru

Trostinskaya Irina R.
E-mail: irtrost@mail.ru

Received 24.01.2018.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2018

DOI: 10.18721/JHSS.9111
УДК 372.881.161.1

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД КАК СОВРЕМЕННОЕ ТРЕБОВАНИЕ К СОЗДАНИЮ УЧЕБНИКА И УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ ПО НАУЧНОМУ СТИЛЮ РЕЧИ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Е.Н. Туана, И.Ю. Смелкова
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассмотрен инновационный подход к созданию учебных пособий по научному стилю речи для иностранных студентов неязыковых специальностей, получающих высшее образование на русском языке в российских вузах. Авторы обосновывают необходимость создания учебников и учебных пособий, которые будут учитывать принципы комплексного подхода к обучению аспектам языка и видам речевой деятельности, необходимые для качественного обучения языку специальности, коммуникативную направленность обучения, возможности индивидуализации образовательного процесса и соответствовать требованиям Государственных образовательных стандартов по русскому языку как иностранному. Рекомендации, разработанные на основании анализа учебных пособий и обобщения опыта практической деятельности авторов, могут быть полезны при создании новых учебников и учебных пособий по научному стилю, которые помогут иностранным учащимся прочно овладеть знаниями по русскому языку, выработать навыки и сформировать умения для дальнейшего удовлетворения своих коммуникативных потребностей в учебно-научной и учебно-профессиональной сферах общения в России.

Ключевые слова: русский как иностранный; научный стиль речи; аспекты языка; виды речевой деятельности; комплексное обучение; язык специальности; профессионально ориентированное обучение; коммуникативная направленность обучения; учебник; учебное пособие

Ссылка при цитировании: Туана Е.Н., Смелкова И.Ю. Комплексный подход как современное требование к созданию учебника и учебного пособия по научному стилю речи для иностранных студентов неязыковых специальностей // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 1. С. 102–111. DOI: 10.18721/JHSS.9111

THE COMPLEX APPROACH AS A MODERN REQUIREMENT TO WRITING A TEXTBOOK ON SCIENTIFIC LANGUAGE STYLE FOR FOREIGN STUDENTS OF NON-LINGUISTIC COURSES

E.N. Tuana, I.Yu. Smelkova
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The article considers an innovative approach to writing textbooks on the scientific language style for foreign students studying non-linguistic courses in Russian universities. We have substantiated the need to create textbooks on the scientific language style taking

into account the principles of complex training of students in all types of language activity necessary for qualitative teaching of the course's language, taking into account the communicative orientation of training, and meeting the requirements of the state standards. The developed recommendations obtained as a result of the experiment can be useful to future authors when creating new textbooks on the scientific language style of speech for teaching Russian as a foreign language.

Keywords: Russian as foreign language; scientific language style; types of speech activity; complex training; language of specialty; professional-oriented training; communicative orientation of teaching; textbook

Citation: E.N. Tuana, I.Yu. Smelkova, The complex approach as a modern requirement to writing a textbook on scientific language style for foreign students of non-linguistic courses, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 9 (1) (2018) 102–111. DOI: 10.18721/JHSS.9111

Введение

Обучение научному стилю речи иностранных учащихся, решивших получить высшее профессиональное образование в российских вузах, является одной из важных задач в преподавании русского языка как иностранного (РКИ). Получение специальности на неродном для иностранца языке – процесс трудный и многоаспектный. Пребывание в чужой социокультурной среде, наличие национально-специфического опыта учебной деятельности у иностранных учащихся, социально-культурная адаптация к условиям проживания и обучения в России – все эти факторы являются значимыми в образовательном процессе, и их необходимо учитывать при обучении иностранцев [1].

Русский язык для иностранных учащихся – предмет изучения и средство получения специальности. Качественный процесс обучения в вузе и общая мотивация к учебной деятельности напрямую зависят от успешного овладения учащимися русским языком. Обязательным компонентом программы по русскому языку как на этапе предвузовской подготовки, так и на протяжении всего периода обучения в высшем учебном заведении является изучение научного стиля речи с учетом профиля будущей специальности иностранного студента. Результатом обучения научному стилю речи (языку специальности) должны стать «устойчивые знания, навыки и умения общения в учебно-научной и учебно-профессиональной сферах» [2, с. 42].

Важная роль в организации процесса обучения иностранных учащихся наряду со специальными нормативными документами, методическими пособиями, программами, учебными планами, которые относятся к средствам, адресуемым преподавателю РКИ, отводится учебникам и учебным пособиям – средствам, предназначенным для учащихся[1]. Именно они являются традиционными носителями содержания образования, «центральным звеном обучающей программы» [3].

Следует различать «профессиональные знания», которые формируют на занятиях по специальным дисциплинам преподаватели-предметники, и «языковую и речевую компетенции», формируемые на занятиях по русскому языку преподавателями-русистами. «К настоящему времени в оценке уровня владения русским языком утвердилось понятие коммуникативной компетенции – способности средствами изучаемого языка осуществлять речевую деятельность в соответствии с целями, задачами, ситуацией общения в рамках определенной сферы. В основе коммуникативной компетенции лежит комплекс умений, которые позволяют коммуниканту участвовать в речевом общении (в его продуктивных и рецептивных видах)»[2].

Главной целью формирования языковой и речевой компетенций будущих специалис-

[1] *Хавронина С.А., Балыхина Т.М.* Инновационный учебно-методический комплекс «Русский язык как иностранный»: учеб. пособие. М.: Изд-во РУДН, 2008. 198 с. С. 106.

[2] Там же. С. 133.

тов является изучение грамматического и лексического материала, в том числе выработка речевых навыков и формирование умений на основе материалов учебников и учебных пособий по научному стилю речи. Учебные пособия подбираются преподавателями в соответствии с уровнем подготовки, уровнем владения иностранными учащимися русским языком и программами, предусматривающими определенный набор методических и учебных материалов, соответствующий определенному этапу обучения и профилю будущих специалистов. Для студентов неязыковых специальностей русский язык не является самоцелью [4, с. 19]. Для них язык служит средством получения специальности, поэтому основная цель преподавателя – дать знания по русскому языку и сформировать у иностранных учащихся умения профессиональной речи в устной и письменной формах, т. е. научить профессиональному общению.

Разработка и создание учебников и учебных пособий по научному стилю речи, которые будут учитывать принципы комплексного подхода к обучению аспектам языка (лексике, грамматике) и видам речевой деятельности (чтению, говорению, аудированию, письму), являются современным требованием, необходимым для обеспечения качественного обучения иностранных учащихся языку специальности [5].

Постановка проблемы и цели исследования

Создание учебного пособия по русскому языку для иностранных учащихся неязыковых специальностей имеет свою специфику.

В методике обучения иностранным языкам существуют многочисленные исследования, посвященные вопросам преподавания научного стиля речи как одного из важных функциональных стилей речи, являющегося неотъемлемой частью современного образования. Научный стиль речи рассматривался многими лингвистами. Существуют работы, посвященные методике преподавания научного стиля речи, лингводидактическим основам обучения русскому языку (Е.И. Мотиной, Н.А. Метс, Т.Б. Одинцовой, Н.С. Бухтияровой, Н.М. Лариохиной, М.Н. Кожиной, О.Д. Митрофановой, С.А. Хаврониной, О.А. Крыловой, М.П. Котюровой, О.А. Лаптевой, О.В. Илюхиной, Л.А. Константиновой, Л.В. Тимохиной, А.М. Николаева и др.); работы по повышению эффективности иноязычной профессионально-коммуникативной подготовки студентов в вузе (Н.И. Алмазовой, А.В. Рубцовой, Д.В. Булатовой, М.В. Озеровой, И.А. Пугачёва, В.В. Клобуковой, А.И. Сурыгина, Т.М. Балыхиной и др.); исследования, касающиеся проблемы создания учебных пособий с профессионально ориентированным обучением иностранному языку (Т.А. Анохиной, И.Л. Бим, Б.А. Лапидуса, Е.Г. Таревой, М.В. Озеровой, В.Л. Скалкина, С.О. Елинек, А.Р. Арутюнова, М.Н. Вятютнева, В.П. Дорожкиной, С.К. Фоломкиной, В.Г. Бейлинсона и др.).

Однако следует заметить, что не во всех учебных пособиях для студентов неязыковых специальностей в полной мере реализуются общедидактические принципы и учитываются принципы комплексного подхода к обучению аспектам языка (лексике, грамматике) и видам речевой деятельности (чтению, говорению, аудированию, письму).

Несмотря на значительные научно-методические достижения в области теории и практики создания учебников и учебных пособий, предназначенных для профессионально ориентированного обучения иностранному языку, существует много вопросов, связанных с практической реализацией требований, закрепленных в Государственных образовательных стандартах по русскому языку для иностранных учащихся [6].

Цель данной статьи – обосновать необходимость создания учебников и учебных пособий по научному стилю речи, которые будут соответствовать основополагающим дидактическим принципам и учитывать принципы комплексного подхода к обучению лексике, грамматике и всем видам речевой деятельности как современного требования, необходимого для качественного обучения языку специальности и удовлетворения коммуникативных потребностей иностранных учащихся неязыковых специальностей в учебно-научной и учебно-профессиональной сферах общения в России.

При подготовке учебных пособий по научному стилю для иностранных учащихся преподаватели принимают во внимание Государственные образовательные стандарты, учебные планы, уровень владения русским языком, профиль обучения. Не только при поступлении на 1-й курс вуза, но и на протяжении всей учебной

деятельности в нем учащиеся должны иметь необходимые языковые знания и сформировать речевые умения в соответствии с нормативными документами[3]:

Лексика. Грамматика: знать и правильно употреблять языковые средства как в рамках отдельных предложений, так и при осуществлении коммуникативной речевой деятельности; выбирать необходимые грамматические конструкции; заменять одни грамматические конструкции другими; правильно употреблять словосочетания; понимать и правильно употреблять словосочетания в переносном значении и др.

Чтение: пользоваться разными видами чтения (изучающим, ознакомительным, просмотровым, поисковым) при чтении учебной и научной литературы; выделять ключевые слова (словосочетания); определять, в каких смысловых отношениях находятся основная и второстепенная информации; определять композиционную организацию текста и др.

Говорение: организовывать речь в форме диалога (начать диалог, продолжить диалог, расспросить о чем-либо); отвечать на вопросы; определять поведенческую роль и принимать участие в учебно-научной дискуссии; выступать с монологическим высказыванием (докладом, сообщением, рефератом).

Аудирование: понимать основной смысл прослушанного текста (лекции, сообщения, учебно-научной дискуссии); выделять главную и второстепенную информацию; давать оценку прослушанному тексту.

Письмо: репродуцировать письменный текст и аудиотекст (кратко сделать запись основной информации из лекции, сообщения, доклада); продуцировать письменный текст (написать план, конспект, реферат, курсовую и дипломную работы и др.).

Подготовку к обучению на 1-м курсе вуза иностранные учащиеся проходят на этапе предвузовского обучения, уже во 2-м семестре программой по русскому языку предусматривается обучение научному стилю речи. На первом и последующих курсах учащиеся продолжают изучение научного стиля речи не только на материалах адаптированных учебных текстов из учебников и учебных пособий, но и на материале аутентичных текстов по профилю своей будущей специальности. К трудностям, которые испытывают иностранные учащиеся на протяжении всего обучения в вузах России, можно отнести разные уровни владения русским языком, недостаток знаний и несформированные умения в таких видах речевой деятельности, как чтение, говорение, аудирование, письмо, не всегда соответствие степени сложности текстов как письменных, так и устных уровню подготовки учащихся, короткие сроки и условия для изучения материала и мн. др. Учебники и учебные пособия по научному стилю речи призваны помочь им адаптироваться к учебной деятельности, преодолеть трудности в изучении русского языка, дать необходимую информацию о языковых и речевых явлениях, стать средством общения – «ключом», который поможет учащимся реализовать свои коммуникативные потребности, качественно обучаться и получить специальность на русском языке.

Методология

С целью подтверждения предположений о трудностях, которые испытывают иностранные учащиеся на разных этапах обучения в вузах России, а также о возможных способах их преодоления были проведены: 1) анализ научной литературы по проблеме преподавания научного стиля речи; 2) выборочный анализ учебной литературы по научному стилю речи для разных профилей обучения (гуманитарного, экономического, технического) и разного уровня владения РКИ, выпущенной издательствами «Златоуст» и «Русский язык. Курсы», издательством СПбПУ и др.; 3) выборочный анализ методических пособий для иностранных студентов разного профиля обучения. Кроме того, были проведены: изучение и обобщение педагогического опыта коллег, работающих многие годы с иностранными студентами на разных этапах обучения; педагогическое наблюдение на занятиях по научному стилю речи с учащимися разных профилей и на разных этапах обучения (предвузовская подготовка, 1–4-й курсы); моделирование специальных заданий для вы-

[3] Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному для учащихся естественно-научного, медико-биологического и инженерно-технического профилей. II уровень владения русским языком в учебно-профессиональной сфере. М., 2000.

явления трудностей у студентов разного уровня подготовки и разных профилей обучения и проверка достоверности предположений; выборочное анкетирование и интервьюирование как учащихся на этапе предвузовской подготовки, так и учащихся с 1-го по 4-й курс, имеющих разный уровень владения РКИ и обучающихся по разным профилям (экономическому, техническому).

Критериями для анализа учебной литературы явились: цели отдельно взятых учебных пособий; содержание пособий; принципы организации учебного материала уроков в пособиях; уровень сложности и соответствие текстов заявленной тематике; соответствие текстов и заданий уровню подготовки учащихся по русскому языку; типы заданий по видам речевой и языковой деятельности; количество этих заданий; последовательность и сбалансированность заданий в уроке по всем аспектам речевой деятельности (чтению, говорению, аудированию, письму); соответствие формулировок заданий поставленной цели обучения и способности студентов правильно понять и выполнить поставленную задачу; соответствие учебных пособий основным дидактическим принципам и требованиям ФГОС.

Результаты исследования

В результате выборочного анализа учебной литературы по научному стилю речи для иностранных студентов неязыковых специальностей разного профиля обучения и разного уровня подготовки по русскому языку нами были выявлены следующие недостатки:

1. Учебные пособия не в полной мере отвечают актуальным целям и задачам обучения.

2. Тексты и лексико-грамматический материал не соответствуют уровню владения языком: учебные тексты перегружены терминами, количество незнакомых слов превышает допустимый уровень трудности, конструкции предложений сложны для восприятия и понимания.

3. При изложении материала не всегда соблюдается принцип системности и последовательности: расположение заданий пред- и послетекстовых, заданий на аспекты языка и виды речевой деятельности (недостаточно заданий по лексике и грамматике, много заданий на чтение и письмо).

4. Обучение разным видам речевой деятельности в учебных пособиях организовано неравномерно; чаще предпочтение отдается чтению и письменным видам работы, очень редко встречаются задания на аудирование. Обычно аудированию посвящены специальные пособия. Подобный подход к обучению научному стилю речи влечет за собой «неравномерный процесс овладения языком» [7, с. 84].

5. Отсутствуют образцы и алгоритмы выполнения заданий повышенной сложности, которые требуют от учащихся комплекса определенных знаний, навыков и умений; нет ключей к заданиям, дающих возможность студентам без помощи преподавателя выполнить задания и проверить их правильность.

6. Наличие однотипных заданий во всех разделах пособия («Переведите слова на родной язык»; «Прочитайте текст»; «Ответьте на вопросы»; «Найдите правильные ответы» и др.). Задания со стандартными формулировками приводят к потере интереса и не приносят должного результата.

7. Не соблюдается принцип постепенного усложнения материала. Объем и уровень сложности всех текстов в пособии часто одинаков.

8. Мало иллюстративного материала (схем, таблиц).

9. Учебные пособия по научному стилю речи, как правило, не имеют коммуникативных заданий, мало игровых заданий типа «Примите участие в научной дискуссии на тему...»; «Начните, продолжите, поддержите диалог»; «Задайте вопросы товарищам по группе» или «Представьте, что вы хотите устроиться на работу. Вы потенциальный работник», или «Вы работодатель и проводите интервью. Какие вопросы вы зададите вашему потенциальному работнику?» и др.

10. Отсутствие контрольных работ, позволяющих оценить степень усвоения пройденного учебного материала, проанализировать достигнутые результаты. Как правило, все учебные пособия ограничиваются материалом уроков. Нет тестов к каждому уроку или разделу.

Анкетирование и интервьюирование как учащихся на этапе предвузовской подготовки, так и учащихся с 1-го по 4-й курс неязыковых специальностей различных профилей обучения, имеющих разные уровни владения РКИ, позволили сделать следующие выводы:

1) большинство иностранных учащихся (примерно 90 %) на этапе предвузовской подготовки испытывают трудности по всем аспектам языка (фонетике, лексике, грамматике) и речевой деятельности (чтению, говорению, аудированию, письму) и объясняют это тем, что не всегда могут найти правильные значения слов, не понимают грамматику, не имеют представления об изучаемой теме, не понимают объяснения преподавателя, так как не знают русского языка (такие трудности чаще испытывают китайские студенты);

2) студенты 1-го курса испытывают трудности преимущественно при аудировании; учащиеся 1–4-го курсов больше всего трудностей испытывают в понимании лекций (так, студенты 1-го курса понимают лекцию лишь на 10–20 %, а студенты 4-го курса – на 50–60 %); трудности при устных выступлениях (сообщение, презентация) испытывают студенты 1-го и 2-го (80 %), 3-го и 4-го курсов (60 %); затрудняются при записи лекции, составлении конспекта учащиеся 1-го и 2-го (80 %), 3-го и 4-го курсов (70 %), при написании рефератов и курсовых работ студенты 1-го курса (90 %), 2-го курса (80 %), а также 3-го и 4-го курсов (50 %);

3) лексика дается студентам с трудом; запас ее для прослушивания лекции недостаточен; особенно трудно найти подходящее значение слова, если оно рассматривается в отрыве от контекста;

4) вызывают трудности произношение слов, составление словосочетаний (подбор подходящих слов), правильное употребление грамматических окончаний, построение конструкции предложения, понимание текста при чтении или прослушивании;

5) возникают трудности при воспроизведении текста лекции, сообщения, при передаче содержания, а также при монологических развернутых высказываниях на семинарах, студенческих конференциях, при подготовке докладов и выступлений;

6) учащиеся испытывают трудности при выполнении учебно-научных письменных работ (написании рефератов, курсовых и дипломных работ), предусмотренных программой вуза, из-за незнания структуры научной работы, непонимания способа ее выполнения.

Выявленные недостатки при выборочном анализе учебной литературы по научному стилю речи для иностранных учащихся различных профилей обучения, имеющих разные уровни подготовки по русскому языку, а также обобщение опыта практической деятельности авторов позволили сформулировать рекомендации, которые могут быть учтены при создании новых учебников и учебных пособий и помогут иностранным учащимся в реализации коммуникативных потребностей в учебно-научной и учебно-профессиональной сферах общения:

1. При создании учебных пособий по научному стилю речи для иностранных учащихся необходимо следовать требованиям, соответствующим ФГОС по русскому языку как иностранному (профессиональный модуль).

2. Учебные пособия по научному стилю речи должны строиться на основе взаимосвязанного обучения всем видам речевой деятельности. Под взаимосвязанным обучением понимается «обучение, направленное на одновременное формирование четырех основных видов речевой деятельности в рамках их определенного последовательно-временного соотношения, на основе общего языкового материала, с помощью специальной серии упражнений» [8, с. 23]. Взаимосвязанное обучение видам речевой деятельности неоднократно было предметом изучения с разных позиций ряда исследователей в области психологии, психолингвистики и методики. Ему посвятили свои работы И.А. Зимняя, Г.И. Гонтарь, Н.И. Беришвили, А.П. Григорьева, Е.В. Ковалевская, В.А. Мерзлякова и др. Современная методика рекомендует комплексную работу над всеми видами речевой деятельности, которая является оптимальной формой организации учебного процесса и обеспечивает качественное овладение иностранным языком. При этом осуществляется опора на все виды и источники восприятия. В данном случае можно говорить о «равномерном» формировании навыков и умений во всех видах речевой деятельности.

3. Учебное пособие должно иметь коммуникативную направленность. В ходе обучения языку специальности студентам нужны коммуникативные задания, моделирующие профессиональную сферу общения. При выполнении таких заданий иностранные студенты будут ощущать свою коммуникативную состоятельность, смогут актуализировать свой собственный учебный и жизненный опыт, проявить личностные качества. А.А. Занкова справедливо отме-

чает, что большинство учебных комплексов по английскому языку построено на основе коммуникативного подхода, в отличие от учебных пособий по русскому языку как иностранному, и подчеркивает: «В настоящее время коммуникативный метод обучения остается приоритетным как для преподавателей в их практической деятельности, так и для исследователей в педагогике и лингводидактике» [9]. Основная идея коммуникативного подхода в обучении – это использование изучаемого языка для общения. Если говорить о преподавании языка специальности, то это формирование профессионально-коммуникативной компетенции.

4. Главной единицей обучения должен являться учебно-научный текст как источник научной информации и как речевой образец, в котором будут отражены лексико-грамматические особенности научного текста. Необходимо использовать тексты из учебников, которые формируют профессиональную компетенцию студентов. В данном случае речь идет о междисциплинарных связях в обучении иностранных студентов [10]. Сотрудничество между преподавателями-предметниками и преподавателями РКИ необходимо для совместного создания учебных пособий, ориентированных на обучение языку специальности (создание терминологических словарей, отбор текстов по специальности и др.). Без помощи преподавателей профильных дисциплин невозможно составить качественную «текстосистему специальности» [11], на основе которой будут формироваться базовые знания, навыки и умения иностранных студентов, необходимые в профессиональной сфере общения.

5. Необходимо избыточное количество заданий и их разнообразие, которые позволят преподавателю более гибко организовать работу с учащимися, имеющими разные уровни языковой подготовки [12]. В данном случае «чем больше можно сделать с содержанием, представленным в книге, тем более оно становится содержанием мышления и сознания ученика» [13, с. 32]. С.О. Елинек отмечает, что важным признаком современного учебника является его адаптивность, т. е. вариативное использование учебных материалов в зависимости от меняющихся условий обучения, а именно «варьирование способов обучения с учетом специфики конкретного курса, динамики педагогического процесса и индивидуальных стилей обучающей деятельности отдельных преподавателей» [3, с. 59]. Вариативное использование учебного пособия позволяет индивидуализировать процесс обучения, а значит, добиться более высоких результатов в овладении языком.

6. В достаточном объеме должны присутствовать задания для самостоятельного изучения (задания с ключами, домашнее чтение и др.), что способствует формированию самоорганизации студентов, повышению мотивации к обучению, более глубокому осмыслению учебного материала и развитию самоконтроля.

7. Объем учебного материала должен быть оптимален и оставлять преподавателю возможность для обобщения, систематизации и повторения изученного [14]. Полученные знания должны повторяться и закрепляться, а сформированные навыки и умения необходимо применять на практике.

8. В учебном пособии необходимо наличие контрольных материалов для оценки усвоения пройденного учебного материала на разных этапах обучения (текущем, промежуточном, при итоговом контроле). Сюда относятся устные опросы, письменные задания, контрольные работы, задания на аудирование.

9. Следует использовать различные методы визуализации учебной информации. Наличие иллюстративного материала (схем, таблиц, рисунков) способствует лучшему пониманию содержания текста по специальности.

10. Необходимо создавать учебно-методические комплексы (учебное пособие, рабочая тетрадь, контрольные материалы, методическое руководство для преподавателя), которые наиболее полно решают задачи, возникающие в рамках образовательного процесса.

Данные рекомендации неразрывно связаны с основополагающими обязательными дидактическими принципами: научности, доступности, целенаправленности, систематичности и последовательности, наглядности, связи теории с практикой, сознательности и активности. Эти принципы способствуют прочному овладению учащимися знаниями по русскому языку, выработке навыков и формированию умений для реализации их коммуникативных потребностей, воспитанию и развитию учащегося как личности, индивидуальному подходу к учащимся в процессе обучения.

Заключение

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Исходным компонентом основ обучения языку дисциплин как на этапе предвузовской подготовки, так и на основных этапах обучения в вузе является личностно ориентированный подход к обучаемому, сочетающийся с принципами и методами обучения РКИ.

2. Овладение прочными знаниями по русскому языку, выработка необходимых навыков и формирование умений для реализации коммуникативных потребностей в учебно-научной и учебно-профессиональной сферах общения в России являются главной целью обучения иностранных учащихся на занятиях по научному стилю речи в вузе.

3. Для занятий по научному стилю речи характерна коммуникативная направленность обучения. Учебник или учебное пособие является главным средством обучения языку специальности на занятиях и способствует формированию языковой и речевой компетенции учащихся.

4. Современным требованием и необходимостью для качественного обучения иностранных учащихся языку специальности является создание учебников и учебных пособий по научному стилю речи, которые будут учитывать принципы комплексного подхода к обучению аспектам языка (лексике, грамматике) и видам речевой деятельности (чтению, говорению, аудированию, письму) и соответствовать требованиям ФГОС по русскому языку.

5. Отбор материала для учебных пособий по научному стилю речи должен производиться на основе принципов научности, доступности, адаптированности, узнаваемости, селективности, сбалансированности и потенцирования языковых и коммуникативных возможностей обучаемых. Согласно принципу селективности, необходимо выявлять конкретные лексико-грамматические конструкции для обучения иностранных студентов дисциплинам на вузовском этапе. Исходя из принципа сбалансированности лексических единиц и стилевых оборотов, следует определять, каковы критерии отбора грамматических конструкций и важнейших понятий, предназначенных для использования в речи. Принцип потенцирования языковых и коммуникативных возможностей обучаемых предполагает включение в учебные пособия по научному стилю речи текстов для различных видов чтения (изучающего, ознакомительного, просмотрового, поискового), а также выполнение различных видов заданий для усвоения учебного материала и проверки полученных знаний.

6. Постоянный анализ научной, учебной и методической литературы, обобщение опыта коллег и собственный педагогический опыт, педагогическое наблюдение, анкетирование и интервьюирование учащихся – всё это позволило выявить недостатки и выработать рекомендации, которые могут быть полезны авторам при создании новых учебных пособий по научному стилю речи для иностранных студентов, получающих специальность в высших учебных заведениях России.

7. Учебники и учебные пособия по языку специальности, созданные на основе комплексного обучения аспектам языка и всем видам речевой деятельности, помогут иностранным учащимся овладеть русским языком на должном уровне, выработать необходимые навыки и сформировать умения для дальнейшей реализации коммуникативных потребностей в учебно-научной и учебно-профессиональной сферах общения в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Сурыгин А.И.** Дидактические основы предвузовской подготовки иностранных студентов в высших учебных заведениях. СПб.: Нестор, 2000. 391 с.

2. **Ерёмина В.В., Ерёмина О.С.** Место научного стиля речи в процессе обучения иностранцев русскому языку на довузовском этапе // Изв. Волгоградского гос. техн. ун-та. 2014. Т. 11, вып. 14 (141). С. 42–43.

3. **Елинек С.О.** О роли учебника в процессе обучения русскому языку как иностранному // Рус. яз. за рубежом. 1995. № 1. С. 58–60.

4. **Соляник О.Е.** Создание учебного пособия по русскому языку для иностранных учащихся технических вузов // Таврический науч. обозреватель. 2017. № 2 (19). С. 19–24.

5. **Рубцова А.В., Алмазова Н.И.** Стратегия развития профессионально ориентированного иноязычного образования в высшей школе // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 2. С. 107–114. DOI: 10.18721/JHSS.8212.

6. **Тарева Е.Г.** Создание учебного пособия по иностранным языкам в информационную эпоху // Социально-психол. аспекты образования: межвуз. сб. науч. тр. Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 1999. С. 128–131.

7. **Борисова П.В.** Принципы разработки учебного пособия по английскому языку для специальных целей в техническом вузе // Вопросы методики преподавания в вузе. 2017. Т. 6, № 20. С. 80–93.

8. **Взаимосвязанное** обучение видам речевой деятельности / Григорьева В.П., Зимняя И.А., Мерзлякова В.А. [и др.]. М.: Рус. яз., 1985. 116 с.

9. **Занкова А.А.** К практике использования коммуникативного подхода в преподавании русского языка как иностранного // CredeExperto: транспорт, общество, образование, язык. 2016. № 4 (11). URL: http://ce.if-mstuca.ru.

10. **Кутузова Г.И.** Междисциплинарные связи в обучении иностранных студентов. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008. 379 с.

11. **Гусева Л.Г.** Дидактическое обеспечение профессионально ориентированного обучения русскому языку иностранных военнослужащих на этапе довузовской подготовки: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2004. 179 с.

12. **O'Malley J.M., Chamot A.U.** Learning Strategies in Second language Acquisition. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990. 175 p.

13. **Современная** учебная книга: подготовка и издание / под ред. С.Г. Антоновой, А.А. Вахрушева. М.: Изд-во МГУП, 2004. 224 с.

14. **Krashen S.D.** Second language acquisition and second language learning. Oxford: Pergamon Press, 1981. 151 p.

Туана Екатерина Николаевна
E-mail: ekaterina.tuana@yandex.ru

Смелкова Инга Юрьевна
E-mail: ingastudy@gmail.com

Статья поступила в редакцию 04.02.2018 г.

REFERENCES

[1] A.I. Surygin, Didakticheskiye osnovy predvuzovskoy podgotovki inostrannykh studentov v vusshykh uchebnykh zavedeniyakh [The didactic bases of pre-university training of foreign students in the Higher Educational Institutes], Nestor, St. Petersburg, 2000.

[2] V.V. Eremina, O.S. Eremin, [The place of the scientific style of the speech in the process of teaching the foreigners to the Russian language at the pre-university level], Izvestiya of the Volgograd State Technical Univ. 11 (14) (141) (2014) 42–43.

[3] S.O. Jelinek, [About the role of the textbook in the process of training to the Russian as a foreign language], The Russian language abroad, 1 (1995) 58–60.

[4] O.Ye. Solyanik, [The creation of a schoolbook on the Russian language for foreign students of technical universities], Tavrichesky scientific observer, 2 (19) (2017) 19–24.

[5] A.V. Rubtsova, N.I. Almazova, [The strategy of the development of the professionally oriented foreign-language education at the Higher School], St. Petersburg State Polytechnical University Journal: Humanities and Social Sciences, 8 (2) (2017) 107–114. DOI: 10.18721/JHSS.8212.

[6] E.G. Tareva, Sozdaniye uchebnogo posobiya po inistrannym yazykam v informatsionnuyu epokhy [The creation of a textbook on the foreign languages in the information period], in: Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty obrazovaniya [The socio-psychological aspects of the training: Interuniversity collection of scientific works], ISLU Publ., Irkutsk, 1999, pp. 128–131.

[7] P.V. Borisova, [The principles of the development of a textbook on English for special purposes at technical universities], Voprosy metodiki prepodavaniya v vuze [Questions of teaching methodology at the university], 6 (20) (2017) 80–93.

[8] V.P. Grigoryeva, I.A. Zimnyaya, V.A. Merzlyakova et al., Vzaimosvyazannoe obucheniye vidam rechevoy deyatel'nosty [Interconnected training for types of speech activity], Russkiy yazyk, Moscow, 1985.

[9] A.A. Zankova, [To the practice of using the communicative approach in the teaching of the Russian as a foreign language], CredeExperto: Transport, Society, Education, Language, 4 (11) (2016). Available at: http://ce.if-mstuca.ru.

[10] G.I. Kutuzova, Mezhdistsiplinarniye svyazi v obuchenii inostrannikh studentov [The interdisciplinary connections in the training of foreign students], Politechnical Univ. Publ. House, St. Petersburg, 2008.

[11] L.G. Guseva, Didakticheskoe obespecheniye professional'no orientirovannogo obucheniya russkomy yazyku inostrannykh voennosluzhashchih na etape dovuzovskoy podgotovki [The didactic support of professionally oriented training to the Russian language of foreign servicemen at the stage of pre-university training], Cand. Diss., St. Petersburg, 2004.

[12] J.M. O'Malley, A.U. Chamot, Learning Strategies in Second language Acquisition. Cambridge Univ. Press, Cambridge, 1990.

[13] Sovremennaya uchebnaya kniga: podgotovka i izdaniye [The modern educational book: the preparation and the publication], MGUP Publ., Moscow, 2004.

[14] S.D. Krashen, Second language acquisition and second language learning, Pergamon Press, Oxford, 1981.

Tuana Ekaterina N.
E-mail: ekaterina.tuana@yandex.ru

Smelkova Inga Yu.
E-mail: ingastudy@gmail.com

Received 04.02.2018.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2018

Хроника

DOI: 10.18721/JHSS.9112
УДК 1/316.77(130.1)+(303.01)+(159)

IX МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА»

И.П. Березовская
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье представлен обзор IX Международной научно-теоретической конференции «Коммуникативные стратегии информационного общества», прошедшей в октябре 2017 г. на базе Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. На конференции присутствовали представители интеллектуальных кругов гуманитарного знания из России, Казахстана, Эстонии, Италии и США, что свидетельствует об актуальности и интеллектуальной значимости обсуждавшихся на ней вопросов. Участниками конференции освещались вопросы концептуальной интеграции научных исследований по проблемам социокультурной динамики и коммуникативных процессов, происходящих в современном обществе. Междисциплинарный синтез исследований коммуникации позволил интеллектуальному сообществу, сформированному темой конференции, успешно справиться с задачей разработки единой методологической базы исследований и проблемой конструирования современных социальных технологий коммуникативного взаимодействия. В завершение конференции состоялась дискуссия по вопросам конструктивной взаимосвязи науки и образования, сохранения интеллектуального и нравственного потенциала современного общества. Материалы конференции представлены в сборнике «Коммуникативные стратегии информационного общества: труды IX Международной научно-теоретической конференции» (СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017).

Ключевые слова: конференция; информационное общество; коммуникация; коммуникативные стратегии; коммуникативные среды; социотехническая реальность

Ссылка при цитировании: Березовская И.П. IX Международная научно-теоретическая конференция «Коммуникативные стратегии информационного общества» // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9. № 1. С. 112–115. DOI: 10.18721/JHSS.9112

9TH INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND THEORETICAL CONFERENCE "COMMUNICATIVE STRATEGIES OF THE INFORMATION SOCIETY"

I.P. Berezovskaya
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The paper presents an overview of the 9th International scientific theoretical conference "Communicative strategies of the information society", which took place in October 2017 at Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. The wide array of urgent issues discussed at this conference brings together representatives of intellectual circles of humanitarian knowledge from Russia, Kazakhstan, Estonia, Italy and the United States. The participants of the conference focused on the issues of conceptual integration of scientific research on the problems of socio-cultural dynamics and communication processes taking place in modern society. The interdisciplinary synthesis of communication research makes it possible for the intellectual community formed by the subject of the conference to successfully cope with the task of developing a unified methodological base of research and the problem of designing modern social technologies of communication interaction. The conference was concluded by a discussion on the constructive relationship between science and education, the preservation of the intellectual and moral potential of modern society. The conference papers have been published in the Proceedings of the 9th International scientific and theoretical conference.

Keywords: conference; information society; communication; communication strategies; communicative environments; sociotechnical reality

Citation: I.P. Berezovskaya, 9th International scientific and theoretical conference "Communicative strategies of the information society", St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 9 (1) (2018) 112–115. DOI: 10.18721/JHSS.9112

В нашем городе 26–27 октября 2017 г. на базе Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (СПбПУ) прошла IX Международная научно-теоретическая конференция «Коммуникативные стратегии информационного общества», организованная высшей школой общественных наук СПбПУ и Национальным исследовательским Томским политехническим университетом. В обсуждении проблемных вопросов, представленных в программе конференции, приняли участие специалисты разных областей гуманитарного знания из России, Казахстана, Эстонии, Италии и США. Интеллектуальное сообщество, сформированное тематикой конференции, составили доктора и кандидаты наук, аспиранты, соискатели, студенты и заинтересованные слушатели.

Перед участниками конференции стояла сложная, но весьма актуальная задача концептуальной интеграции научных исследований по проблемам социокультурной динамики, разработки представлений об инновационном, информационном, сетевом обществе, анализа коммуникативных процессов, сетей и технологий в современном социуме.

Интерес лингвистов к проблеме коммуникативных стратегий стал наиболее активен с середины 1980-х гг. Вначале они рассматривались как составляющая коммуникативного взаимодействия. По мере развития информационного общества коммуникация стала выступать системообразующим фактором экономической, политической, индивидуальной жизни, и осмысление данного феномена вышло за рамки лингвистических исследований.

Информационная революция второй половины XX в. спровоцировала увеличение доли СМИ, Internet, сотовой и спутниковой связи в обеспечении информационно-коммуникативного взаимодействия, а также изменила социальные механизмы, обеспечивающие функционирование коммуникативного пространства современных людей.

В XXI в. осмысление коммуникативных процессов становится всё более насущным не только в социально-гуманитарной, но и в научно-технической сфере, что указывает на необходимость формирования теории, интегрирующей и обобщающей достигнутые результаты в различных областях. На достижение этой цели и была ориентирована работа конференции. Программными установками ее явились: междисциплинарный синтез исследований коммуникации, построение методологической базы этих исследований, конструирование современных социальных технологий коммуникативного взаимодействия.

В докладе *С.В. Клягина*, доктора философских наук, профессора, заведующего кафедрой теории и практики общественных связей историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, отмечалось, что коммуникативные практики выступают фактором активного конструирования и переформатирования информационного общества, поэтому актуальным является рассмотрение функциональных аспектов дифференциации коммуникативного пространства. Экспликация коммуникативных платформ – перспективное направление изучения и проектирования коммуникативного пространства информационного общества.

Э.В. Баркова, профессор кафедры философии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, в своем докладе обозначила еще одно перспективное направление исследования коммуникативных практик – исследование человеческих ресурсов. Наблюдающееся сегодня значительное опережение в освоении и развитии веб-ресурсной сети по отношению к ресурсу человека подчеркивает необходимость освоения человечеством самого себя, своих бесконечных, ничем не ограниченных и пока еще недостаточно исследованных ресурсов.

Программа конференции включала в себя выступления и дискуссии по сквозным темам: «Информационное общество: топосы современности», «Интеллектуально-коммуникативные среды информационного общества – наука, культура, образование», «Социокультурные среды информационного общества – проблемы межкультурной коммуникации», «Коммуникативные стратегии в социальном управлении: человеческие ресурсы, веб-ресурсы, PR-технологии», «Технологии массовой коммуникации в социотехнических системах», «Личность в коммуникативных средах сетевого общества», «Инструменты мультимедиа-педагогики: музыкально-компьютерные технологии».

Особый интерес у собравшихся вызвала проблема трансформации образовательной среды в условиях сетевого общества. В своем докладе *О.Д. Шипунова*, профессор высшей школы общественных наук СПбПУ, указала на необходимость перехода к новой модели образования. Эта модель должна иметь целью развитие способностей человека, содержать проект глобального социума и учитывать динамику социокультурного пространства.

В связи с трансформацией образовательной среды *Е.В. Палей*, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Ивановского государственного химико-технологического университета, выдвинула идею о превращении университета в альтернативную форму существования личности, требующую построения новых коммуникативных стратегий в современном глобальном образовательном пространстве. С точки зрения докладчика, сдвиги в ценностном сознании академического сообщества, переводящие исключительность из «вертикального» (руководящего) в «горизонтальное» (альтернативное) русло ее понимания, смогут сохранить «идею университета, не исказив ее сущности».

В своем выступлении *В.А. Лобастова*, кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, отметила, что образование всецело выстраивается вокруг акта понимания, который с феноменологической точки зрения представляет собой непрерывный поиск смыслов, переплетенных в пластичную структуру различных многоуровневых синтетических процедур, выстраиваемых на основе усмотрения всего сущего в единстве и формирования целостной картины мира.

На заседании секции «Личность в коммуникативных средах сетевого общества» были отмечены происходящие изменения личности в контексте сетевого общества.

В рамках секции «Коммуникативные стратегии в социальном управлении: человеческие ресурсы, веб-ресурсы, PR-технологии» обсуждались проблемы влияния сетевой коммуникации на трансформацию государственного управления. Было отмечено, что развитие науки, информационно-коммуникационных технологий дает возможность использовать более совершенные аналитические методы в государственном управлении, в том числе и при прогнозировании будущего, применение мобильных информационных технологий в политике позволяет обществу выйти на новый уровень взаимодействия граждан с государственными институтами власти, а сетевые технологии открывают новые возможности двусторонней политической коммуникации. Участники секции подчеркивали стабилизирующую роль обратной связи в политической коммуникации.

Направление выступлений и дискуссий определялось заинтересованностью в конструктивной взаимосвязи науки и образования, сохранении интеллектуального нравственного потенциала современного общества, что соответствовало общей теме форума «Дни философии в Санкт-Петербурге – 2017: философия и образование в современном мире», проходившего в то же время. Работу конференции заключал круглый стол «Философия коммуникации. Коммуникативные среды современного общества: тренды и традиции», в рамках которого в форме конструктивного диалога и научного обмена мнениями обсуждались вопросы социальной адаптации человека в новых коммуникативных средах и трансформации форм социального взаимодействия в социотехнической реальности информационного общества.

Основные идеи участников конференции нашли отражение в книге «Коммуникативные стратегии информационного общества: труды IX Международной научно-теоретической конференции» (СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017).

ЛИТЕРАТУРА

Коммуникативные стратегии информационного общества: тр. IX Междунар. науч.-теорет. конф. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. 385 с.

Березовская Ирина Петровна
E-mail: ipberezovskaya@mail.ru

Статья поступила в редакцию 06.03.2018 г.

REFERENCES

Kommunikativnye strategii informatsionnogo obshchestva [Communicative strategies of the information society]: trudy IX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii [Proc. of the IX Intern. scientific and theoretical conf.], Polytechnical Univ. Publ. House, St. Petersburg, 2017.

Berezovskaya Irina P.
E-mail: ipberezovskaya@mail.ru

Received 06.03.2018.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2018

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки

St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences

Том 9, № 1, 2018

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Редакция журнала

д-р филос. наук, профессор *Д.И. Кузнецов* – главный редактор
д-р филос. наук, профессор *О.Д. Шипунова* – зам. главного редактора
Л.Д. Чернухо – литературный редактор, корректор
Г.А. Пышкина – технический секретарь

Телефон редакции (812) 552-62-16

E-mail: ntv-human@spbstu.ru

Компьютерная верстка – Н.А. Дубовская

Лицензия ЛР № 020593 от 7 августа 1997 г.

Подписано в печать 18.04.2018 г. Формат 60×84 1/8. Бум. тип. № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,37. Уч.-изд. л. 14,37. Тираж 1000. Заказ

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
Издательство Политехнического университета,
член Издательско-полиграфической ассоциации университетов России.
Адрес университета и издательства: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ
в журнале «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки»

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Журнал «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием. Он зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ №ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.) и распространяется по подписке Объединенного каталога «Пресса России» (индекс 80634).

Журнал с 2002 года входит в Перечень ведущих научных рецензируемых журналов и изданий (перечень ВАК) и принимает для печати материалы научных исследований, а также статьи для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующим основным научным направлениям: ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ, ФИЛОСОФСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. Научные направления журнала учитываются ВАК Минобрнауки РФ при защите докторских и кандидатских диссертаций в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников.

Периодичность выхода журнала – 4 номера в год.

Редакция журнала соблюдает права интеллектуальной собственности и со всеми авторами научных статей заключает издательский лицензионный договор.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

2.1. Оформление материалов

1. Объем статей докторов наук, профессоров, докторантов, соискателей ученой степени доктора наук, как правило, 12–20 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать четырех, таблиц – трех, литературных источников – пятнадцати.

2. Объем статей преподавателей, сотрудников, соискателей ученой степени кандидата наук, как правило, 8–15 страниц формата А4, объем статей аспирантов – 8 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – двух, литературных источников – десяти.

3. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (0,5–1 стр., актуальность, существующие проблемы); основная часть (постановка и описание задачи, изложение и суть основных результатов); заключительная часть (0,5–1 стр., предложения, выводы), список литературы (оформление по ГОСТ 7.05-2008).

4. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

5. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

Шрифт – TNR, размер шрифта основного текста – 14, интервал – 1,5, таблицы большого размера могут быть набраны 12 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 3 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2 см, текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1 см.

2.2. Представление материалов

Вместе с материалами статьи должны быть обязательно представлены:

- номер УДК в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);
- аннотация (2–3 предложения) на русском и английском языках;
- ключевые слова (5–7) на русском и английском языках;
- сведения об авторах на русском и английском языках: ФИО, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, контактные телефоны, e-mail;
- аспиранты представляют документ отдела аспирантуры, заверенный печатью;
- рецензия на имя зам. главного редактора, подписанная специалистом, имеющим ученую степень доктора наук и/или ученое звание профессора. Рецензия должна быть ОБЯЗАТЕЛЬНО заверена в отделе кадров. Рецензент несет ответственность за содержание статьи, достоверность представленных материалов.

Представление всех материалов осуществляется в электронном виде через личный кабинет ЭЛЕКТРОННОЙ РЕДАКЦИИ по адресу **http://journals.spbstu.ru**.

2.3. Рассмотрение материалов

Представленные материалы (п. 2.2) первоначально рассматриваются редакционной коллегией и передаются для рецензирования. После одобрения материалов, согласования различных вопросов с автором (при необходимости) редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

При отклонении материалов из-за нарушения сроков подачи, требований по оформлению или как не отвечающих тематике журнала материалы не публикуются и не возвращаются.

Редакционная коллегия не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

Публикация материалов аспирантов очной бюджетной формы обучения осуществляется бесплатно в соответствии с очередностью.

При поступлении в редакцию значительного количества статей их прием в очередной номер может закончиться ДОСРОЧНО.

Более подробную информацию можно получить по телефону/факсу редакции:
+7 (812) 552-62-16 с 10^{00} до 18^{00} – Галина Александровна
или по e-mail: ntv-human@spbstu.ru